

9(С154)
X-20
-56974-

**Эренжен Хара-Даван
и его наследие**

9(С154)
X-20

ЭРЕНЖЕН ХАРА-ДАВАН И ЕГО НАСЛЕДИЕ

ас

Элиста
АУ РК «Издательский Дом «Герел»
2012

УДК 947 (470.47)
ББК 63.3 (2 Рос. Калм)
Э 763

Составление, вступительная статья, комментарии
П. Э. Алексеевой

Э 763 **Эренжен Хара-Даван** и его наследие: сборник статей и материалов / Сост. П. Э. Алексеева. Элиста: АУ РК «Издательский Дом «Герел», 2012, 350 с.

ISBN 978-5-7539-0728-8

Впервые широкий круг читателей получает возможность ознакомиться с рядом работ Э. Хара-Давана, которые были опубликованы в 1920 – 30-е гг. в различных зарубежных изданиях, ставших библиографической редкостью. По не зависящим от составителя обстоятельствам не все статьи автора вошли в данный сборник. В книгу включены также статьи известных ученых о жизни и творчестве Э. Хара-Давана. Опубликованные материалы позволяют оценить масштабность личности одного из ярких представителей калмыцкой эмиграции.

УДК 947 (470.47)
ББК 63.3 (2 Рос. Калм.)

ISBN 978-5-7539-0728-8

© Оформление. АУ РК «Издательский Дом «Герел», 2012
© Алексеева П.Э., составление, предисловие, 2012

ПРЕДИСЛОВИЕ

В начале XX века Россия, пережившая три революции и две войны, оказалась перед выбором своей дальнейшей исторической участи. Осмысление этого выбора придало тот мощный импульс, который привел к возникновению в русской интеллектуальной мысли такого сложного и дискуссионного явления, как евразийство. Среди основателей этого движения были представители различных гуманитарных направлений: филолог Н. С. Трубецкой, философ Л. П. Карсавин, историк Г. В. Вернадский, врач и историк Э. Хара-Даван, географ и экономист П. Н. Савицкий, историк культуры Г. В. Флоровский, правовед Н. Н. Алексеев и др.

Евразийство предложило новые пути исследования различных исторических типов культур на основе их принципиальной равноценности. Рассматривая русскую культуру как совершенно самостоятельную цивилизацию, в которой в равной мере сочетаются опыт Запада и Востока, они обосновывают идею существования России – Евразии как особого историко-культурного региона, равно несхожего ни с Западом, ни с Востоком.

К началу 1930-х гг. евразийское движение раскололось, а к середине 1930-х гг. прекратило свою активную деятельность. Вновь интерес к евразийству появился во второй половине XX столетия, что было связано с деятельностью Л. Н. Гумилева. Его приверженность к концепции евразийства выразилась в генеральной идее научных изысканий евразийцев: Евразия – это не только огромный континент, но сформировавшийся в центре его историко-культурный регион с тем же названием. Опираясь на взаимосвязь между географическими условиями жизни народа и характером его культуры, обоснованную классиками евразийства, и на учение о биохимической энергии живого вещества, Л. Н. Гумилев выстроил теорию пассионарного развития этноса.

Таким образом, евразийство как мощная историко-методологическая школа с идеей существования России – Евразии как особого историко-культурного региона, породило парадигму естественной исторической близости между разнообразными евразийскими народами. Различные аспекты идеологии евразийства, выраженные в их представлениях о культуре и ее исторических типах, которые положены в основание философии истории Н. С. Трубецким, Л. П. Карсавиным, Г. В. Вернадским, развивали другие представители этого идеологического течения.

Свой весомый вклад в развитие идеологии евразийства внес представитель калмыцкого народа Эренжен Хара-Даван (1885 – 1941). Он являлся одним из выдающихся представителей первого поколения калмыцкой интеллигенции, который родился в начале XX «бурного» столетия. Доктор Э. Хара-Даван стал одним из первых медиков-калмыков, имеющих высшее образование. Уже этого было бы достаточно, чтобы запечатлеть его имя в скрижалях истории Калмыкии. Однако более яркий след в истории Э. Хара-Даван оставил как политический деятель (один из активных общественных деятелей в период революции 1917 г., первый руководитель Советской Калмыкии, один из лидеров калмыцкой эмиграции), как философ и один из самобытных идеологов евразийского движения (творчество которого и поныне является предметом пристального интереса евразийских теоретиков), как писатель (произведения которого изданы и переиздаются во многих странах мира от Адриатики до Тихого океана).

Подобная биография могла бы стать основой для современного авантюрного романа, но для того времени такой сложный и противоречивый жизненный путь не был чем-то особенным. Многие русские общественные деятели (в том числе «отцы» русского марксизма Г. В. Плеханов и П. Б. Струве), находившиеся в оппозиции к правящему режиму и боровшиеся за свержение царской власти, отказались связать свою судьбу с Советами и умерли за пределами России. В этом отношении Эренжен Хара-Даван оказался типичным представителем русской интеллигенции, на долю которой в эти годы выпала сложная судьба и величайшая ответственность.

В зарождающейся калмыцкой интеллигенции молодой Хара-Даван – одна из наиболее значимых фигур, и поэтому неудивительно, что в период революции 1917 г. он принял активное участие в политических процессах в Калмыкии. Наиболее насущными задачами для национальной элиты калмыцкого народа, которая в то время аккумуляли-

рвала в себе основные политические интересы и требования общества (так же, как и многих других), стали объединение разрозненных частей калмыцкого народа и создание национальной автономии. Для Хара-Давана этот вопрос являлся стержневым, в чем читатель может убедиться лично, прочитав многие статьи из его творческого наследия. Он готов был бороться за объединение и национальную автономию калмыков любыми путями или способами; главным для него стала конечная цель. Хара-Даван оказался, пожалуй, единственным политиком, который последовательно выступал за все три пути достижения автономии: земский, казачий и советский.

Его активное участие в исторически обусловленных процессах того времени привели к тому, что первый лидер Советской Калмыкии оказался в эмиграции. Попытка разобраться в событиях, которые круто изменили судьбу народа, приводит его к осмыслению и интерпретации происшедшего. Итоги своих размышлений он публикует на страницах эмигрантской печати. Концепцию национального будущего своего народа Э. Хара-Даван, конечно же, сформировал под влиянием основополагающих положений евразийства. Не вдаваясь в рассмотрение всего комплекса идей, развитых в евразийской концепции, попытаемся в общих чертах коснуться лишь тех ее аспектов, которые непосредственно относятся к теме его научных изысканий. По его мнению, национальный вопрос был стержневой проблемой времени. Свое программное положение по данной проблеме он открыто обозначает: «В наше время космополитизма и интернационализма я утверждаю ценность личности и отдельной нации, ибо убежден, что человечество еще не перешагнуло эру национальной формы бытия и в политике, и в культуре».¹

Одним из общеметодологических принципов евразийства выступает полицентризм. История человечества в евразийской теории рассматривается не как единое целое с единственным историко-культурным центром, а как мозаичная целостность, разбитая на ландшафты. Этот принцип прослеживается и у Э. Хара-Давана. Его вера в евразийскую модель, бесспорно, является основой для понимания его научных изысканий, итогом которых стало обобщенное обоснование евразийской модели цивилизации в книге «Чингис-хан как полководец и его

¹ *Хара-Даван Э.* К вопросу о национальном объединении // Ойрат. Белград, 1925. С. 8.

наследие. Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII – XIV века».

Таким образом, в сложившихся на пороге XXI века исторических условиях идеи евразийства, выраженные в трудах Э. Хара-Давана, приобретают особую актуальность как для калмыцкого народа, так и для всей многонациональной России в целом.

* * *

Учитывая значимость и немалый интерес к такой исторической фигуре, как Эренжен Хара-Даван, мы поставили своей целью собрать его творческое наследие, в первую очередь, его работы, опубликованные за рубежом в эмигрантской малотиражной печати и малодоступные читателям. К сожалению, не все статьи Э. Хара-Давана удалось обнаружить. Из-за низкого качества имеющихся в наличии копий периодических изданий эмиграции не удалось восстановить текст нескольких статей Э. Хара-Давана. Неизвестна судьба одной из основных его работ «Национальный вопрос», выдержки и отдельные главы из которой были напечатаны в свое время в журнале «Вольное Казачество». Но даже опубликованные в книге материалы позволяют понять всю масштабность и значимость личности Э. Хара-Давана не только для калмыцкого, но и всего русского зарубежья.

Книга, которую вы держите в руках, во многом уникальна. Впервые широкий круг читателей получает возможность ознакомиться с рядом статей Э. Хара-Давана, которые были опубликованы в 1920 – 1930-е годы в различных зарубежных изданиях, ставших библиографической редкостью.

В первой части сборника помещены статьи о жизни и творчестве Э. Хара-Давана, в том числе ранее не публиковавшиеся или опубликованные за рубежом. Вторую часть сборника составляет творческое наследие Э. Хара-Давана. Статьи расположены по времени публикации. Самая известная работа Э. Хара-Давана «Чингис-хан как полководец и его наследие. Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII – XIV века» многократно переиздавалась и хорошо известна читателям его творчества, поэтому в этот сборник она не включена. Работу завершают примечания и приложения, в которых приведены архивные документы, письма из семейного архива Эренжена Хара-Давана и библиография его трудов.

П. Э. Алексеева

I. ЕВРАЗИЕЦ ЭРЕНЖЕН ХАРА-ДАВАН

Программа евразийцев не хочет все народы стричь под общую российскую гребенку и тем обезличивать их: дается право и возможность каждой из наций Евразии внести свою индивидуальную национальную культуру как частицу общей наднациональной культуры евразийской – чем из более разнообразных цветов и запахов составлен букет, тем он пышнее и ароматнее.

Эренжен Хара-Даван

ЧИНГИС-ХАН КАК ПОЛКОВОДЕЦ И ЕГО НАСЛЕДИЕ

[Заявление президиума КККР]

В прошлом [1928] году вышла на книжный рынок книга д-ра Хара-Давана под вышеуказанным заголовком. Этот труд, как полагается, вызвал ряд отзывов. Такая форма отношения к литературному труду является наиболее нормальной. Президиум Калмыцкой Комиссии Культурных Работников посчитал уместным нижеследующее заявление, если бы, к сожалению, не необычное выступление небольшой группы калмыков на страницах парижской газеты «П.Н.» [Последние новости] с «протестом» на труд д-ра Хара-Давана.

Сущность этого «протеста» сводится к следующему:

1. Д-р Хара-Даван выступает от имени калмыков;
2. Чингис-хан никакого отношения к калмыкам не имеет;
3. Калмыки суть казаки;
4. Калмыки своей родиной почитают великую Россию, а потому никакого возрождения монгольских племен, в том числе калмыков, не нужно.

Не имея своего органа, Калмыцкая Комиссия не могла своевременно реагировать на упомянутый «протест». Настоящим Президиум Комиссии заявляет:

1. Калмыцкая Комиссия, не входя в оценку деталей, книгу Хара-Давана считает весьма ценной для познания прошлого монголов, одно из племен которых представляют калмыки.

2. Заявление, будто д-р Хара-Даван выступает от имени калмыков, не имеет основания и свидетельствует лишь о простом непонимании авторами «протеста» содержания книги.

3. В свое время Калмыцкая Комиссия пыталась издать книгу Хара-Давана, но безуспешно.

4. Выступление калмыка д-ра Хара-Давана на литературном поприще является отрядным в культурной жизни калмыков фактом, достойным подражания. Указанный «протест» свидетельствует только о малом развитии у его авторов национального самосознания.

5. В следующем номере «Информации» Калмыцкая Комиссия надеется дать надлежащую оценку труду д-ра Хара-Давана, разбор по существу.

6. Калмыцкая Комиссия настоятельно рекомендует своим братьям-калмыкам серьезно познакомиться с богатым содержанием ценной книги д-ра Хара-Давана «Чингис-хан».

Председатель Калмыцкой Комиссии
Зам. председателя
Член Президиума
Секретарь

Б. Уланов
Э. Николаев
Ш. Балинов
Э. Бурульдушов

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Итак, прочитана последняя страница книги автора, мало известного современному читателю. Кто он? Какие обстоятельства побудили его буквально на одном дыхании, в стремительном полете творческого вдохновения поделиться своими познаниями с другими?

После составления в 1240 г. «Сокровенного сказания» – эпического повествования монголов о Чингис-хане и его роде, было написано на разных языках мира немало исторических, научных, популярных, художественно-прозаических книг. Из последних хорошо известны в нашей стране романы В. Г. Яна «Чингис-хан», И. Калашникова «Жестокий век», выдержавшие не одно издание. Все это свидетельствует о том, что в каждую историческую эпоху человечество стремится познать и оценить одну из мировых личностей, какой был Чингис. В числе интересующихся был и Эренжен Хара-Даван. Вполне осознавая, что он не первый, да и не последний, кто интересуется Чингис-ханом, в предисловии к своей книге автор должное внимание уделил предшественникам и современникам. Так, с выдающимся русским ученым-монголоведом академиком Б. Я. Владимирцовым, автором изданной в 1922 г. в Берлине книги «Чингис-хан», Эренжен Хара-Даван был знаком по студенческим годам в Петербурге. Высоко ставя авторитет ученого, он не без участия последнего выступил с докладом в 1928 г. в Белградском университете, а затем и написал книгу на русском, а не на родном калмыцком языке.

Хара-Даван не пренебрегал наблюдениями, свидетельствами своих предшественников, современников, с трудами которых знакомился на разных языках. Компилируя и домысливая их, он создает собственное представление о личности Чингиса на фоне истории средневековой Монголии и покоренных чингисидами стран, народов, пытается взаимосвязать его с их последующей историей. Чтобы сделать более убедительным и весомым свой труд, дает приложения к его обеим частям, переведенные в свое

время на русский язык разными авторами. Одним из них был его товарищ Санджи Баянов.

Составленный Эренженом Хара-Даваном титул к книге необычно содержательно насыщен. Здесь и обширный подзаголовок, и изображенный символ древнего знания «Очир», и запечатленный на печати Чингиса афоризм, данный опять-таки в русском переводе. В книге немало иллюстраций, причем не столько художественных, сколько исторически-документальных. Таким образом, автор стремился привлечь внимание как можно большего числа читателей к своему труду.

Книга Хара-Давана впервые была издана вдали от монгольского мира на русском языке в Белграде в типографии «Феникс», находившейся на ул. Кр. Петра в доме № 57. Некто М. Г. Ковалев исполнил заказ автора, пожертвовавшего на издание труда собственные средства. Так кто же он — первый и пока единственный калмыцкий автор, посвятивший свое сочинение одной из мировых исторических личностей?

Более ста лет назад, в 1885 г., в кочевье Малодербетовского улуса, занявшего в послеханский период центральную часть Калмыцкой степи, у одного из подданных нойона Тундутова калмыка Ики-Бухусовского аймака Давы, прозванного однохотонца за смуглоту «Хара» (Черный), родился сын. Он был наречен именем Эренжен.

Детские годы маленького Эренжена протекали, как и у его сверстников, со всеми детскими огорчениями и радостями, а глав-

ное среди родных и любимых. Рано проявившиеся способности, а также неумное желание познать больше, чем мог дать окружающий мир, привели подросткового Эренжена на школьную скамью. Родись он на несколько десятков лет раньше, вряд ли ему повезло бы. Школы для мальчиков в Малодербетовском и других калмыцких улусах были открыты, причем по одной в каждом, благодаря реформе народного образования, докатившейся до глухой степи кочевников как эхо буржуазных обновлений в России.

Родители Эренжена были бедные. Отец, не имея достаточного количества скота, чтобы прокормить семью, был вынужден постоянно работать по найму. Часто ему везло, и он находил работу неподалеку от родных мест, в соседских крестьянских селениях. Многие же разорившиеся калмыки чаще всего уходили из родных мест вроде бы временно, но получалось так, что навсегда. За счет их пополнялись ряды рабочих на ближайших к степи соляных выработках и на рыбных промыслах.

Как бы то ни было, отец маленького Эренжена не мог платить за учебу сына, и он, как и его многие сверстники, учился в улусной школе на общественные средства, а точнее за счет общественного капитала калмыцкого народа, созданного в 30-е годы XIX в. для оказания помощи потерпевшим бедствие кочевникам.

После окончания улусной школы в числе немногих способных ровесников Эренжен, значившийся в списках под фамилией Даваев, был отправлен в г. Астрахань – тогдашний административный центр Калмыцкой степи. Здесь он стал гимназистом и, пока учился, быстро освоив игру на скрипке, мог на слух подбирать хорошо знакомые ему мелодии народных песен, танцев. Музыкальные способности в сочетании с хорошей памятью оказались весьма кстати. Вскоре ему представился случай продемонстрировать свои незаурядные качества, которые оценили не просто знатоки – любители народной словесности, а ученые.

Летом 1904 г., находясь на каникулах, юный Эренжен вместе с товарищем гимназистом Санджи Баяновым отправился в Сарепту,

прослышав, что туда приехали из Петербурга некие люди, интересующиеся народным творчеством калмыков. Так состоялось знакомство двух калмыцких юношей с прибывшим из Финляндии профессором Гельсингфорского университета Г. И. Рамstedтом и сопровождавшим его молодым преподавателем восточного факультета Петербургского университета А. Д. Рудневым. Ученые записали у молодых людей несколько национальных мелодий. По всей вероятности, не без их влияния, вернувшись домой, Эренжен начал собирать и записывать народные мелодии. Свои записи он подарил А. Д. Рудневу спустя два года, в 1906 г., когда приехал в Петербург поступать в Военно-медицинскую академию.

Годы учебы в столице пришлось на нелегкое, тревожное время. В стране в разгаре была первая народная революция. Вчерашнему гимназисту, приехавшему из заштатного губернского города, не пришлось видеть народное шествие, возглавленное попом Гапоном, расстрел огромного числа невинных жертв. Витавший дух социального протеста, борьбы за свободу невольно заражал и будоражил его сознание. До него доходили слухи, что в родной Калмыцкой степи тоже неспокойно. В свободные от занятий часы Эренжен торопился встретиться со своими земляками – студентами Петербургского университета.

Калмыков, учившихся в учебных заведениях России, было совсем немного, буквально единицы. Об учебе за границей, в Европе, не было и речи. Только время от времени ламаистское духовенство посылало из хурулов молодых, проявивших способности служителей учиться в духовную резиденцию Далай-ламы в Тибет.

В эти годы на юридическом факультете Петербургского университета учился Бадма Уланов, сын известного донского казачьего офицера, зачисленного на службу в Генеральный штаб России и к тому времени погибшего во время паломничества в Тибет к Далай-ламе. На юридический факультет были приняты окончившие с Эренженом Даваевым в 1906 г. гимназический курс Санджи Баянов и Дорджи Манджиев. Последний одновременно поступил в

консерваторию и начал заниматься в классе виолончели. Двумя годами позже окончил Астраханское реальное училище и выдержал вступительные экзамены на восточный факультет университета Ноха Очиров. С ними проводил будущий врач свободное время, которого было не так много. Порядки и нравы в Военно-медицинской академии были строгие. Здесь готовили врачей преимущественно для армии и флота. В то время, как в университете студенчество оказалось в авангарде революционного молодежного движения и действовало под руководством созданного комитета РСДРП, что в конце концов заставило власти временно закрыть университет, в стенах Военно-медицинской академии подобного не произошло. Возвращавшемуся от товарищей Эренжену в академии приходилось быть сдержанным.

Встречи с товарищами всегда были радостными, согревали его теплом родных мест, возможностью просто пообщаться, поговорить на родном языке. Спустя почти два десятилетия, оказавшись на чужбине, в далекой Чехословакии, в Праге, по всей вероятности, вспомнил об этом периоде Бадма Уланов. На обороте собственного фото он сделал следующую надпись: «Дорогому Другу и Товарищу юных дней Эренжену Хара-Даваеву. Дарю на долгую память. Пути наши долго шли вместе, потом расходились ненадолго, но сошлись снова. Кто знает, что будет в будущем, но мое искреннее, душевное желание, чтобы теперь наши пути уже не расходились, чтобы наши силы ума, души, всех средств и вся энергия, вся изобретательность пошли на возрождение, процветание, силу, крепость дорогого, любимого нашего народа калмыцкого, живущего в Европе, Азии».

Именно в Петербурге в суровые годы революции и последующих лет черной реакции закладывалась дружба этих людей, которым было суждено войти в историю Калмыкии. Как представители зарождавшейся национальной интеллигенции они оказались под влиянием первой народной революции в России, ее демократических, просветительских идей.

Бадма Уланов уже в годы революции выступил одним из инициаторов и организаторов первой национальной организа-

ции калмыцких учителей на Дону – «Знамя калмыцкого народа» («Хальмг Тангчин туг»). Эта организация, образовавшись как секция Всероссийского союза учителей, ставила задачу восстановить национальную культуру, родной язык, ликвидировать правовые ограничения для калмыков, положить конец проводимой властями русификаторской политике.

Идея национального возрождения духовно объединяла калмыцкое студенчество. Она находила понимание и поддержку в кругах лучших представителей российской интеллигенции. Старшее поколение ученых-востоковедов (К. Ф. Голстунский, А. М. Позднеев) и новое (А. Д. Руднев, В. Л. Котвич) заботились о воспитании молодой национальной интеллигенции. Помимо обязательного чтения им учебного курса, ученые неоднократно встречались с Эренженом Даваевым и его товарищами. Встречи проходили во внеаудиторские часы в непринужденной обстановке. Благодетельность таких встреч не замедлила проявиться. Вот тогда-то у калмыцкого студенчества зародилась мысль переложить на зая-пандитскую письменность записанный Н. Очировым кириллицей народный эпос «Джангар» в исполнении Ээлян Овла. В этой работе не мог не принять участие Э. Даваев. Знал ли он лично такого же, как и его отец, бедняка джангарчи Ээлян Овла, неизвестно, но они были оба из одного и того же улуса.

Несмотря на ошибки, допущенные при переложении текста, публикация «Джангара», изданного с помощью В. Л. Котвича, имела большое значение. Благодаря ей, пополнился ряд мировых эпических творений. Но, пожалуй, в первую очередь не об этом думали его издатели. Они, прежде всего, претворяли зародившуюся в их сознании мысль о необходимости культурного возрождения своего народа, публикацией и распространением в родных кочевьях «Джангара» стремились поддержать начавшую было угасать эпическую традицию в Калмыцкой степи.

Получив диплом врача, Э. Хара-Даван приехал работать на родину в Калмыцкую степь. В доме для врача, построенном в ставке Малодербетовского улуса, он начал вести прием больных. За ним

утвердилась репутация хорошего ученого лекаря. Знаящие его как сына Хара Давы по-прежнему, как в детстве, продолжали величать Эренженем Хара Давой, а дом, в котором он вел прием, и после его отъезда долго называли домом врача.

Февраль 1917 г. застал Э. Хара-Давана в Царицыне. Он, естественно, включился в политические преобразования, начавшиеся в Калмыцкой степи. Репутация образованного, просвещенного человека с демократическими воззрениями обеспечила ему участие в новых органах управления. В наступившее смутное время, когда были разрушены старые хозяйственные связи, немалая роль принадлежала Хара-Давану в продовольственном снабжении населения. Он лично позаботился о доставке груза с калмыцким чаем из Китая по Транссибирской магистрали.

Убедившись в том, что Временное правительство не поддерживает предоставление автономии Калмыкии со всеми вытекающими подлинно демократическими правами, Хара-Даван не одобрял его политику. Он вместе с А. Чапчаевым, О. Босхомджиевым и другими был делегирован Советом депутатов Малодербетовского улуса на съезд трудового калмыцкого народа Прикаспийского края. На съезд из-за сжатых сроков и весенней распутицы прибыли представители не от всех улусов. Поэтому 5 марта 1918 г. был избран временный центральный орган Советской власти Калмыкии – Калмыцкая секция исполнительного комитета Астраханского губернского Совета. Возглавил секцию Э. Хара-Даван. Избрание его председателем Калмыцкой секции было почетно и ответственно. В самый трудный период утверждения народного самоуправления он проявил непоследовательность. Его личные колебания как председателя отразились на деятельности Калмыцкой секции. На состоявшемся в мае 1918 г. в п. Яшкуль объединенном русско-калмыцком съезде под председательством Хара-Давана были высказаны мнения как против экспроприации скота у зажиточных хозяев в пользу бедняков, так и против социализации земли. На этом основании Астраханский губисполком решил не предоставлять автономии Калмыкии.

После Яшкульского съезда Э. Хара-Даван по собственной инициативе оставил пост председателя Калмыцкой секции и вскоре оказался в стане противников установления Советской власти. Он был вынужден эмигрировать вместе с остатками белой армии из России, испытать на себе нелегкую участь беженца из собственной страны и навсегда стать эмигрантом. В Калмыцкой степи остались его родные и близкие. К чувству горечи разлуки с ними примешивалась тоска по родине, которая не покидала его до конца жизни. Ощущение личной вины в случившемся перед массой неграмотных земляков-калмыков, разделивших с ним тяготы жизни на чужбине, заставляло его не отворачиваться от их просьб и ходатайствовать перед новыми властями о возвращении их на родину. Сам он, по всей вероятности, не помышлял об этом, заведомо зная, что для него суд будет суров и скор: ему не простят того, что он оставил в критический период Калмыцкую секцию Астраханского губисполкома. Доходившие в эмиграцию известия о начавшихся репрессиях непосредственных участников Октябрьской революции окончательно убедили его в бесплодности той слабой надежды, что таилась в его сознании и заставляла жить и работать.

Вдали от родины Э. Хара-Даван оказался вместе со своими товарищами по давним годам юношеских мечтаний о культурном возрождении Калмыкии — С. Баяновым, Б. Улановым и другими. Теперь перед ними стояла задача помочь своим землякам выстоять, не погибнуть, не потерять своего национального лица, не раствориться в чужой иноязычной среде. Для многих не знавших, кроме родного языка, даже русского, лишенных возможности применить свои прежние познания в ведении скотоводческого хозяйства и оказавшихся, по сути, без какой-либо специальности, калмыцкая интеллигенция стала духовной опорой. В опеке и помощи нуждались старики, особенно дети, оказавшиеся без родителей в эмиграции.

Э. Хара-Даван стал одним из членов созданной в Праге-Стражнице Калмыцкой миссии культурных работников, участвовал в подготовке и издании журналов «Хонхо», «Улан Залат» и др. Он начал писать и публиковаться в печати, а в 1929 г. уехал

в столицу Югославии Белград, с тем чтобы занять должность секретаря в только что созданном духовно-попечительском совете буддийского хурула, построенного калмыками-эмигрантами на земельном участке и за счет стройматериалов, пожертвованных сербским помещиком Ячимовичем. Инициаторами возведения первого буддийского храма в Западной Европе были бакши М. Буринов, Д. Умальдинов и полковник А. Алексеев, в недавнем прошлом один из организаторов двух калмыцких полков (30-го Зюнгарского и 3-го Донского). Николай Рерих позаботился приобрести и прислать в дар иконы из Монголии, Тибета и Индии, общество буддистов Японии через своего посланника в Бухаресте преподнесло в дар бронзовую статую Будды.

Э. Хара-Даван не думал, что Югославия станет последним его прибежищем. Он готовился к отъезду в Америку, в степи Северной Мексики и Техаса. Этой мыслью загорелись вместе с казаками-эмигрантами и другие калмыки. Был создан Казачий колонизационный комитет, надевшийся организовать переезд желающих летом 1930 г., но он не состоялся. Прожив в Югославии более 10 лет, Э. Хара-Даван умер в 1942 г.¹

Участие в общественно-культурной деятельности калмыцкого зарубежья стало главным делом в жизни Э. Хара-Давана. Какими бы ни были трудными горький хлеб изгнания и бремя эмиграции, которые первоначально воспринимались как временные, но с годами оказалось, что это навсегда, Эренжен уделял внимание сначала делам Комиссии культурных работников в Чехословакии, затем в Югославии совету при хуруле. Находясь в переписке с С. Балыковым и другими, он был постоянно в курсе общественной жизни небольших калмыцких колоний, разбросанных по Западной Европе. В пестроте русского зарубежья его более всего интересовали настроения в среде эмигрантского казачества.

Как один из первых представителей калмыцкой интеллигенции Э. Хара-Даван пытался разобраться в событиях, которые круто из-

¹ По последним данным Э. Хара-Даван умер в 1941 г. (примеч. ред.)

менили его личную судьбу, жизнь калмыцкого и других народов России. Многое он читал о переменах в Западной Европе, в мире. По его мнению, одной из стержневых проблем мировой истории являлся национальный вопрос, и XX век благоприятствовал его разрешению. В результате распада таких великих империй, как Российская, Австро-Венгерская, Британская и Германская, народы под лозунгом самоопределения освободились. Россия превратилась в Советскую Федеративную Республику, в которую вошла Калмыцкая автономная область. Относительно национального самоопределения калмыцкого народа Э. Хара-Даван писал в одной из своих статей: «Все то, о чем нельзя было думать в дореволюционное время, когда над нашим народом была попечительская власть, необходимо осуществлять в данное пореволюционное время, когда нашему народу суждено изменить к лучшему горькую дотоле судьбу...». Исходя из общей посылки, что национальное возрождение и самоопределение любого народа «должны складываться из национальных интересов политических, экономических и военных», Э. Хара-Даван называл их основополагающими факторами в самоопределении калмыцкого народа. Решение национального вопроса для калмыков, по его мнению, было предпочтительно осуществить в форме свободной федерации калмыков с ближайшими соседями, братьями-казаками. В перспективе в образовании Юго-Восточного Федеративного союза ему представлялось будущее калмыцкого народа, который как равный с равными мог бы «федерироваться и со своими соседями, и несоседями». Решающее слово в претворении этой идеи должно было принадлежать молодому поколению. Относительно своих современников он заключал: «Наши молодые и старые «старики» в национальном вопросе любят указывать на то, что старый барин (царизм – Л. Б.) велик, но забывают, что угнетенных им народов было ровно половина, разителен пример коммунистов, которых 2 миллиона, владеют страной в 150 миллионов». Таким образом, взгляд Э. Хара-Давана на национальный вопрос отражал стремление подойти к его разрешению, исходя из мировой истории. Этот осмысленный подход

вместе с тем упирался как бы в непреодолимое, утвердившееся ранее в его сознании мнение – решить национальный вопрос для калмыцкого народа исключительно путем создания Юго-Восточной Федерации калмыков с казачеством. Это и привело его к противникам установления Советской власти в Калмыкии. В эмиграции он пытался пересмотреть свои взгляды, чем вызвал упреки и нарекания, особенно со стороны крайних защитников идеи казачества как единственно верного пути решения национального вопроса для калмыцкого народа. Его сомнения в эмигрантской среде воспринимались как непоследовательность и непостоянство.

Другая идея, которая увлекла Э. Хара-Давана, была идея самопознания. Она привела к исповеданию им евразийских воззрений последних представителей славянофилов в русской эмиграции.

Стремясь разобраться в российских революциях и последовавшей за ними страшной братоубийственной Гражданской войне, пережив личную трагедию и трагедию своего народа, он сделал вывод прежде всего для себя: «Познай самого себя!», «Будь самим собой!». В широком понимании идея самопознания была, по его мнению, применима для государства и при этом не бесполезна для него. Для России и ее народов следовало обратиться к своим истокам – «к исходу на Восток», ибо неудачное копирование духовной культуры Европы привело ее «в тупик... начиная с Петра I до наших дней». Оправданность такого подхода объективно обуславливалась существованием в русской истории монгольского периода, из которого «вышла Московская Русь», как из «материнского лона», и который наименее изучен. Чтобы удовлетворить интерес к «исходу на Восток», Э. Хара-Даван, как он признавался, в ознаменование 700-летия смерти Чингис-хана приступил к написанию культурно-исторического очерка о Монгольской империи XII – XIV вв. Его заинтересовала личность «покорителя вселенной», поставившего цель создать могущественное Монгольское государство, которое должно установить мировое господство. Так появилась еще одна книга, еще одна точка зрения на Чингис-хана, его эпоху. Выводы, сделанные автором, оригинальны и смелы.

Э. Хара-Даван прекрасно сознавал, что он не первый осмелился исследовать эту тему, что не беспорны во всем его личностные оценки. Он считал своим долгом высказаться и представить на суд читателей свой первый и единственный труд исторического содержания. В нем он стремился показать, что монгольские завоевания Чингис-хана не были «нашествием диких орд, и монголы не были ни «дикарями», ни «варварами». Иначе они не могли бы одержать победу над народами старых культур двух континентов и создать небывалую в мировой истории Империю. Давая оценку последствиям монгольского владычества, Э. Хара-Даван считал, что она не может быть односторонней: «Монгольское иго при крайней бедственности для русского народа было суровой школой, в которой выковывались Московская государственность и русское самодержавие: школой, в которой русская нация осознала себя как таковая и приобрела черты характера, облегчавшие ей последующую борьбу за существование». И далее, перекидывая мостик через последующую историю императорского периода в России, автор как бы в противовес подчеркивал, что ее обращение на Запад, начиная с Петра I, привело к роковым последствиям: «императорская Россия жестоко провалилась в 1917 году».

Первыми читателями и критиками книги Э. Хара-Давана были профессор В. Л. Котвич, который рецензировал ее еще в рукописи, друзья и товарищи по эмиграции. Санджи Баянов писал в 1930 году: «Величайшей радостью для сравнительно небольшой семьи калмыцкой интеллигенции является то, что из ее рядов начинают выступать на широкий путь литературной деятельности отдельные ее представители. В таком порядке появилась в Советской России книга Антона Амур-Санана «Мудрешкин сын», здесь в зарубежье – исторический труд доктора Хара-Давана. Совершенно естественно чувствовать и видеть во всем этом наступление чего-то нового в культурной истории нашего небольшого калмыцкого народа. Это новое обязывает всех нас не только радоваться всей полнотой душевной радости, но и внимательно, глубинно всмотреться в суть этого явления».

Судьба книги Э. Хара-Давана, несмотря на столь высокую оценку, сложилась так, что только в настоящее время к ней открывается широкий доступ для ознакомления. Изданная небольшим тиражом в Белграде, она давно стала библиографической редкостью. Сегодня читатель вне всяких сомнений обретет в ней свое «видение» темы, которая волновала когда-то и продолжает интересовать умы человечества.

1991 г.

*Л. Н. Гумилев,
В. Ю. Ермолаев*

ЧИНГИС-ХАН – НЕОЖИДАННЫЙ РАКУРС

История культуры часто бывает трагична. В XX столетии самым явным свидетельством кризиса некогда единой и великой культуры России стал ее распад. Политические коллизии последних десятилетий привели к эмиграции множества выдающихся культурных деятелей, а оставшимся на Родине пришлось выбирать между молчанием и участием в «советской культурной работе». Таким образом, естественная взаимосвязь между русским зарубежьем и его Отечеством оказалась прервана по чисто идеологическим мотивам.

Справедливости ради заметим, что наше знание русской зарубежной культуры было и остается неодинаковым в разных ее областях. Если имена деятелей искусства – писателей Владислава Ходасевича, Владимира Набокова, Бориса Зайцева, Ивана Бунина, музыкантов Игоря Стравинского, Сергея Рахманинова – все же пользуются известностью, то с представителями зарубежной русской науки дело обстоит гораздо хуже. Лишь специалистам ведомы труды инженера Игоря Сикорского, изобретателя цветного телевидения Владимира Зворыкина, лауреатов Нобелевской премии экономиста Василия Леонтьева, естествоиспытателя Ильи Пригожина.

А что скажут большинству наших современников имена филолога князя Николая Трубецкого, философа и политолога Ивана Ильина, историка Георгия Вернадского? Почти ничего.

Между тем наука в русском зарубежье развивалась и ничуть не менее, а может быть, и более интенсивно, чем на покинутой эмигрантами Родине. К числу выдающихся деятелей этой науки, без сомнения, с полным правом может быть причислен и д-р Эренжен Хара-Даван.

Детали биографии Э. Хара-Давана практически неизвестны. Достоверно можно утверждать лишь то, что в потоке первой волны русской эмиграции д-р Хара-Даван покинул Россию и обосновался в Югославии, где и увидела свет его книга, изданная на собственные средства автора¹.

В своей научной деятельности за рубежом д-р Э. Хара-Даван примкнул к одной из наиболее значимых и крупных историко-политических школ, получившей название «евразийства». Отношение Э. Хара-Давана к «евразийству», бесспорно, само по себе является ключом для понимания всего его творчества, в том числе и для понимания рассматриваемой книги о Чингис-хане. А поскольку «евразийство» принадлежит к числу наиболее сложных и дискуссионных явлений русской интеллектуальной жизни XX в., то, наверное, не будет лишним сказать несколько подробнее о его месте и содержании.

Среди эмигрантских историков и политиков, очутившихся в изгнании, резко преобладали две точки зрения на происшедшее в 1917 – 1920 гг. Находящиеся в большинстве деятели либерально-западнического толка рассматривали революцию и большевистскую диктатуру как результат победы традиций азиатско-татарской «нецивилизованной» русской государственности над неокрепшими институтами российской демократии, утвердившейся в февра-

¹ *Хара-Даван Э.* Чингис-хан как полководец и его наследие: Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII – XIV веков. – Белград: Издание автора, 1929. Дальнейшие ссылки на эту работу – постраничные в тексте.

ле 1917 г. Малочисленные патриоты-почвенники вообще отказывались от какого-либо содержательного анализа происшедшего. Для них революция и террор были скорее жуткой случайностью, последствиями «дьявольского морака», затмившего души и умы «народа-богоносца».

Однако нашлись люди, одинаково отвергавшие и ту и другую точку зрения. Среди эмигрантов молодого поколения особенно сильным было стремление непредвзято разобраться в глубинных корнях случившегося в России и извлечь уроки на будущее. Именно эти представители «молодых эмигрантов» составили костяк кружка «евразийцев». Виднейшими представителями «евразийства» стали Н. С. Трубецкой, П. Н. Савицкий, Г. В. Вернадский, Н. Толь, Э. Хара-Даван.

Полный содержательный анализ концепции «евразийства» потребовал бы слишком много места, поэтому на этих страницах мы коснемся лишь тех аспектов «евразийской концепции», которые непосредственно относятся к теме книги Э. Хара-Давана.

Основным парадоксальным выводом в историографии евразийцев стал абсолютно новый взгляд на ту роль, которую сыграло военно-политическое наследие Чингис-хана в русской истории. Евразийцы стали первыми русскими учеными, отказавшимися от концепции татаро-монгольского ига. Эта заимствованная и глубоко поверхностная концепция официально утвердилась в русской историографии еще со времен В. Н. Татищева и Н. М. Карамзина, то есть с окончательной победой русского западничества, и сие несколько не удивительно. Ведь подлинным автором этой теории был статс-секретарь Стефана Батория Геберштейн.

А между тем в русском языке XIII – XIV веков само слово «иго» никогда и не употреблялось в значении «господство», «угнетение» («иго» для русичей тех времен обозначало то, чем скрепляют узду или хомут). Употребление слова «иго» в его политическом смысле восходит лишь к эпохе Петра: так писали в грамоте запорожские казаки, указывая, что они «с немалой жалостью под игом московского царя воздыхают».

Ничуть не меньшей была и методологическая новизна евразийских идей. Евразийцы первыми обратились к реальному изучению тех взаимосвязей, которые существуют между географическими условиями жизни личности и народа и характером их культуры.

Евразийство в отличие от западноевропейских и большинства русских историков ориентировалось на осмысление естественноисторических закономерностей жизни народов и государств, и надо отдать ему должное – достигло на этом пути впечатляющих успехов. Именно отсюда ведет свое происхождение и сама идея существования России – Евразии как особого историко-культурного региона, равно несхожего с Западной Европой, Ближним Востоком или Китаем. Потому-то идея России – Евразии рождает вполне реальную нравственную координату – идею братства и естественной исторической близости между всеми разнообразными евразийскими народами. Соответствует этому научному и нравственному посылу и содержание книги Э. Хара-Давана. Но, разумеется, как и всякое другое значительное культурное явление, книга Э. Хара-Давана – памятник своего времени, иначе и быть не может.

Уровень знаний своего времени сказывается, конечно, не только на отношении автора замечательной книги к источникам. Не в меньшей мере этот уровень отразился также на общей концепции возникновения Монгольской державы, исповедуемой Э. Хара-Даваном.

На уровне логики событий причины и следствия создания Улуса рисуются им следующим образом.

«Если земледелие вырабатывает у народов мирный характер, то скотоводство, а главное охота, воспитывает воинственный дух. Находчивость, выдержка, удаль, храбрость у монголов вырабатывались под влиянием главного их занятия – зверовой охоты» (с. 32, со ссылкой на мнение Рэнка).

Итак, по Хара-Давану, начальной посылкой создания огромной державы выступает характер ландшафта, определяющий и характер занятий, а тем самым и свойства поведения данного народа. Такая точка зрения была, в общем, характерна для науки конца XIX – начала XX века, но сегодня она выглядит безнадежным анах-

ронизмом, противоречащим фактам. В самом деле, в истории мы видим сколь угодно много примеров агрессивности оседлых народов и мирного характера народов кочевых. Разве в ходе Второй мировой войны немцы (по преимуществу земледельцы) выглядели более мирно, чем скотоводы-шотландцы? Классическим примером беззащитности и доброты являются кочевые эвенки. Ответ на вопрос о причинах человеческой активности лежит, как показывает историческая практика, отнюдь не на поверхности – в сфере занятий. Лишь в конце 70-х годов нашего столетия путем эмпирического обобщения множества исторических фактов методами естествознания удалось установить, что видимые проявления активности у вида *Homo sapiens* носят прерывистый дискретный характер и связаны с наличием специфического признака – пассионарности. Пассионарность проявляется у человека как непреодолимое стремление к деятельности ради отвлеченного идеала, далекой цели, для достижения которой такой человек – пассионарий, жертвует не только жизнью окружающих, но и жизнью своей собственной. Именно сила пассионарности создает такие специфические человеческие коллективы, как этносы (народы), а изменение числа пассионариев со временем изменяет и возраст этноса. Таким образом, каждый народ переживает детство, юность, зрелость и старость как фазы этногенеза. Именно количество пассионарности в этносе – фаза этногенеза – определяет характер поведения народа. Источником пассионарности являются взрывы этногенеза – пассионарные толчки, причина которых, по всей видимости, лежит в ближнем космосе. Один из таких пассионарных толчков, происшедший где-то на рубеже XII – XIII веков, и стал причиной резкого подъема активности монгольских племен в Забайкалье.

Именно рост пассионарности, появление пассионариев (получивших у монголов название «людей длинной воли») привели к появлению среди монгольских племен таких отмечаемых Э. Хара-Даваном качеств, как храбрость, находчивость, удаль и выдержка.

Процесс роста пассионарности хорошо объясняет и весь дальнейший ход событий, приведших к созданию великой монгольской державы. Э. Хара-Даван правильно отмечает и последующие об-

стоятельства: «Таким образом, мы видим, что в умах монгольского общества того времени создались условия для появления гениального вождя и полководца» (с. 46). Правильнее будет, однако, утверждать, что подлинные предпосылки миссии Чингиса заключались не в «умах общества», а в «поведении этноса», определяемом деятельностью множества появившихся пассионариев среди монгольских племен. Э. Хара-Даван так объясняет, почему именно Чингис-хан оказался достоин своей великой роли: «... Чингис-хан презирал оседлые народы и дал завет своим потомкам и всему монгольскому народу сохранить свой кочевой быт и остерегаться становиться оседлым... Чингис-хан всегда и везде поддерживал аристократические начала: власть феодала над вассалом, господина над рабом, поощряя всегда верных слуг и наказывая смертью изменников своему господину, хотя бы последний и был его врагом. Властелин монголов этим выражал истинные чаяния степной аристократии, которая потому и гордилась своим вождем и была ему слепо предана» (с.121). Противником Чингиса и, соответственно, приверженцем демократии Э. Хара-Даван считает Джамугу (с.106, 107, 118, 122). Заметим, что в делении монголов на партии аристократов и демократов Э. Хара-Даван следует позиции Б. Я. Владимирцова.

С точки зрения современной науки эти выводы, конечно, устарели. Даже если возводить аристократизм Чингис-хана к политике его отца, Есугей-багатура, как это делает Э. Хара-Даван (с.137), тогда в жизни монгольского общества XII века невозможно обнаружить предпосылок для формирования аристократии и демократии. Сие и неудивительно – до начала XIII в. общество Монголии было родовым. Тот же Есугей был отнюдь не государем монголов, не являлся он и «владельцем 40 000 кибиток» (столько было всех монголов в его эпоху). Выражение «владелец 40 000 кибиток» следует понимать метафорически в том смысле, что все собственно монголы (как одно из племен степи) признавали Есугея своим военным вождем и так же легко отказались от этого впоследствии.

На самом деле деление монголов в эпоху Есугея и Чингиса шло не по социальному, а по поведенческому признаку – сторонникам традиционных форм быта, «людям куреней» противостояли степ-

ные богатыри – «люди длинной воли». Да и сам Э. Хара-Даван, справедливо ссылаясь на работу Н. С. Трубецкого «Наследие Чингис-хана», указывает, что Чингис «...при назначении на высшие должности по войску и по администрации никогда не руководствовался только происхождением, а принимал во внимание техническую годность данного лица и степень его соответствия известным **нравственным** (выделено Э. Х.-Д.) требованиям, признававшимся им обязательными для всех своих подданных, начиная от вельможи и кончая простым воином».

Назвать такой принцип подбора людей аристократическим в привычном нам сословном понимании трудновато. Если мы учтем, что добродетелями для Чингиса были верность, преданность и стойкость, а пороками – измена, трусость и предательство, то станет очевидным совсем иной подход монгольского вождя к окружающим его людям. Вождь монголов делил людей на две категории – для одних – «подлых», «черная кость» их безопасность и благополучие выше их личного достоинства и чести, для других – «белая кость» – честь и достоинство всегда ценнее безопасности, благополучия и самой жизни. Чингис делал ставку именно на людей второго типа и именно для них он был вождем. Люди же первого типа – обыватели, среди которых были и родственники будущего хана – делали, как мы знаем, все возможное, чтобы избавиться от власти Чингиса и сохранить за собой право на безответственность и безобразия.

И если теперь мы вспомним данное нами выше определение пассионарности, то поймем, что именем «белой кости», «людей длинной воли» монголы в XII веке называли именно пассионариев, не жалевших своей и чужой жизни ради далекой цели. С учетом этого соображения легко объясняются присущие Чингису и специфические взгляды на монголов, в которых он видел особую породу людей (с.128), кочевников, образ жизни которых казался ему предпочтительнее (с.133), и оседлые народы, которые он презирал за высокомерие, предательство, карьеризм (с.133).

В своих соотечественниках Чингис-хан действительно видел особую породу людей, и у него были некоторые основания. Народ

с растущей пассионарностью всегда смотрится особо, ибо ему присуще чувство стихийной инициативы. Ошибка Чингиса была в другом: как и всякий современник, он решил, будто сегодняшние свойства его подданных сохранятся вечно.

Образ жизни кочевников действительно казался ему предпочтительнее, но не забудем, что это был его родной образ жизни.

Кроме того, как и всякий пассионарный человек эпохи подъема, Чингис придавал большое значение сохранению этнической традиции своего народа, справедливо видя в этом защиту от возможных потрясений.

А вот говорить о презрении Чингис-хана к оседлому быту как таковому, на наш взгляд, не приходится. Считая кочевой быт монголов предпочтительным, Чингис ценил достижения культуры оседлых народов: письменность, ремесла, административные навыки. Учтем, однако, что в XIII веке большинство оседлых народов, соседствующих с монголами, имели гораздо более низкую пассионарность, чем степняки. Соответственно, их отличал весь букет пороков, вызванных падением пассионарности. Монголы же и сам Чингис-хан просто приписывали эту разницу между собой и соседями наиболее осязаемому различию – различию в образе жизни.

И, наконец, необходимо коснуться еще одного мифа о Чингисхане, которому отдал дань Э. Хара-Даван. Речь идет о якобы существующем Чингису стремлении к мировому господству, к созданию мирового государства. В подтверждение этому Э. Хара-Даван приводит официальную формулировку, вырезанную на государственной яшмовой печати: «Бог – на Небе. Ха-Хан – могущество Божие на Земле. Печать Владыки Человечества».

Отметим в этой связи несколько существенных обстоятельств. Официальная формулировка не может рассматриваться буквально, ибо отражает не реальные устремления, а этикетные установки того времени. Кроме того, сам Чингис никогда не стремился к мировому господству. Его цель была совершенно очевидна и гораздо более узка. Он стремился к объединению под своей властью всех

племен Великой Степи, дабы добиться мира, порядка и уверенности в завтрашнем дне. Все прочие его войны носили вынужденный характер. Другое дело, что политика объединения и, говоря современным языком, коллективной безопасности в Степи воспринималась его противниками как пролог к мировой экспансии, однако сказать, что такова была и внутренняя мотивация великого полководца, было бы, на наш взгляд, неправильно. Да и политика Чингисхана в завоеванных странах мало напоминала тактику других завоевателей мира типа Наполеона или Гитлера. Сам Э. Хара-Даван приводит следующее высказывание Марко Поло: «Завоевая какую-либо область, он не обижал население, не нарушал его прав собственности, а только сажал среди них нескольких своих людей, уходя с остальными на дальнейшие завоевания. И когда люди покоренной страны убеждались, что он надежно защищает их от всех соседей и что они не терпят никакого зла под его властью, а также когда они видели его благородство как государя, они тогда становились преданными ему телом и душой и из бывших врагов становились его преданными слугами». Все, что мы знаем фактически о монгольской политике в отношении других народов, подтверждает правоту наблюдения знаменитого путешественника. В самом деле, к 1227 г. Чингис разгромил только печенегов (канглы) в Средней Азии, тангутов и маньчжуров. Таким образом, при жизни Чингиса монголы воевали почти исключительно с такими же кочевниками или ближайшими евразийскими народами за гегемонию в Степи. Даже в позднейшее время во всем обширном монгольском улусе иль-ханы (т. е. ханы завоеванной страны) правили только в Персии. Все остальные страны считались не завоеванными, а присоединенными или союзными (такова была, например, Владимирская Русь).

Как видим, книга Э. Хара-Давана, как и всякий другой старый научный труд, может быть правильно понята и оценена лишь с учетом современных знаний о предмете. Да это и естественно: наука не стоит на месте, развитие взглядов и уточнение оценок – необходимый и важный процесс развития наших знаний о прошлом.

Необходимость поправок и корректировок отнюдь не означает, что книгу Э. Хара-Давана читать не надо, ибо в ней заключено главное – непредвзятый взгляд на саму фигуру Чингис-хана и его роль в истории народов нашего Отечества. Разве не будет для современного читателя откровением то, что пишет Э. Хара-Даван о свободе Чингиса от национальных предрассудков, его военных и политических талантах и даже о его поисках союза с христианством? А ведь все эти зерна, заложенные основателем монгольской державы, дали плоды при его детях и внуках. Союз с христианами продолжал искать сын Угэдэя Гуюк, а осуществили его внук Чингиса Бату и его сын Сартак. Свобода от национальных и религиозных предрассудков была фактом монгольской истории вплоть до Узбека. Военный и политический опыт Чингис-хана, слившись с русским православием, в XIV веке дал жизнь Московской Руси. И поэтому читать книгу Э. Хара-Давана стоит. Отраднo, что издательство «КРАМДС-Ахмед Ясави» издает ее именно сегодня, когда так велика потребность обратиться к истории и извлечь из нее уроки для настоящего и будущего.

1992 г.

Ю. В. Кузьмин

КНИГА ИЗ ПРОШЛОГО

Эренжен Хара-Даван. Чингис-хан как полководец и его наследие. Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII – XIV вв. – 2-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 196 с.

Книга, ранее бывшая библиографической редкостью и имевшаяся только в крупных библиотеках страны, нашла массового читателя. Речь идет о монографии Эренжена Хара-Давана «Чингис-хан как полководец и его наследие», изданной в 1929 г. небольшим тиражом в Белграде и выпущенной вновь в 1991 г. в Элисте Калмыцким книжным издательством. Это первая и пока единственная книга

калмыцкого автора о великом монголе Чингис-хане. Долгое время это исследование искусственно было исключено из научного обращения в России только потому, что его автор был эмигрантом, участвовал в гражданской войне на стороне «белых». Совершенно неизвестны были и биографические данные об авторе.

Первоначальным толчком интереса Эренжена Хара-Давана к личности Чингисхана послужило празднование 700-летия смерти Чингис-хана (1227 – 1927 гг.). В 1928 г. он выступил с докладом в Белградском университете. Конечно же, серьезное влияние на формирование его взглядов оказали работы российских ученых-эмигрантов («евразийцев»), которых тогда глубоко занимали сюжеты влияния монгольского нашествия на Русь.

Автор книги – Эренжен Хара-Даван родился в 1885 г. в кочевье Малодербетовского улуса в бедной семье кочевника Давы. Учился в улусной школе на общественные средства. Как способного ученика Эренжена отправили учиться в гимназию в Астрахань – административный центр Калмыцкой степи. В 1906 г. он поступил в Петербурге в Военно-медицинскую академию. Получив диплом врача, Э. Хара-Даван приехал работать на родину в Калмыцкую степь.

Выходец из бедной семьи, получивший образование на деньги земляков, он не принял революцию и эмигрировал вместе с частями белой армии из России. Живя в Чехословакии, участвовал в издании журналов для калмыков: «Хонхо», «Улан Залат». В 1929 г. уехал в Югославию, в Белград, чтобы занять должность секретаря в духовно-попечительском совете буддийского хурула, построенного калмыками-эмигрантами. Хотел уехать в Америку, но, прожив в Югославии более 10 лет, в 1942 г.¹ Э. Хара-Даван умер.

Его концепция монгольской истории, места и роли личности Чингисхана не является оригинальной, она формировалась под несомненным влиянием широко известных тогда положений евразийцев.

¹ См. примечание на с. 17.

Осмысление исторического пути России, причин его трагедии он видит в неудачном копировании духовной культуры Запада.

Будучи непрофессиональным историком, Э. Хара-Даван заимствовал элементы концепций монгольской истории крупных ученых Б. Я. Владимирцова, Н. Р. Трубецкого, Г. В. Вернадского, создавших к этому времени значительные труды о Чингис-хане.

Евразийцы доказывали, что Россия – не Европа и не Азия, а совершенно особое историко-культурное общество, сочетающее европейские и азиатские черты, с акцентом на азиатские. Они явно преувеличивали роль монгольского элемента в формировании русского народа. Русская империя выдавалась за наследницу дела военных ханов Чингиза и Тимура и за часть монгольской державы.

Положение Московской Руси как небольшой провинции Великой Монгольской империи, по мнению Э. Хара-Давана, «предопределило ее дальнейшую судьбу и наложило неизгладимый отпечаток на весь ее характер как государства». И этому он посвящает специальную XIII главу: «Влияние монгольского ига на Россию». Свои рассуждения он начинает с вывода: «Влиянием монгольского владычества эти княжества и племена были слиты воедино, образовав сначала Московское царство, а впоследствии Российскую империю» (с. 181). То же самое произошло и с Китаем. Сделали это монгольские завоеватели ради водворения в стране порядка, законности и благосостояния» (с. 182).

Проследживает автор и культурное влияние монгольского владычества на Русь, которое выразилось «далеко не в одном только отрицательном смысле, как утверждается ходячими на этот предмет мнениями» (с. 185).

На конкретных примерах одежды, быта, военного дела проследжено культурное влияние монголов. Все это подчинено у исследователя развенчанию ошибочного взгляда на Монгольскую державу, как на «государственное образование, обязанное своим возникновением и дальнейшим существованием грубой и необузданной силе многочисленной и дикой «орды», предводимой кровожадными деспотами, у которых единственным приемом управления покоренными народами был жесточайший террор» (с. 187).

Э. Хара-Даван определенно заявляет, что «в это время Азия культурно стояла много выше не только Руси, но и Запада, и не только в духовном, но и техническом отношении» (с. 192).

Монография займет свое место в монголоведной историографии.

1993 – 1994 гг.

*Е. А. Антонова,
Ш. Ф. Мухамедьяров*

ЕВРАЗИЙСТВО С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КАЛМЫКА: Эренжен Хара-Даван – жизнь и судьба (1885 – 1942)¹

В процессе вовлечения калмыцкого населения в экономическую и культурную жизнь России на рубеже XIX – начала XX в., с увеличением плотности коммуникационных связей большую роль стало играть распространение грамотности среди калмыков. Первые калмыки поступили в высшие учебные заведения Российской империи, благодаря чему стало возможным появление блестящей плеяды калмыцкой интеллигенции (Н. Очиров, Д. Тундутов, Б. Уланов, С. Баянов и др). Не менее примечательно и то, что объем объективно формировавшихся и необходимых для развития этноса традиционно-культурных, художественных, семейно-бытовых коммуникаций, политических, экономических, научных задач и связей органически осуществлялся в более широких рамках русской нации и на русском языке. Поистине, как любил повторять один из выдающихся деятелей на гуманитарном поприще Михаил Бахтин: «Культура осознает себя на границе, выходя за собственные пределы». Эти слова полностью приложимы к развитию калмыцкой национальной историографии. Так, в частности, общественно-культурная деятельность калмыцкого зарубе-

¹ См. примечание на с. 17.

жья, оказавшегося за кордоном после распада Российской империи, развивалась в тесной связи с жизнью собственно русского зарубежья. Калмыцкая зарубежная национальная историография всецело питалась конструктивными идеями евразийства, развивавшегося в лоне русской зарубежной исторической мысли 20-х – 30-х годов XX века. Таким наиболее известным памятником калмыцкой исторической мысли является написанная с позиций евразийства книга Э. Хара-Давана «Чингис-хан как полководец и его наследие. Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII – XIV века». Она увидела свет в Белграде в 1929 году, будучи издана небольшим тиражом на русском языке на собственные средства автора. Ее автор – калмыцкий эмигрант, врач и писатель-историк в потоке первой волны русской эмиграции в годы Гражданской войны оказался вдали от своей родины. Труд действительно памятник своему времени. Именно это само по себе является ключом для понимания в целом творчества автора, в том числе и для понимания рассматриваемой книги о Чингис-хане.

Однако нельзя согласиться с утверждением авторов вступительной статьи к алма-атинскому изданию 1992 года о том, что детали биографии Э. Хара-Давана практически неизвестны. Между тем в более раннем переиздании книги Э. Хара-Давана в 1991 г. на его исторической родине в г. Элисте приведены некоторые данные. Он родился в 1885 г. в кочевье Малодербетовского улуса у одного из подданных нойона Тундутова калмыка Давы, прозванного за смуглоту «Хара». По окончании улусной школы (1892 – 1896) молодой Эренжен поступил в Астраханскую гимназию, по завершении курса которой в 1908 г. стал слушателем Военно-медицинской академии в Петербурге. Получив диплом врача, в 1911 г. он приехал работать на родину в Малодербетовский улус.¹

Воодушевленный идеей национального возрождения своего народа, в бурные годы революции и Гражданской войны 1917-

¹ ЦГА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 1721. Л. 17.

го – 1920-х годов он оказался вовлеченным в революционное движение и вместе с русской эмиграцией оказался вдали от родины – в Югославии. Главным делом его жизни стало участие в общественно-культурной деятельности калмыцкого зарубежья. Являясь яркой и многогранной личностью, он был озабочен решением национального вопроса для калмыков и, пережив личную трагедию, трагедию своего народа в изгнании, пытался разобраться в развитии исторических судеб своей родины и вообще России и Евразии. Оправданность такого подхода, объективно обусловленная существованием в русской истории монгольского, татарского периода, из которого, как из «материнского лона», вышла «Московская Русь» и который, как он правильно считал, наименее изучен, привела его к «исходу на Восток», в стан евразийцев. Недавно выявлен ряд новых свидетельств об отношении Э. Хара-Давана к изучению евразийцев¹.

По его глубокому убеждению, евразийство – учение, возникшее на основе западных заимствований, на выходе современной России из рамок европейской культуры. В своей статье под весьма колоритным названием «Евразийство с точки зрения монгола» он прямо пишет: «В особенности глубоко правильно решение национального вопроса, когда Евразия будет иметь наднациональный строй на национальной основе, то все народы ее, а их 106, почувствуют себя дома в Евразии. Если императорскую Россию теперь называют «тюрьмой народов», то Евразия будет их матерью... ценно не то, что все будут русскими, а как себя будут национально чувствовать»². И далее в письме Н. С. Трубецкому он однозначно утверждает: «Для нас, интеллигенции из тюрко-монгольских народов, евразийство, только оно дает правильное решение вопроса, куда вести народ и где ждет нас благополучие».

¹ Урханова Р. А. Евразийцы и Восток: прагматика любви // Вестник Евразии. М., 1995. №1. С. 12 - 13.

² Евразийская хроника. Париж, 1928. Вып. X. С. 29.

Конечно, книга Э. Хара-Давана может быть правильно понята и оценена с учетом современных знаний о предмете исследования, но тем не менее читателя, несомненно, привлечет самое главное – непредвзятый взгляд на Чингис-хана и его роль в истории, он сможет обрести в этой книге как бы свое «видение» темы, которая все еще продолжает волновать и интересовать лучшие умы человечества. Речь идет о том, что евразийцы первыми обратились к реальному изучению тех взаимосвязей, которые существуют между географическими условиями жизни личности и народа и характером их культуры. Не менее примечательно, что именно на это обстоятельство было обращено внимание научной общественности Республики Татарстан сразу же после того, как эта книга попала из Белграда в Казань, когда в 1930 г. на страницах «Трудов общества изучения Татарстана» была помещена рецензия на нее одного из самых популярных тогда казанских профессоров Н. Н. Фирсова: «...почтеннейший автор хорошо выяснил лишь положительную сторону монархии Чингис-хана.

Из культурного наследства, оставленного ею другим народам, и прежде всего народам Восточной Европы, собравшим в конце концов большую часть владений Монгольской державы под власть нового государственного средоточия (Москвы и Петербурга), особенное значение имела веротерпимость, сослужившая свою политическую службу в начале процесса и почти совершенно утраченная государственным центром с течением времени. Но какими бы культурными благами и техническими удобствами управления ни снабдила Чингизова держава чрез Золотую Орду Россию, это обстоятельство не дает нам ни малейшего права мечтать о возрождении величайшего государства Великого Монгола, может быть, действительно величайшего права мечтать о возрождении величайшего из правителей на тех основаниях, на каких оно существовало».¹

Книга Э. Хара-Давана, по существу, подвела итог разработке на протяжении более чем ста лет широкого круга проблем, поставленных профессором восточной словесности Казанского университета

¹ Труды Общества изучения Татарстана. Казань. С. 180.

Францем фон Эрдманом (1793 – 1863)¹, который заслужил известность переводами и исследованиями калмыцкой «Джангариады», «Сборника летописей «Рашид-ад-Дина» и отразил свое восхищение талантами Чингис-хана даже в названии своего главного, в шестьсот с лишним страниц труда, изданного на немецком языке в Лейпциге в 1862 г. под названием «Темучин Непреклонный». Книга Э. Хара-Давана органически вобрала в себя высокий профессионализм изложения материала и общие недостатки, характерные для историографии своего времени, оригинальная трактовка источников порою сочетается с их субъективной интерпретацией.

1997 г.

Фумики Йонэсигэ

ЕВРАЗИЙСТВО НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

...В 1936 г. компанией «Южно-Маньчжурская железная дорога» была издана книга «Чингис-хан как полководец и его наследие. Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII – XIV века». В японском переводе – «Жизнь Чингис-хана».²

Автор книги Эренжен Хара-Даван, родом из Калмыкии, врач по специальности, находился в эмиграции сначала в Праге, а потом в Белграде, где состоял секретарем духовно-попечительского со-

¹ Загоскин Н. П. Биографический словарь профессоров и преподавателей Казанского университета (1804 - 1904). Казань, 1904. С. 240 - 242.

² В 1991 году на родине автора, в Калмыкии, было опубликовано 2-е издание с целью «сделать книгу доступной для массового читателя и дать ему возможность самому разобраться в личности Чингис-хана, оценить его идеал – «создание единого царства Человечества», при котором «прекратятся взаимные войны и создадутся условия для мирного процветания человечества как в области духовной, так и материальной культуры», а также выводы автора о влиянии так называемого «монгольского ига» на государственность России».

вета буддийского храма¹ и участвовал в общественно-культурной деятельности калмыцкого зарубежья. Э. Хара-Даван как представитель туранского народа и кочевого мира сильно увлекся евразийским взглядом на русскую историю и взялся писать историю Монгольской империи. В предисловии к книге Э. Хара-Даван пишет: «Несмотря на то, что в русской истории есть особый период – монгольский, ему не придавалось особого значения, «казенными» историками этот период относится к числу «пустых» периодов русской истории, несмотря на тот исторический факт, что из этого периода вышла Московская Русь, как из материнского лона. Не существует также специального исторического труда на эту тему. Только за самые последние годы ученые евразийского мировоззрения, изучая проблему русского самопознания, стали внимательно разбираться в разных восточных влияниях на русскую историю, культуру и быт, и им отчасти удалось разбить «предубеждения и предрассудки европеизма», с которым трактовался этот вопрос до них, и тем самым заинтересовать широкий круг русской интеллигенции, чего не удавалось сделать нашим ориенталистам...

Желая удовлетворить появившийся интерес к «исходу на Восток», я приступил к этой работе в ознаменование 700-летия смерти Чингис-хана (1227 – 1927)»².

В последней главе своей книги автор, основываясь на евразийской историософии, рассуждает о «влиянии монгольского ига на Россию» и приходит к следующему выводу: «Если это [монгольское владычество – *Ф. Йо.*] и было сопряжено для Руси с материальными жертвами, то зато, с другой стороны, оно являлось для нее превосходной, хотя и суровой школой, в которой выковывалась Московская государственность и русское самодержавие; школой, в которой русская нация осознала себя как таковая и приобрела черты характе-

¹ Это был первый буддийский храм в Западной Европе.

² *Хара-Даван Э.* Чингис-хан как полководец и его наследие. Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII – XIV века. Белград, 1929. С. 3.

ра, облегчавшие ей последующую борьбу за существование. Русь сумела органически переработать и усвоить заимствованное от ее завоевателей и вышла из-под ига в виде, быть может, «неладно скроенного, но крепко сшитого» государственного организма, спянного духовной дисциплиной и единством бытового исповедничества... Если сравнить «игу монгольское» с «игом европейским» – как можно назвать двухсотлетний императорский период¹ русской истории – период духовного засилья Европы, разрушения и гонения силою власти всего национального, то итоги этих двух периодов, этих двух школ обнаруживаются наглядно: экзамен на аттестат политической зрелости татарской школы Россия выдержала блестяще, между тем как на экзамене европейской школы на ту же политическую зрелость, после периода учения одинаковой продолжительности, императорская Россия жестоко провалилась в 1917 году»².

Книга Э. Хара-Давана нашумела со своей аргументацией, а основная идеология ее берет свое начало из монографии «Наследие Чингис-хана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока», написанной основоположником евразийства Н. С. Трубецким.

...Как было сказано выше, японский перевод книги Э. Хара-Давана был издан в компании «Южно-Маньчжурская железная дорога», а через 2 года текст японского перевода был переиздан в газете «Асахи». Переводом занимался Хомма Ситиро, сотрудник «Северного» (т. е. Русского) отдела Бюро исследования, по поручению заведующего отделом Симано Сабуро. При этом надо отметить тот факт, что в Южно-Маньчжурской железной дороге еще в 1926 году было запланировано переводить евразийские издания. Об этом свидетельствует проживавший в Харбине журналист В. Н. Иванов. В своем письме парижскому евразийцу В. П. Никитину Иванов пишет: «...я знаю, что целый ряд книг моих куплен китайцами. Есть интерес и со стороны японцев, однако не приобретший еще реальных форм. Все же

¹ Под императорским периодом здесь автором подразумевается период от Петра I до свержения Романовых.

² *Хара-Даван Э. Указ соч. С. 3.*

позвольте донести до сведения вас, евразийцев, что Особым отделом Южно-Маньчжурской железной дороги (Управление в Дайрене) асигнованы значительные суммы на переводы выборок из евразийских изданий и на издание их для известного круга лиц в ограниченном количестве. Соответственно сему должен сказать, что интерес к этому движению на Дальнем Востоке чрезвычайно высок: моя книга имеет спрос среди забайкальцев (этих гибридов), среди бурят, монголов и т. д., связанных с русской культурой. Интересуются и татары, судя по тем сведениям, которые я имел от атамана Семенова, тоже приверженного этой системе мыслей¹.

...План перевода «выборки из евразийских изданий» в Южно-Маньчжурской железной дороге был составлен в 1926 году, т. е. за 6 лет до образования Маньчжоу-го. Это неизбежно приводит нас к мысли, что «восточный склон» евразийства, в том числе «азиатские» утверждения В. Н. Иванова, был принят «известным кругом лиц» как своего рода подкрепление идеи «паназиатизма», к которому с глубокой симпатией относился Эренжен Хара-Даван и «азиатец» (не «евразиец») В. Н. Иванов.

...Работа над переводом евразийских изданий была поручена Симано Сабуро, по инициативе которого, как сказано выше, был сделан перевод книги Э. Хара-Давана. Симано учился в России до революции сначала в качестве стипендиата префектуры Исикава, потом Южно-Маньчжурской железной дороги. Последние 4 года в России он учился в Петроградском университете, где изучал философию и психологию. Симано вернулся в Японию в июле 1917 года и поступил на Южно-Маньчжурскую железную дорогу, где долго занимался составлением русско-японского словаря, включающего более ста тысяч слов («Русско-японский словарь». – Токио: Додзинся, 1928). Ему назначили названную работу именно потому, что за год до этого Симано перевел и издал брошюру Н. С. Трубецкого «Европа и человечество» (София, 1921), которая, как известно, послужила толчком к объединению евразийцев.

¹ Письмо В. Иванова – В. П. Никитину (из Цинанфу в Париж) // Евразийская хроника. 1926. Вып. XI. С. 10.

Симано состоял членом национально-социалистической организации «Юзонся», вскоре переорганизованной в «Гётися», откуда вышел японский перевод брошюры Н. С. Трубецкого «Европа и человечество». Перевод, по убеждению Симано, должен был послужить теоретическим обоснованием лозунга «освобождение «цветных» рас» – одно из важнейших утверждений «Гётися». В брошюре Н. С. Трубецкого так убедительно и обоснованно выясняется сущность «европейского эгоцентризма» и культурно-историческое следствие «европеизации».

Несмотря на то, что «значительные суммы были ассигнованы на переводы выборок евразийских изданий», из евразийских изданий были переведены и напечатаны, насколько нам известно, не больше пяти, считая «Жизнь Чингис-хана», которая вышла, так сказать, с опозданием в 1936 г. Дело в том, что из евразийцев Симано перевел именно тех, с кем «нашел общий язык».

1997 г.

Арай Юкиясу

К ИСТОРИИ ЯПОНСКОГО ПЕРЕВОДА КНИГИ Э. ХАРА-ДАВАНА

В 1936 году Ассоциацией рабочих Южной Маньчжурской железной дороги была издана книга на японском языке под названием «Биография Чингис-хана». Оригинальное название этой книги «Чингис-хан как полководец и его наследие. Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII – XIV века». Автор этой книги Эренжен Хара-Даван (1885 – 1942¹ гг.) – яркий представитель калмыцкой интеллигенции начала XX века, эмигрировавший в Восточную Европу во время Гражданской войны.

Впервые книга была издана в 1929 году в столице Югославии Белграде. Разница между изданием оригинала (1929 г.) и издани-

¹См. примечание на с. 17.

ем перевода на японском языке (1936 г.) составляет всего 7 лет. Почему так быстро был сделан перевод данной книги на японский язык? Как книга, изданная в Белграде, оказалась в Японии? И почему она заинтересовала японских читателей?

Ключевой фигурой, которая проливает свет на эти вопросы, является Шимано Сабуро (1893 – 1982 гг.), написавший введение к японскому переводу книги Хара-Давана. Шимано Сабуро известен в Японии как автор первого русско-японского словаря. Он изучал русский язык во Владивостоке, Москве и Санкт-Петербурге. До революции он проживал в Санкт-Петербурге. После октябрьских событий ему пришлось возвратиться в Японию, где он до конца Второй мировой войны работал в компании «Южно-Маньчжурская железная дорога».

Есть вероятность, что встреча Шимано с калмыками произошла во время его командировки в Европу по заказу железнодорожной компании с мая 1931 по март 1933 года. Целью его поездки был сбор информации у эмигрировавшей интеллигенции относительно политической ситуации в России. В Европе он, по всей вероятности, среди огромной массы российских эмигрантов встретил ученых, с которыми был знаком со времен учебы в Санкт-Петербурге. Здесь он, видимо, впервые знакомится с идеей евразийства.

Мы предполагаем, что идея евразийства стала той главной нитью, благодаря которой Шимано познакомился с калмыцким ученым Э. Хара-Даваном. Не случайно первым изданием, опубликованным Шимано после его возвращения из европейского турне, стала брошюра «Евразийство: декларация, формулировка и тезисы» (Прага, 1932 г.). Затем им были переведены на японский язык и опубликованы еще несколько работ по евразийству. Шимано считал Э. Хара-Давана одним из основных представителей евразийства¹.

¹ Произведения Э. Хара-Давана «Чингис-хан как полководец и его наследие» и «Евразийство с точки зрения монгола» были опубликованы в 2002 году в Москве в серии «Новая история» как произведения, отражающие основные идеи евразийства.

Однако до сих пор неизвестно, имел ли Шимано прямой контакт с калмыцкой эмиграцией в Европе. Существует лишь несколько косвенных фактов, свидетельствующих, что контакты калмыков-эмигрантов с японцами и японскими организациями имели место быть:

1. Статуя Будды в буддийском храме в Белграде.

В 1929 году калмыки-эмигранты построили буддийский храм в г. Белграде. Есть сведения, что японская буддийская ассоциация пожертвовала буддийскую статую для этого храма.

2. Проект по иммиграции калмыков в Маньчжурию.

В 1930 году был проект по иммиграции калмыков из Европы в Маньчжурию. Есть сведения, что в Маньчжурию было послано несколько человек для выбора и поиска наиболее подходящего места для будущего проживания калмыков-эмигрантов.

Эти два свидетельства так или иначе ведут нас к предположению, что Шимано Сабуро мог быть знаком с представителями калмыцкой интеллигенции, проживающими в Европе, и именно он мог быть тем лицом, связавшим их с японскими организациями. Но все это – всего лишь предположения, требующие дальнейшего кропотливого исследования. Между тем эти вопросы очень важны как для Японии, так и для Калмыкии, так как они подтверждают существование связей между Японией и калмыками-эмигрантами, которые были вовлечены в процесс глобальных перемен начала XX века.

2009 г.

Д-р Тома Миленкович

О ДОКТОРЕ ЭРЕНЖЕНЕ ХАРА-ДАВАНЕ

Среди калмыков, прибывших в Сербию, было чрезвычайно мало образованных людей (говоря точнее – лишь один врач и четыре учителя). Претерпевшие материальные лишения, они испыты-

вали нужду и в образованных людях. В этом отношении калмыки представляли прямую противоположность остальным эмигрантам из России. Самым выдающимся интеллигентом в их среде был доктор Эренжен Хара-Даван (1885 – 1941)¹.

Он родился в с. Тундутово Астраханской губернии в семье батрака. Начальную школу окончил в родном селе, а гимназию – в Астрахани, в 1906 г. Поскольку его малоимущая семья была заведомо не в состоянии выучить его на собственные средства, то по окончании гимназии он уехал в Петроград и в качестве «стипендиата калмыцкого народа» поступил в Военно-медицинскую академию. Однако вчерашний «обитатель сухих астраханских степей тяжело переносил сырой и нездоровый климат Петрограда» и спустя два года перевелся на медицинский факультет Юрьевского университета. Вскоре он убедился в том, что погода под небесами Эстонии не отличается от петербургской, и в начале 1910 г., с VIII семестра, был зачислен на медицинский факультет Казанского университета, где завершил медицинское образование и выдержал государственный экзамен в 1911 г.²

Эренжен Хара-Даван поступил в Военно-медицинскую академию Петрограда во время революционных брожений в России, которые завладели им и наложили отпечаток на всю его дальнейшую жизнь. Он вращался в узком кругу молодых калмыцких интеллигентов и занимался национальными делами, захватившими их всех³. Добившись врачебного диплома, Хара-Даван вернулся в

¹ Признаем его первенство не только потому, что он прибыл в Югославию с первыми группами калмыков, но и оттого, что среди своих соотечественников он играл первостепенную роль.

² Копии всех документов об обучении Эренжена Хара-Давана находятся в Национальном архиве Республике Калмыкия (НАРК), Ф. 977. Оп. 1/д., Д. 23300. Л. 1 - 16. Кратко об образовании Хара-Давана см.: Мальшева Светлана. Евразиец Хара-Даван // Эхо веков. № 1-2. Казань, 1996. С. 147; Алексеева П. Э., Джалаева А. М. «А когда я вернусь...» (В рукописи). С. 7 - 9.

³ Эренжен Хара-Даван подробно писал об этом в статье «Калмыцкие студенты-пионеры» // Ковыльные волны. 1932, № 5. С. 26 - 31.

родные места и трудился сельским лекарем. Февральская революция 1917 г. застала его в Царицыне. Активно участвуя в развернувшихся событиях, в начале марта 1918 г. он был избран председателем Калмыцкой секции исполнительного комитета Астраханского губернского Совета, но уже в мае того же года выступил против крупных реквизиций скота у зажиточных хозяев в пользу бедняков и против социализации земли. Это означало его разрыв с большевиками и уход с поста¹. Являясь идейным противником большевизма, он покинул Россию в середине марта 1920 г. из черноморского порта Новороссийск.

Хара-Даван прибыл в Югославию, по всей вероятности, в конце марта или в начале апреля 1920 г. с супругой Сарой (1898-1980) и остановился в восточной части Сербии, где осело большинство беженцев, добравшихся с ним из Новороссийска. В первые месяцы они, очевидно, получали содержание от югославского государственного Комитета по устройству русских беженцев. Хотя в то время в Югославии ощущалась нужда в медицинских кадрах, доктор Хара-Даван не мог работать по специальности, поскольку не имел никаких документов о законченном высшем медицинском образовании. Лишь 15 ноября 1920 г. Русско-сербское врачебное общество (с центром в Белграде) выдало ему свидетельство о высшем медицинском образовании, после чего он поступил на работу в должности врача в г. Битола (Македония). Неизвестно, как долго он прожил в этом городе и почему переехал в глухое местечко Андриевица (в Черногории)², расположенное между высоких лесистых гор, – но и здесь не задержался. В середине 1923 г. встречаем его в с. Куштиль, предместье г. Вршац области Банат (у

¹ Бурчинова Л. С. Послесловие // Хара-Даван Эренжен. Чингис-хан как полководец и его наследие. Элиста, 1991. С. 211 - 215; Малышева С. Евразиец Хара-Даван // // Эхо веков. № 1 - 2. Казань, 1996. С. 146; Джалаева А. «За отсутствием состава преступления...» // Теегин герл. 1996, № 7. С. 16 - 17.

² Исторический архив Белграда (ИАБ), фонд Врачебной коллегии в Белграде (ФЛКБ), к-т 14, д. 501 (досье Э. Хара-Давана)

самой границы с Румынией). Однако тут он не работал врачом, так как не приводит Куштиль в качестве места службы¹. В ответ ли на его запрос, по другим ли неизвестным причинам, по распоряжением министра народного здравоохранения Югославии он временно назначен «общинным врачом» в с. Хайдучица бывшего Вршацкого уезда. Месячное жалование ему положено значительное – в 2800 динаров (преподаватели средней школы тогда получали около 1200 динаров в месяц)². Об условиях жизни в Хайдучице Хара-Даван писал: «Живу и ни в чем не нуждаюсь. Местные относятся ко мне как врачу очень хорошо. Надо сказать, что здесь русские врачи ценятся больше, чем немецкие и австрийские» (т. е. ценятся лучше тех, которые получили медицинское образование в Германии и Австрии)³. В конце того же года он принят полноправным членом во Врачебную коллегия Сербии, Воеводины и Срема⁴. Между тем у супружеской четы Хара-Даванов появился сын Чингис (родился в 1922 г., вероятнее всего, в родильном отделении Русской больницы в Панчево)⁵.

В Хайдучице Хара-Даван прожил до середины марта 1926 г., затем отбыл на работу врачом куда-то в Черногорию⁶. Скорее всего, оттуда же он по собственной воле летом 1929 г. переехал в Белград и здесь в среде соотечественников увлекся их общественными интересами (о чем скажем позднее). Однако в столице Югославии врачу было очень трудно найти работу по специальности: тут множество своих и русских докторов ожидало трудоустройства.

¹ НАРК, Ф-Р-112. Оп. 1 ц. Ед. хр. 2. Л. 1: письмо Э. Хара-Давана (без даты) из Куштиля – Овше Насунову.

² ИАБ, ФЛКБ, к-т 14, д. 501 (досье Э. Хара-Давана)

³ *Борисенко И.* «Сербские» калмыки // Хальмг үнн. № 224. 6 декабря 1995.

⁴ ИАБ, ФЛКБ, к-т 14, д. 501 (личные данные д-ра Эренжена Хара-Давана для именного списка Врачебной коллегии).

⁵ ИАБ, УГБ, ЦП (Хара-Даван Чингис).

⁶ ИАБ, ФЛКБ, к-т 14, д. 501. Письмо Врачебной коллегии по Белграду, Земуну и Панчеву от 18 июня 1931 г. – Э. Хара-Давану.

Известно лишь, что с 12 июля по 4 августа 1930 г. Хара-Даван работал вспомогательным врачом в известном Институте доктора Илича-Раковацкого, получая 2250 динаров. Рабочий день здесь был долог, труд тяжел, а отношение работодателя бесцеремонно – и меньше месяца спустя Хара-Даван ушел из Института¹. Ни до, ни после этого кратковременного трудоустройства он не занимался в Белграде ни частной практикой, ни работой в медицинском учреждении². Вероятно, жил он на сбережения, накопленные во время предыдущей службы: в провинции платили хорошо, а расходы были скромные, так что он мог экономить.

Относительно спокойную и материально обеспеченную предыдущую жизнь в провинции Хара-Даван использовал для сбора материалов и написания обширного труда о Чингис-хане. Замысел создания такой работы он, вероятно, вынашивал еще с первых студенческих лет в Петербурге, когда все калмыцкие студенты, кроме специальных дисциплин, занимались изучением прошлого (историей культуры, просвещения, экономики) своего народа³. Существенно продвинувшись в своем исследовании, 8 января 1928 г. (на второй день Рождества) он выступил в Белградском университете с публичной лекцией на тему «Чингис-хан и нашествие монголов в Европу»⁴. Этот материал он расширил, дополнил новыми данными и в следующем году на собственные средства издал отдельной книгой на русском языке под названием «Чингис-хан как полководец и его наследие. Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII – XIV века».

¹ ИАБ, ФЛКБ, к-т 14, д. 501. Отчет Хара-Давана Врачебной коллегии по Белграду от 16 марта 1930 г.

² Там же. Справка Врачебной коллегии в Белграде, выдана 27 августа 1930 г. Э. Хара-Давану.

³ *Хара-Даван Э.* Калмыцкие студенты-пионеры // Ковыльные волны. 1932, № 5. С. 31.

⁴ *Хара-Даван Э.* Чингис-хан как полководец и его наследие. Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII – XIV века. Белград, 1929. С. 8.

Для написания книги автор использовал источники и литературу на монгольском, китайском, персидском, русском и французском языках. В ходе работы над главой «Болгария и Сербия как кратковременные вассалы Монгольской империи» он обратился к источникам на сербохорватском и болгарском языках, вероятно, ему помогли и белградские университетские профессора-историки. Весь научный аппарат этого труда свидетельствует о том, что Хара-Даван был высокообразованным человеком и владел несколькими языками. Глубокое одобрение его книге выразили известный русский историк и политический деятель П. Н. Милюков, превосходный знаток монгольской древности В. Л. Котвич, а затем – Л. Н. Гумилев и множество других ученых. Его монография – это первый подлинно научный труд, опубликованный представителем калмыков за минувшие (к тому времени) триста с лишним лет бытования этого народа в Европе¹. Таким образом, Белград и Сербия заняли (или займут) важное и почетное место в истории калмыцкой науки и культуры.

Нарушить однообразие хвалебных отзывов о книге Хара-Давана, поступавших отовсюду, попыталась группа эмигрантов-калмыков, живших и работавших в Париже. В некоей парижской газетке, обозначавшейся только начальными буквами «П. Н.» («Последние новости»), они выразили «протест» против того, что Хара-Даван в своей книге якобы выступил от имени калмыков, Чингис-хан же никакой связи с калмыками не имеет (то есть он не калмык). Далее сказано: «Калмыки – это казаки»; они считают своим отечеством великую Россию, и, соответственно, ни в каком возрождении монгольских народов (в том числе и калмыков) нет необходимости². Вот и все «аргументы», которые никак не связаны с научным или просто объективным способом рассуждения.

¹ *Хара-Даван Э.* Калмыки в Югославии. С. 60. Рукопись своей книги Хара-Даван сперва предложил для издания Калмыцкой комиссии культурных работников в Праге. КККР, не располагая средствами для издания, вынуждена была с сожалением отклонить. Лишь после этого автор сам напечатал свой труд.

² Информация КККР. №1. 15 апреля 1930 г. С. 70 - 71.

Кроме сказанного, эта книга – одна из немногих, напечатанных в межвоенный период в Югославии по правилам новой русской орфографии, почти все остальные издавались в соответствии со старым правописанием. Современные историки Калмыкии убедительно доказывают, что Хара-Даван в своей книге одним из первых развил идеи евразийства¹.

К своему сожалению и к сожалению остальных белградских калмыков, Хара-Даван недолго пробыл в Белграде, где были лучшие условия для развития его общественной деятельности. Здесь он не мог найти работу по специальности, а без обеспеченной материальной базы он не мог и помыслить о какой-то иной деятельности. Нельзя забывать о том, что он был человек женатый, с ребенком, и должен был заботиться о семье. Поэтому, когда осенью 1930 г. Морское училище младших офицеров в Шибенике объявило конкурс на должность училищного врача, он сразу же подал документы и был принят². Видимо, для поступления на государственную службу доктор должен был состоять в югославском гражданстве. Поэтому Хара-Даван с семьей вышел из российского гражданства и принял подданство Югославии³. Он стал одним из немногих за весь межвоенный период, хотя и не единственным, калмыком в Югославии, сменившим гражданство. При этом надо иметь в виду, что он, вероятно, был единственным калмыком на государственной службе в Королевстве Югославия. Поступив на должность врача в Морском училище младших офицеров в Шибенике, Хара-Даван уплатил задолженность по членским взносам Врачебной коллегии в Белграде, снялся там с учета и стал членом Врачебной коллегии в Сплите⁴.

¹ *Мальшиева С.* Евразиец Хара-Даван // Эхо веков. № 1-2. Казань, 1996. С. 146 - 147; Борисенко И., Горяев А. Очерки из истории калмыцкой эмиграции. Элиста, 1998. С. 6, 78 - 96.

² ИАБ, ФЛКБ, к-т 14, д. 501 (об этом свидетельствуют несколько документов из досье Э. Хара-Давана).

³ Там же.

⁴ Там же.

Дальнейший жизненный путь Хара-Давана недостаточно известен. Неведомо, сколь долго он прожил в Шибенике и почему оставил место врача в училище. В 1933 г. встречаем его в качестве врача на государственной службе уже в Дженовичах, у Которского залива (ныне Черногория)¹. Человек беспокойного духа, ни на одном месте он долго не задерживался. Исходя из сведений о том, что его супруга до 12 декабря 1940 г. проживала в г. Мойковац в Черногории, заключаем, что там же, конечно, находился и ее муж, работая местным врачом². Допускаем, что в этом промежутке он сменил еще одно место службы. В середине декабря 1940 г. вся семья вернулась в Белград; вероятно, в то время Эренжен уже был болен, и этот шаг был продиктован необходимостью лечения. 17 ноября 1941 г. – когда вся Югославия уже была захвачена и расчленена, – на пятьдесят седьмом году жизни он скончался. Похоронила его жена Сара и, вероятно, сын Чингис. Доктор Эренжен Хара-Даван погребен на Новом кладбище в Белграде (участок 121, место захоронения 388)³.

Эренжен Хара-Даван прожил в Югославии 21 с половиной года, из них в Белграде, где была сосредоточена основная часть калмыков в эмиграции, здоровым он провел всего полтора года. Все остальное время он трудился в местах, где не было ни одного калмыка, а, значит, не было условий для проявления его организаторских способностей и поводов заняться общественной деятельностью. Лишь во время пребывания в Белграде он занимал две выборные должности – секретаря комиссии по строительству Калмыцкого дома и члена правления Калмыцкой колонии. В состав первого правления Калмыцкой колонии во время выборов 1928 г. он не включен, так как его тогда не было в Белграде, но уже в середине следующего

¹Медицинский ежегодник Королевства Югославия за 1933 г. Белград, 1933. С. 411.

²ИАБ, УГБ, ЦП (Хара-Даван Сара).

³Учетная книга захоронений на Новом кладбище в Белграде в течение 1941 г.

года находим его в списке состава¹. Не знаем, как он там оказался, поскольку за данный период новых выборов не было.

Тем временем Хара-Даван развернул широкую деятельность. Он поддерживал переписку с лидерами своих соотечественников как в Югославии, так и за ее пределами, а также с калмыками на руководящих постах в Калмыкии и Москве, общаясь с ними «на равной ноге» и без особого почтения к их высоким должностям². Он следил за русской эмигрантской прессой, а особенно – за калмыцкими публикациями за границей, и сам принимал активнейшее участие в большинстве изданий калмыцкой периодики. Покажем это на конкретных примерах. В 1925 г. группа калмыцких студентов в Праге (Чехословакия) готовила издание (или ряд публикаций), посвященное «изучению вопроса о национальном объединении» калмыков вообще, поэтому обратилась с соответствующим письмом ко всем интеллигентным калмыкам-эмигрантам, предположительно имеющим свое суждение по этой теме. Авторы ничем не ограничены, кроме просьбы придерживаться темы и быть объективными. В целом это начинание понималось как «совершенно объективная и беспристрастная форма обмена мнениями»³, по сути же было изрядно запоздавшей реакцией на крупные национально-политические и социально-экономические преобразования в СССР – прежде всего, на образование союзных республик, автономных областей и других административно-территориальных единиц. Откликом были удовлетворены, получив с десятков материалов для публикации, из которых два прислал Э. Хара-Даван («Вопрос национального объединения», «Изучение методов и путей культурного возрождения калмыцкого народа»⁴), и несколько очерков культурно-исторического характера. Не имея намерения подробно анализировать статьи Хара-Давана, что вышло бы за рамки нашей

¹ Информация КККР. №1. 15 апреля 1930 г. С. 46.

² Что видно из его писем, цитируемых в данной работе.

³ Ойрат. Белград, Издание д-ра Хара-Давана, 1925. С. 1.

⁴ Там же. С. 5 - 8, 19 - 22.

работы, выделим в них лишь самое главное. Автор полагал, что калмыцкий народ, если он стремится сохранить свою национальную самобытность и не подвергнуться ассимиляции со стороны русских, должен использовать создавшийся благоприятный «исторический момент (который больше не повторится), чтобы объединиться в своих этнографических границах» и в них обеспечить свою политико-административную автономию.¹

Когда на адрес инициативной группы калмыцких студентов в Праге поступили ожидаемые материалы, была сформирована редакционная комиссия по их изданию из трех студентов: Э. М. Бурулдушева (студент агрономического факультета), Н. И. Маглинова (студент-медик) и С. У. Степанова (студент-правовед). Ответственным редактором стала Данара Н. Баянова – выдающийся деятель калмыцкой культуры в эмиграции. Неизвестно, что именно предприняла редакция для подготовки полученных материалов к публикации. Во всяком случае, они были аккуратно перепечатаны на русской пишущей машинке с новым алфавитом и по новой орфографии (27 страниц), а затем размножены на гектографе и опубликованы в журнале «Ойраты». Если бы не титульный лист, художественно оформленный Бурулдушевым, все издание выглядело бы как старые студенческие тиражированные конспекты.

Однако сам выход в свет этого издания не обошелся без затруднений. Студенты не имели средств на полиграфическое издание, и, чтобы собранные материалы не пропали, доктор Эренжен Хара-Даван поспешил на помощь, опубликовав их (размножив?) за свой счет в Белграде. На титульном листе журнала значится: «Издание д-ра Хара-Давана». Издание выполнено крайне неумело, на любительский манер: в «Ойрате» нигде не указаны ни место, ни год выпуска, ни его номер (если журнал задуман как периодический), ни тираж. О том, что он напечатан в 1925 г., мы догадываемся по содержанию некоторых текстов, а о том, что он вышел в Белграде, говорит одна деталь: в конце издания обозначено – «Цена 20 ди-

¹Там же. С. 7.

наров» (в Европе межвоенного периода динар имел хождение как государственная валюта только в Югославии). Несмотря на указанные недочеты, «Ойрат» был первым калмыцким общественно-политическим изданием, вышедшим в эмиграции, и первенство в этом отношении принадлежит Белграду. Позднее здесь будет выпущен еще лишь один номер калмыцкой газеты (или журнала).

Ежегодный калмыцкий журнал «Улан Залат» начал выходить в Праге с 1927 г. Увлеченный национально-политическими проблемами своего народа, Хара-Даван опубликовал статью «Пути решения национальных проблем» в третьем номере журнала за декабрь 1930 г. (с. 33 – 35). В том же году в Праге вышла «Информация КККР», где он поместил ценную для интересующей нас темы заметку «Калмыки в Югославии» (с. 60).

В 1930 г. в Париже был основан новый калмыцкий журнал «Ковыльные волны». Его издателями и главными сотрудниками были Ш. Н. Балинов, Э. Хара-Даван и С. Б. Балыков, все трое – члены Калмыцкой комиссии культурных работников (КККР). Остальные калмыцкие лидеры, и особенно члены КККР из Праги, неблагоприятно встретили появление нового калмыцкого журнала, приняв его с известным возмущением и даже сопротивлением, не приводя при этом никаких идеолого-политических или личных, но лишь практические доводы. Они подчеркивали, что калмыцкая эмиграция малочисленна, а круг читателей калмыцких изданий и того меньше. Раскалывать столь малую читательскую аудиторию пражские сотрудники КККР считали вредным. Кроме того, среди калмыков было недостаточно интеллектуальных сил, которые могли бы соответствовать запросам и поддерживать на достойном уровне два журнала¹. Но эти соображения не были учтены. «Улан Залат» угас на третьем номере в том же 1930 г., журнал же «Ковыльные волны» выходил дважды в год до 1936-го (последний, сдвоенный номер 13-14 появился в декабре того же года), затем потух и он. В этом издании доктор Хара-Даван сотрудничал активнее,

¹ Улан Залат. – № 3. декабрь 1930; Ковыльные волны. № 1. 1930. С. 52 – 53.

чем кто-либо из калмыцких эмигрантов в Югославии, опубликовав десять обширных статей и этюдов.

Кроме того, Хара-Даван долго и плодотворно сотрудничал в нескольких европейских журналах и тематических сборниках евразийского направления¹. Жаль, что он не жил в основной среде своего народа в изгнании: он лучше узнал бы жизнь и, возможно, его корреспонденции содержали бы больше сведений о своих соотечественниках на чужбине. Это подтверждает и его упомянутая заметка в первом номере «Информации КККР» за 1930 г., которую мы здесь неоднократно цитировали.

1998 г.

Д. Тараторин

ВЕЛИКИЙ МИРОТВОРЕЦ

«Он установил мир», – так высказался французский историк XIII века Жуанвиль о Чингис-хане «Проклятом», как его стали именовать враги после Среднеазиатского похода. Вот такие полярные точки зрения. Сторонников последней и сегодня, пожалуй, больше.

Несмотря на растущую популярность евразийских идей, нередко в трудах вполне маститых ученых можно встретить оценки, схожие с теми, что давались современниками, созерцавшими пепелища некогда цветущих городов. Хотелось бы большей объективности, а главное, осведомленности. В любом случае русским на Чингис-хана жаловаться грех. Великую евразийскую державу наш народ сумел построить лишь благодаря суровой, но крайне полезной монгольской школе.

¹ Пояснения д-ра славистики А. Борманжинова в письме автору от 20 июля 1998 г. из США.

Доктор Эренжен Хара-Даван, один из ярчайших представителей калмыцкой интеллигенции, оказавшись вскоре после революции в эмиграции, примкнул к движению евразийцев. Свои мотивы он вполне недвусмысленно изложил в статье «Евразийство с точки зрения монгола»: «Программа евразийцев не хочет все народы стричь под общую российскую гребенку и тем обезличивать их: дается право и возможность каждой из наций Евразии внести свою индивидуальную национальную культуру как частицу общей над-национальной культуры евразийской – чем из более разнообразных цветов и запахов составлен букет, тем будет он пышнее и ароматнее». Цветок самого Хара-Давана в общем букете евразийства оказался одним из самых ярких, ведь напоен он был солнцем бескрайних монгольских степей.

Как-то в ходе интервью Л. Н. Гумилев заявил, что «Чингис-хан как полководец и его наследие» была первой евразийской книгой, которую он прочитал и которая оказала на него во многом решающее влияние. Даже сегодня, когда наследие классиков евразийства, не в последнюю очередь благодаря издательству «Аграф», стало доступно широкой общественности, труд этот не утратил своего поистине революционного значения.

Образ вождя евразийских племен, создавшего самую могучую и обширную империю в истории человечества, по-прежнему нуждается в очищении от шелухи застарелых, но от этого не менее зловредных мифов. «Кровавый тиран», «разрушитель», «варвар» на самом деле был великим миротворцем, защитником свободы совести.

Европейские рыцари, «образец благородства», «строили» для побежденных противников «золотые мосты», позволяя спастись бегством, либо брали в плен и освобождали за выкуп. «Дикари» монголы вооруженных врагов, как правило, истребляли до последнего человека. Но причина данной разницы в подходах проста и незамысловата. Коренится она отнюдь не в «исконной кровожадности» раскосых всадников. Для рыцарей война сама по себе – цель и смысл жизни. Им нужны были как воздух достойные

противники, так веселее становилась «кровавая потеха». Оттого и отпускали они их на волю невредимыми. Жили они грабежом населения, которым их междоусобицы сопровождалась, и ничего иного не желали. Чингис-хан стремился к миру и безопасности, чтобы можно было, как он выражался, во всей его империи носить на голове золото, как обыкновенные сосуды, не подвергаясь опасности быть ограбленным. Поэтому он был заинтересован в окончательном решении вопроса – ликвидации источников нестабильности. Император говорил своим сыновьям: «Не забывайте никогда, что душой всякого дела является то, чтобы оно было доведено до конца». И он добился своей цели. «При преемниках Чингис-хана, – пишет Хара-Даван, – можно было ездить из Хивы в Крым без малейшей опасности, и по всему пути, продолжавшемуся около трех месяцев, не надобно было брать с собой никаких съестных припасов, потому что все необходимое можно было получить в гостиницах».

В Европе царствовал закон «чья власть – того и вера». Чингис-хан завещал своим потомкам чтить и уважать духовные традиции покоренных народов. И веление его свято исполнялось. Хан «Золотой Орды» Узбек, мусульманин по вероисповеданию, издал указ следующего содержания: «Все чины православной церкви и все монахи подлежат суду православного митрополита, отнюдь не чиновников Орды и не княжескому суду. Тот, кто ограбит духовное лицо, должен заплатить ему втрое. Кто осмелится издеваться над православной верой или оскорблять церковь, монастырь, часовню, тот подлежит смерти без различия, русский он или монгол. Да чувствует себя русское духовенство свободными слугами Бога».

Это и есть наследие Чингис-хана, общее наследие всех народов Евразии, полученное в дар от грозного миротворца.

2002 г.

ЧИНГИС-ХАН И МОНГОЛОСФЕРА

(по мотивам книги калмыцкого евразийца Хара-Давана)

АРХЕТИП ТЕМУЧИН

Монгольский воин и великий континентальный монарх Темучин Чингис-хан – ключевая фигура Евразии и евразийства. Его личность, отраженная в его исторических деяниях, в составленных им законах предопределила в значительной мере весь ход мировой истории последнего тысячелетия. Созданная им в немыслимо короткие сроки империя стала основой принципиально новой политической организации пространства Старого Света.

Наследие Чингис-хана представляет собой своего рода континентальный Завет, духовную ось Суши¹.

Изучение истории империи Чингис-хана оставляет ощущение чуда. Рождается чувство: так не бывает, не может быть. В течение одной жизни владения бедного монгольского аристократа Темучина, сына Есугей-багадура, разрослись от крохотного надела бесплодной земли до просторов обширного континента. Темучин создал все из ничего, опираясь на свою бесконечную волю, на жаркую энергию своего небесного сердца, завещанного древним белым духом, проникшим к праmaterи Алан-гоа через дымник юрты (как повествует нам «Сокровенное сказание монголов»).

Неудивительно, что Чингис-хан считал себя избранным высшими силами. Даже те властители, которые совершили много меньше подвигов, чем Темучин, кичась, претендовали на небесную родословную. Он же в действительности совершил то, что едва ли под силу даже самому достойному из сыновей земли. Показательно число лет жизни Темучина – 72 года. Это число в

¹ Дугин А. Основы геополитики. М., 2000

древнейших сакральных системах означало полный цикл жизни и лежало в основе древнейших круговых календарей. Оно неизменно встречается во всех мифологических сюжетах, связанных с полнотой времени. Круг делится на 72 составляющие. Из 72 временных промежутков (мгновений, хелеков) складывается первичная система древнееврейского исчисления времени. Согласно реконструкции древнейших календарей Германом Виртом, они состояли из 72 недель по пять дней в каждой¹. 72 года жизни Чингис-хана, таким образом, представляют собой парадигму Евразии, синтезированную карту-календарь, воплощенную в идеале сакрального властелина.

Мы, русские, живем под сенью Чингис-хана. Он принес нам не только иго с Востока, но и свободу от ярма Запада. Он распластал нас под своим владычеством, но научил нас бороться и побеждать. Он не просто организовал железной дланью континентальную административную машину, где мы поначалу были данниками, но передал нам основы государственного аппарата, которыми мы пользовались в течение долгих веков. Он увел русских жен в стан диких монголов, но дал нам через свою кровь степную ярость и великую энергию пространства; мы сделали их своими и явили миру грандиозные образцы имперостроительства.

Мы, русские, дети Чингис-хана наравне с татарами, тюрками, монголами. Но если они наследуют в первую очередь кровь, то мы наследуем дух, помноженный на просторы сакральных почв. Русские до Чингис-хана и русские после Чингис-хана – это два разных народа, две разные идеи, две расы, две миссии. Русские до Чингис-хана – периферия Византии и Европы. Русские после Чингис-хана – оплот Вселенской Империи, новая Византия, последний Рим, абсолютный центр геополитической битвы за судьбы мира. Чингис-хану мы обязаны всем.

¹ Милый Ангел. М., 1997. С. 71.

ЗА ПРЕДЕЛОМ ПОЛЯРНЫХ ГОР (Гиперборея и Евразия)

В географии древнего мира существует интересная закономерность. Древние цивилизации складывались под воздействием импульсов, идущих с Севера, но застывали и становились собой только южнее некоторой географической черты – гряды евразийских гор, тянущихся от Пиренеев до Маньчжурии. В этом таинственная парадигма цивилизаций. С Севера от этих гор рождается тонкая живая сила и оседает южнее, застывая в конкретной форме.

Мифы древних народов закрепили эту модель в двучастном делении пространства: благое (цивилизованное) пространство – Китай, Индия, Иран, Шумер-Ассирия, Греция, Италия, Иберия – лежит к югу от горной цепи, и пики ее обозначают сам Север: Тибет, Кайласа, Альборз (Эльбрус), Олимп... То, что лежит за Севером, по ту сторону Севера (отсюда греческое слово «Гиперборея», буквально лежащее «по ту сторону Севера», «за Борею-Севером», «Jenseits des Nordens» Ницше) представляет собой темную неизвестную сферу, мир варварства, потустороннюю обитель inferнальных существ – пиктов, диких германцев, туранцев. Особенно подробно эта двухчастная модель сакральной географии была описана у древних иранцев, например, у Фирдоуси в «Шахнаме». Там изложена классическая дуалистическая концепция – Иран = Свет – Туран = тьма, Иран = цивилизация – Туран = варварство, Иран = оседлость – Туран = кочевничество.

Северная полоса Евразии от Франции до Приамурья есть единый Туран (т. е. Гиперборея, или ее расширенное преддверие). Эта демонизированная цивилизациями древности туранская область постоянно вторгалась в бытие южных систем, не только сея разрушение, гибель и смерть, но и привнося новую жизнь, новую кровь, новую свежую силу в медлительно разлагающиеся режимы Юга. В варварских нашествиях было нечто божественное. Грабя, насилуя, разрушая и сжигая центры цивилизации, туранцы обнажали тайную сущность – голую сущность бытия. Они оставляли

после себя императорские династии и непобедимые армии, новую этику братства и солидарности, крепкого слова и железной воли, жарких объятий и жестокой смерти... Они как «бич Божий» (чем и считались) возвращали изнеженный Юг к суровым проблемам Севера. Туран боялись и не понимали, для защиты от него строили Великие Стены и вели карательные операции, его презирали и ненавидели, но он с завидной периодичностью напоминал о себе. Яростный, неукротимый Туран, беспощадный, скуластый, голубоглазый, белокурый и раскаленный...

Туран – в широком гиперборейском смысле – был источником королевской крови. Большинство имперских и королевских родов истории приходило в цивилизацию с Севера. Китайские династии по большей части были туранского происхождения – хунну, табгачи, кераиты, чжурджени, маньчжуры, потом монголы. Сам Александр Великий был сыном царя северных варваров – Филиппа Македонского. Налицо парадоксальная двойственность Турана: это варварство, несущее культуру; смерть, призывающая жизнь; разрушение, открывающее путь новому созиданию. Туран – «бич Божий», великий континентальный импульс, разбивающий сосуды, чтобы освободить заключенный в них примордиальный свет.

В своем имперостроительном импульсе Чингис-хан осуществил важнейшую сакрально-географическую операцию: «он сравнял горы», сделав естественную северную границу южных цивилизаций прозрачной и проходимой. Открывшиеся таким образом северо-евразийские пространства невероятно расширили географические представления южан. Условный Север материковой горной цепи, «заместитель» полюса обнаружился как нечто локальное. Истинный Север – великая Арктида – дала о себе знать. Сами же евразийские территории и на Севере, и на Юге были интегрированы в единый блок, подчиненный воле Севера уже в планетарном, континентальном смысле. В этом состояла великая нордическая реставрация сакральной географии, которую осуществил Чингис-хан в своей империи. В этом заключается ее фундаментальное отличие от империи Александра Великого, которая находилась юж-

нее евразийской горной цепи, хотя ее истоковый импульс был также локально полярного (применительно к сакральной географии Греции) происхождения – балканская Македония.

Монголосфера Чингис-хана была не только симметричной фигурой относительно западной империи Александра Великого, но только со стороны Востока она открывала цивилизациям новый трансцендентальный горизонт, нордическое измерение бытия, тот самый «Свет Севера», о котором учит исламский эзотеризм¹. Чингис-хан приходил с Севера, открывая доступ к новым духовным просторам. «Стирание гор» – важнейший сакрально-географический элемент всей монголосферы и в историческом, и в архетипическом, и в геополитическом смысле.

ТУРАН В АПОГЕЕ (культура против цивилизации)

Великий монгольский шаман Кокэчу (Теб-Тэнгри) провозгласил Темучину и монголам в 1206 г. в верховьях реки Онон: «Всевышний дарует тебе царство лица земного. Теперь, когда побеждены твоей десницей государи этих земель, называемые каждый Гур-ханом, и их области достались тебе, то пусть будет твое прозвище «Чингис». Ты стал царем царей, Всевышний Господь повелел, чтобы прозвание твое было: Чингис-хан, Царь царей и государь государей».

В ответ на это сам Чингис-хан демонстрирует, что вполне осознает сакральный смысл своей миссии. Он произносит: «Вечно Синее Небо (Тэнгри) повелело мне править всеми народами. Покровительством и помощью Неба я сокрушил род кераит и достиг великого сана. Моими устами говорит Менкэ-Кеке-Тэнгри (Вечно Синее Небо). В девятихвостое белое знамя вселяется гений-хранитель рода Чингиса, это – «сульде»-знамя будет оберегать его войска, водить их к победам, покорит все страны, потому

¹ Corbin Henri. L'Homme de la lumiere. Paris, 1972.

что Вечное Небо повелело Чингис-хану править всеми народами. Чингис царствует «силою Вечного неба» («Менкэ-Тэнгри-кючин-дур»).

На яшмовой печати Чингисхана было выгравировано: «Бог – на небе, Ха-хан – Могущество Божие на земле. Печать Владыки Человечества». Так, как Чингисхан правил Евразией, ею не правил никто. Его власть, его империя была чистейшей парадигмой туранского начала. Чингис-хан, как свидетельствуют исторические документы, прекрасно осознавал дуализм Иран – Туран или оседлость (городское устройство, цивилизация) – кочевничество (скотоводство, военное дело). Хара-Даван¹ пишет «...Чингисхан делил людей на две категории. Для одного типа людей их материальное благополучие и безопасность выше их личного достоинства и чести; поэтому они способны на трусость и измену. Такой человек подчиняется своему начальнику из-за его силы и мощи, посредством которых он может лишить его благополучия и жизни, поэтому он трепещет перед его силой. (...) Это – низменные, рабские, подлые натуры, и Чингисхан беспощадно уничтожал их на своем завоевательном пути, например, в тех случаях, когда они являлись к нему, предав своего господина – врага Чингис-хана – в надежде получить за это награду. (...) Ценимые Чингисом люди ставят свою честь и достоинство выше своей безопасности и материального благополучия. Они боятся не человека, могущего отнять у них жизнь и жизненные блага, они боятся совершить поступок, который может обесчестить их или умалить их достоинство, – не в глазах людей, а в своих собственных. (...) Человек подобного психологического типа повинует начальнику не как лицу, а как части известной, Божественно установленной иерархической лестницы, как ставленнику более высокостоящего начальника,

¹ Хара-Даван Э. Чингис-хан как полководец и его наследие. Белград, 1929.

который, в свою очередь, повинуется поставленному над ним высшему начальнику и т. д. до Чингис-хана, который правит народом Вселенной по велению Вечно Синего Неба.

Вот на такой иерархической лестнице, с людьми такого психологического типа в качестве начальников и строил свою всю империю Чингис-хан, который, будучи сам типичным монголом и человеком этого типа, искал и черпал таких же людей среди кочевых народов. (...) Кочевник все, что было ему дорого, носил в душе, а горожанин все ему дорогое видел в материальном достатке».

И далее: «Относя горожан к первым из двух очерченных психологических типов, Чингис-хан только в исключительных случаях ставил на высшие должности людей городской и оседлой культуры, несмотря на то, что он завоевал столько царств с более высокой культурой (точнее было бы сказать с более высокой цивилизацией, учитывая противопоставление культуры и цивилизации у Шпенглера – *А. Д.*), таких как Китай и Персия. По той же причине Чингис-хан презирал оседлые народы и дал завет своим потомкам и всему монгольскому народу сохранить свой кочевой быт и остерегаться становиться оседлым, завет, который до сего времени соблюдается монголами».

Два описанных Эренженом Хара-Даваном психологических типа соответствуют южному и северному (гиперборейскому) началам. Именно туранский этический тип следует называть евразийским. То, что находится севернее евразийской гряды гор, имеет свою собственную онтологию, свою энергетику, свой особый уникальный пафос. Даже оседлость в этих туранских регионах несколько меняет свое значение, сохраняя многие этические и психологические черты, свойственные кочевью — суровый климат евразийского Севера делает общинность, жертвенность, солидарность столь же необходимыми, как и в степных кочевьях. Империя Чингис-хана была не только чисто территориальным завоеванием, но и утверждением особой универсальной этики, которую Чингис-хан сам ясно осознавал, пытаясь обобщить туранский духовный закон в историческом памятнике огромного значения – в «Великой Ясе».

«Великая Яса» была принята на курултае в 1206 году. Отличительной особенностью «Ясы» было утверждение о необходимости почитания Единого Бога (каким бы ни было его подлинное имя – «Тэнгри», «Иисус», «Будда» или «Магомет»). Вера в монгольском государстве охранялась законом. Точно так же под особым покровительством в империи Чингис-хана находились служители культа, которые освобождались от податей и налогов.

Основы «Ясы» формализуют туранскую этику, возводя ее в ранг закона. «Смерть положена за обращение князей к третьим лицам помимо хана, за неоказание помощи в бою, за оставление своего поста без разрешения начальника, за небрежность солдат и охотников в исполнении обязанностей службы, за оказание милосердия пленным без ведома того, кем они были взяты, за невыдачу беглых рабов и пленных владельцу, за убийство, за кражу, лжесвидетельство, измену, прелюбодеяние, заведомую ложь, волшебство, тайное подслушивание, поддержку третьими лицами одного из двух спорящих (борющихся) и т. д.»¹. Показательно, что все это вполне сопоставимо с моисеевыми заповедями, но акцент сделан именно на морали верности и чести, которые поставлены в начало, а остальные нормативы гражданского общежития видятся второстепенными.

Дело в том, что туранское единобожие предельно конкретно. «Бог – на небе, Ха-хан – Могущество Божие на земле». Нельзя даже помыслить одновременно верность Богу и предательство начальника, который есть подчиненный другого начальника и так вплоть до самого Чингисхана. Социальный мир «Ясы» целен и открыт. Вся иерархия составляет единое тело, во главе которого стоит персонифицированное «Могущество Божие на земле», а, следовательно, верность и дисциплина являются основными критериями кон-

¹ Korostovetz I.J. Von Chingis Khan zur Soviet Republik. Berlin-Leipzig, 1926.

кретного и легко верифицируемого благочестия. Служители культуры несколько вынесены из этих рамок чисто воинской иерархии, у них особый статус и к ним особое отношение. Но основной акцент сделан на реальный становой хребет евразийской государственности – на пассионариев, служилый класс, воинов-организаторов. Жесткая этизация на основе «Ясы» именно этого слоя лежит в центре туранского порядка. И в таком порядке благополучие и защищенность «горожан», «индивидуумов», «родов», «семей», хотя и признается и гарантируется, но все же подчиняется высшей цели, ставится на второе место. Права человека здесь второстепенны перед лицом прав имперостроительной евразийской иерархии, которая призвана не только сохранять достигнутое, но и преумножать, воспроизводя снова и снова великий завет «Царя царей и Владыки человечества».

Сам Чингис-хан придавал очень большое значение соблюдению «Ясы». «Если государи, которые явятся после этого (т. е. Чингисхана), вельможи, багадуры и нойоны... не будут крепко соблюдать Ясы, то дело государства потрясется и порвется. Опять будут охотны искать Чингисхана и не найдут...», – говорил он.

«Яса» соблюдалась довольно долго и после смерти Темучина. Но постепенно этот чистый туранский закон утратил свое значение, забылся. Евразийский дух искал иные формы. Но именно «Яса» является чистой парадигмой того, что можно назвать евразийским правом.

Огромную роль в чудесной империи Темучина играл принцип «ротации элит», сформулированный в XX веке Вильфредо Парето. Конечно, ни одно из рациональных объяснений не способно даже относительно приблизить нас к таинству рождения великого континентального образования. Но все же принцип «монгольского отбора» в истории Чингисхана показателен.

Очень важно обратить внимание на личную судьбу самого Темучина. Будучи первенцем крупного монгольского аристократа Есугей-багадура, главы рода Кият-Борджигин, и обладая значительным родовым наследством, он оказался после смерти отца в

крайне печальном положении, все худшее, что могло случиться с человеком его статуса, с ним случилось. Он был предан, унижен, раздавлен, распластан, лишен всего. Он стал временно «обездоленным мира сего», «лишенным наследства». Прошел плен, гонения, пленение меркитами любимой жены (что автоматически подразумевало насилие над ней похитителей). Жизнь поставила его с юности в предельно критическую ситуацию. Испытания, которым он подвергся, были способны сломить любого.

Но он выстоял. Прикоснувшись к стихии дна, он всей своей монгольской мощью оттолкнулся от него. Для этого необходим был высочайший аскетизм, нечеловеческое упорство, постоянная жгучая ярость, черная решимость, безразличие к пустякам, готовность для реализации цели преступить любые границы, выдержать любые лишения. Вместе с тем раз с детства все давалось так нелегко, он научился добиваться своего в отложенном режиме, идти при необходимости на временные компромиссы, входить в вассальные отношения с теми, кто пока сильнее. Это важнейшая психологическая траектория — король-свинопас, лишенный наследства младший брат, властелин, все утративший, но вставший на путь воссоздания всего сторицей. Темучин стал Чингис-ханом потому, что он был образцом пассионарной элитарной личности. Его заслуги и достижения — судьба архетипа, они сверхличностны. Хара-Даван пишет¹: «Глава обширнейшего из государств мира, занимавшего 4/5 Старого Света, властелин около 500 миллионов душ (...) он до конца дней своих чуждался роскоши и излишеств. (...) Он продолжал носить одежду кочевника и держаться степных обычаев, завещав своим наследникам и всему монгольскому народу не изменять этим обычаям во избежание растлевающего влияния на нравы культур китайской и мусульманской».

У него не было таких личных потребностей, в жертву которым он, подобно другим избалованным счастьем венценосцам, принес бы высшие цели своей политики. Вся его жизнь была посвяще-

¹ Хара-Даван. Указ. соч.

на осуществлению его высочайшего идеала – созданию Единого Мирового Царства, которое было в то же время идеалом военной культуры монголов XIII и XIV веков»¹.

Он сам демонстрирует своей судьбой материковое «вращение избранных» («ротацию элит»), правящий отбор. Властвовать должен не тот, кто получил на это наследственное право, этого мало. Необходимо конкретными подвигами закрепить, доказать это право, отвоевать его у темных углов мира, наползающих на пятачок умалившейся Родины, грозящих убить, уничтожить, раздавить, схватить, обокрасть, обесчестить. Надо разогнуться во весь великий монгольский размер, напрячь как тетиву лука все мышцы и сухожилия, собрать воедино все мысли и чувства, и, прильнув к верной холке коренистой лошади, нанести жестокий, беспощадный удар. Смертельный, неисправимый, фатальный, судьбоносный. Только тогда и только так будет пробуждена небесная сила Тэнгри, дающая победу и власть.

Монгольский отбор элиты – это отбор жестокого противостояния света и тьмы. Испытуемого бросают в колодезь ночи, в ничто, в нищету, в лишенность и ждут, пока внутренний свет в нем созреет настолько, что тьма вокруг него начнет гаснуть. То, что не завоевано в жестоком поединке, не считается вообще. Только отважный, верный, справедливый и бесстрашный воин достоин называться «человеком», «монголом». Остальное второстепенно и подсобно, относится к добродетелям и ценностям рабов и трусов.

Ротация элит по-монгольски поощряет опасность. Само общество здесь предполагает постоянную опасность, бытие-в-риске (М. Хайдеггер). И именно в нескончаемом диалоге со стихией смертельного вызова выковывается характер тех, кто имеет основания править, властвовать, повелевать, обладать, распоряжаться, отдавать приказание, свободно и удало охотиться, сжимать в объятиях послушных, дрожащих, влажноглазых женщин. Это

¹ Хара-Даван. Указ. соч.

– этика бесконечного мужества, постоянного неусыпного доказательства верности, смелости, жестокости и высшей трезвости. Этот критерий у Темучина был превыше всего. Можно назвать его «принципом неотчуждаемой иерархии». То, что не доказано жизнью, опытом, не действительно. По этой причине Чингис-хан не останавливается перед тем, чтобы назначать на высшие посты простолюдинов, и не испытывает ни малейшего снисхождения к тем аристократам, кто опозорил свое звание. Головы летят направо и налево.

Отбор лучших в туранском режиме никогда не прекращается (по крайней мере, в теории). Каждый обязан вновь и вновь подтверждать свой статус конкретными делами – победами, успехами, подвигами, жертвами, великими свершениями. Отсюда экспансивный характер империи Темучина. Каждый член туранской иерархии должен иметь пространство для личной и коллективной реализации. Чтобы не обращать дух агрессивной активности вовнутрь (в склоки, интриги, междоусобицы), самое органичное и естественное проявление – вовне. Поэтому царство Ха-хана подобно ядерному взрыву – туранская пассионарность свободно движется по континенту, сметая раздробленные, потонувшие в неге, усобицах и роскоши цивилизованные центры.

Монголы Чингис-хана действуют не по праву силы, но по логике евразийской ротации. Они воплощают в себе норматив имперской элитарности, являющейся не просто отражением их общинной племенной психологии (и до них, и после них было много кочевников, не совершивших и тысячной доли того, что смог совершить Чингис-хан со своими людьми), но ярко осознанным, возведенным в закон «Великой Ясы» универсальным принципом. Орды Темучина несут в себе универсальную весть. Они не просто уничтожают противника, завоевывают народы и государства, захватывают добычу, они предлагают фундаментально новый порядок – новый евразийский порядок.

В новом евразийском порядке абсолютизируется этика динамической агрессивной гармонии, проникнутой земной воинской волей и отмеченной богоприсутствием.

Прежде чем монголы нападали на другие страны, они отправ-

ляли туда послов с предложением мирно признать истину туранского света. Таким, например, было послание монгольского императора королю Людовику: «Именем Бога Вседержителя повелеваю тебе, королю Людовику, быть мне послушным и торжественно объявить, чего желаешь: мира или войны? Когда Воля Небес исполнится и весь мир признает меня своим повелителем, тогда воцарится на земле блаженное спокойствие и счастливые народы увидят, что мы для них сделали! Но если дерзнешь отвергнуть повеление божественное и скажешь, что земля твоя отдаленная, горы неприступные, моря глубокие и нас не боишься, то Всесильный, облегчая трудное и приближая отдаленное, покажет тебе, что мы можем сделать»¹. Эта формула не пустые слова амбициозного и хищного завоевателя, она точно выражает духовный, метафизический настрой евразийской империи: физическая мощь и материальная победа рассматриваются лишь как доказательство триумфа высшей идеи, воплощающейся в исторической конкретике в ходе реализации уникального эсхатологического сценария – создания Всемирной Туранской Империи.

УЛУС «ТРЕТИЙ РИМ»

Бросим взгляд на монголосферу после смерти Чингис-хана. Его уход был подобен драме «изъятия катехона», «удерживающего». Уникальная конструкция утратила свое оживляющее начало. Завет «неотчуждаемой иерархии» без личностного воплощения «Высокого Ясного Неба» стал быстро формализовываться.

Апогей Турана отныне позади. Впереди было остывание. Монголосфера утрачивает со смертью Темучина (1227 г. – полнолуние месяца «Свиньи»)² органическое живое единство, хотя

¹ Хара-Даван. Указ. соч.

² Указание на месяц «Свиньи» архетипично. Континентом «Свиньи» («Землей Кабана») индусы называли Арктиду, Гиперборею, сакральную землю полярного рая, находившегося in illo tempore на крайнем севере. См. подробнее: Дугин А. Абсолютная Родина. Мистерии Евразии. М., 1999; его же Основы Геополитики. Кн. 2., Ч. 6. Гл. 2.

еще некоторое время остается формально связанной. Отношения между основными ее частями – Китаем, Персией, Туркестаном и Кипчакским царством – сохраняются до середины XIV века, с подчиненностью верховной ставке великого Хана в Китае. Эволюция разных ядер монголосферы показательна. В Китае и Персии (устойчивых цивилизациях, расположенных южнее евразийской гряды гор) монгольский импульс не порождает радикальных и необратимых изменений. Живая сила туранизма лишь временно стимулирует эти государства, концентрируясь в династическом начале, в оздоровлении нравов, в прививке воинственного, реалистического динамического духа аристократическим слоям. Постепенно туранизм там испаряется, и монгольскому импульсу не удастся фундаментально повлиять на геополитическую судьбу этих стран. Завет Чингис-хана забывается, как забывается «Яса». После временного возвышения при Тамерлане, воспроизводившем изначальный чингисхановский импульс в мусульманском контексте (империя Тимура простиралась от Родоса до Индустана), Туркестан (Джагатайская держава) постепенно также утратил политическое единство, потеряв былой геополитический вес.

Единственный сектор монголосферы, который в конечном счете избежал процесса остывания (энтропии), был Улус Джучиев, Кипчакское царство, называемое также «Золотой Ордой». Территория «Золотой Орды» была существенно вытянута на Север и имела несколько внутренних полюсов – главный монгольский в Сарае (ставка кипчакского хана) и несколько периферийных. Самый северный полюс Улуса Джучиева был в Москве.

Москва начала свое геополитическое возвышение как северный сектор «Золотой Орды», которая по своим основным параметрам являлась миниатюрным повторением всей империи Чингис-хана. Именно в «Золотой Орде» продолжала культивироваться монгольская самобытность, туранский дух, этика «Ясь». Здесь нераздельно переплелись Север и Юг, лес и степь, кочевье и оседлость (при превосходстве динамики, свойственной кочевью). Отсутствие древних цивилизационных материальных клише (как в Китае или

Персии) позволяли Улусу Джучиеву во всех своих проявлениях развиваться творчески, новаторски, активно и экспансивно. Сарай перенял от Чингис-хана основную геополитическую и сакрально-географическую миссию – миссию вселенской империи, тогда как основная ставка Великого Хана в Китае постепенно переродилась в центр регионального могущества с ярко выраженным локальным колоритом.

«Золотая Орда» была прямым продолжением «Белого Царства», как еще при Чингис-хане называлась западная часть его империи, царство Кипчака. «Белое Царство» подхватило наиболее масштабный аспект завета Чингис-хана – противодействие Югу (как оседлой цивилизации – презираемые Темучином люди второго типа) и Западу. Сарай вел себя в истории так, как должна была бы вести себя вся монгольская империя, если бы она соблюдала в точности завещание своего основателя.

«Белое Царство» Сарая стало матрицей русской государственности в ее московском облике. Московия под воздействием монголосферы обрела навыки административного централизма, информационной упорядоченности (система «ямов»), налоговой и статистической прозрачности, эффективную и гибкую финансовую систему. Огромное влияние на Московскую Русь оказало военное искусство монголов, с которыми русским пришлось много воевать совместно – войска великого русского князя сражались вместе с монголами уже при Хубилае в Китае. Как справедливо пишет Эренжен Хара-Даван: «Русские при Дмитрие Донском в конце концов применили основы монгольского военного искусства и против самих монголов, добившись самостоятельности»¹. Но самое главное, что Москва впитала от Улуса Джучиева геополитическое таинство монгольской воли к новому евразийскому порядку, переняла (порядком увядший, но все же сохранившийся в «Золотой Орде») завет построения Всемирной Империи на новых, сухопутных, полярных основаниях. Москва усвоила континенталь-

¹ Хара-Даван. Указ. соч.

ный универсализм, понимание евразийского материка как единого пространства, подлежащего универсальной унификации на особых сакральных принципах, сопряженных с этикой Великого Турана.

Москва и русский великий князь осознали себя осью «Белого Царства», что означало преемственность через Улус Джучиев изначального чингисхановского импульса. Из локальной восточно-европейской державы, принадлежащей к периферии Византийского влияния и находившейся под постоянным натиском католической Европы, Русь Московская переродилась в ядро мирового могущества.

После падения Константинополя, совпавшего с фактическим освобождением русских от прямого контроля со стороны «Золотой Орды», Москва приняла эстафету центра вселенского Православия, вступила в наследие византизма,¹ усугубленного в евразийском ключе и помноженного на имперостроительную энергию монголосферы. Показательно, как мифологическое сознание древних русских оценивало степных кочевников (называемых в летописях обобщенно «татарами») до монгольских завоеваний и после них. До завоеваний отношение к евразийским кочевым автохтонам воспроизводит типичные мотивы «западной ойкумены», где они считались «ордами гогов и магогов», «демонами», «варварами», «полчищами бесов» и т. д. Эта христианская идентификация является продолжением греко-латинской сакральной географии, где туранский, «гиперборейский» («за-северный») пространственный сектор неизменно демонизировался, населялся «людоедами», «чудовищами», «инфернальными существами». Отождествляя евразийских выходцев с глубинного Востока с апокалиптическими ордами, русские Киевского периода опасливо жались к Греции, а то и к Европе. Киев был колыбелью именно такой русской госу-

¹ *Дугин А.* Абсолютная Родина. Метафизика Благой Вести. Указ. соч., «Мы – Церковь последних времен»; его же «Русская Вещь», т.1, М., 2001, «Абсолют Византизма», его же «Основы Геополитики», указ. соч., «Геополитика Православия».

дарственности – национальной, локальной, периферийной относительно и Царьграда, и папской Европы. Совершенно иная картина наблюдается в Московской Руси. Отождествление народов Востока, монголо-татар с «гогами и магагами» полностью исчезает. И даже победу на Куликовом поле и освобождение от власти «Золотой Орды» русские не осознавали как победу «сил добра» над «силами зла», «христиан» над «иноверцами». Отныне мы имеем дело с совершенно иной моделью геополитической идентичности. Русские Московского Царства выступают и осознают себя как самодостаточный культурно-цивилизационный полюс. Это уже не региональная держава, не периферия чего бы то ни было, но центр в себе, источник политической и исторической воли. Третий Рим. По сути «Белое Царство» Московской Руси и есть полюс неовизантийски оформленной православной монголосферы. Всемирное Царство завещано московскому Риму именно Чингис-ханом, и завет этот воплощен в кровь, в культуру, в навыки, в государственную и хозяйственную систему, в административный уклад.

В отличие от всех остальных частей империи Темучина только северный сектор Кипчакского царства сохранил и развил изначальный импульс. И встал Третий Рим, Русь Монгольская, несущая народам и царствам «Белый Завет», новую этику, новую весть, новый порядок.

ТРОПОЙ ЧИНГИС-ХАНА

В какой степени актуален сегодня завет Чингис-хана, и актуален ли он вообще? Отнюдь не праздный вопрос. Евразийский взгляд на русскую историю (Н. С. Трубецкой, П. Н. Савицкий, Н. Н. Алексеев, Э. Хара-Даван, Я. Бромберг, Л. Н. Гумилев, как и современные неоевразийцы) трактует ее как развертывание во времени геополитического, этнокультурного и цивилизационного наследия Чингис-хана. И само Московское Царство, и Романовская Империя и даже Советский Союз демонстрируют нам разнообразные версии Руси Монгольской, чингисхановской, развитие, расши-

рение и укрепление единой монголосферы, явственно проступающей сквозь внешние оболочки и разнообразные идеологические самоидентификации. Подчас отступая временно, на каждом новом витке геополитическая миссия Москвы становилась все более масштабной и вселенской.

Наблюдение за историей евразийских пространств показывает нам следующую закономерность – после великого начала Чингис-хана все евразийское пространство, вся монголосфера, давно превзошедшая монголов как этнос, обязательно стремится к интеграции, к единству, к новой консолидации и возрождению. Эстафета переходит от одних секторов континентального пространства к другим, оформляется разнообразными мировоззренческими доктринами, но процесс никогда не затухает окончательно. Высокое Синее Небо продолжает упорно делать свое дело, внушая сынам земли отважные и дерзкие замыслы, будоража их древнюю кровь, подвигая на новые свершения и победы. Сегодня в истории Евразии драматический период. Распад СССР, роспуск Варшавского Договора напоминают события XIV века. Так же разлагалась и Монгольская империя. Но ведь позже, так или иначе, вновь и вновь давали о себе знать подземные ручьи большой воли, неустрашимый, немолчный шепот Белого Завета. Нет сомнений, что точно так же случится и на этот раз.

Все чаще сегодня говорят о евразийстве, о необходимости возврата России к своей планетарной миссии, хотя отныне ее надо формулировать в новых терминах, соответствующих критериям нашей эпохи. Набирают силы интеграционные процессы среди стран СНГ. Заставляет искать адекватного ответа на неприемлемый для нас вызов и вечно агрессивный Запад, облекающий на этот раз свой атлантический антиуранский импульс в теорию глобализации. Геополитическое сознание многих евразийских держав, лежащих южнее материковой гряды гор, продолжает быть заморожено этой границей как непреодолимой преградой, а значит, полная карта мира остается у них искаженной локальными пропорциями. И открыть им истинную и полную картину сакральной географии – дело Турана.

Все это — знаки времени, недвусмысленные намеки, что дело, начатое «Великим Моголом» у реки Онон, не исчезло окончательно. Белое Царство Евразии еще дышит, еще силится вырваться из области мечты, смутного позыва, из жара внезапно и без повода закипающей великоросской, русско-татарской, русско-монгольской, евразийской крови, из континентальных снов, из тайных желаний, в которых мы сами себе боимся признаться — желаний великой победы и пронзительной, вселенской, неутолимой любви.

Надо сказать всему этому «да». Как это сделали Александр Блок и Лев Гумилев. — «Да, скифы мы, да, азиаты мы».

Книга Эренжена Хара-Давана должна стать нашей настольной книгой. И относиться к ней надо соответствующим образом. Это не только историческое повествование, — это проект, завещание, кодекс, задание, идущие из глубины веков.

Многие великие люди хотели пережить свою личную смерть. Размышлял об этом и Темучин, специально выписавший к себе в ставку для этой цели даосского алхимика. Внешняя история повествует, будто алхимик посчитал предприятие нереальным. Но так ли было на самом деле? Не были ли похороны Темучина на горе Бурхан-Халдун лишь помпезной инсценировкой?

Жизнь Евразии — это его жизнь, а его жизнь — это наша жизнь. Никто не свободен от прошлого, от завета, от того, что сделало нас такими, какие мы есть — скуластыми, безумными, непокорными, бескрайними, опьяненными волей и судьбой, миром и небом над ним, жестокими и нежными, русскими, вселенски, бесконечно, абсолютно русскими, палящими нашей тенью, нашим вкусом, нашим Достоевским надломом пресные народы мира, пока еще ускользнувшие от нашей неминуемой, никогда не отклоняющейся от предначертанной судьбой траектории, свинцовой длани.

Да, сегодня мы слабы. Но до какого низа дошел Темучин, чтобы однажды стать Чингис-ханом? Да, сегодня ничто не предвещает, что мы не только возвысимся, но даже сумеем сохранить имеющееся. А каково было Темучину в колодках у грязных предателей тайджиутов, неверных вассалов? Да, сегодня мы преданы друзьями, униже-

ны и подавлены. Но что чувствовал Темучин, когда его молодую красавицу жену Бортэ насильовали меркиты, а он был слишком слаб и одинок, чтобы защитить ее и воздать врагам должное?

Он не забыл и закалил свою великую ненависть, великую любовь. Наше дело встать на тропу Чингис-хана. Вернуться в нашу историю, вновь обрести смысл и цель нашего общего национального евразийского бытия.

2001 г.

Е.С. Лазарев

ХАРИЗМАТИЧЕСКОЕ БРЕМЯ ПОЛЯРНОГО МИФА

Великий исторический деятель – всегда не только конкретный человек, но еще и миф. Это вовсе не означает некую иллюзорную новоевропейскую мифичность, синонимичную фантазии и фикции. Скорее напротив: истинный, традиционный миф дополняет и вполне определенным образом переосмысливает реальный прототип, подчас как бы высвечивает его, обнаруживая своего рода над-реальность, не воспринимаемую в ракурсе эмпирическом и сиюминутном. Сквозь тип и прототип проступают контуры архетипа. Именно так в истории можно увидеть метаисторию, – а без нее великие останутся лишь героями или гениями, диктаторами или святыми...

Каков же метаисторический архетип образа Чингисхана? Устоявшиеся модусы этого образа многочисленны, но в известном смысле односторонни (во всяком случае, не архетипичны). Жестокий завоеватель, «Покоритель Вселенной»; мудрый законодатель, необычайно прозорливый для простого кочевника и воина, каковым был Темучин до того, как стал Чингисханом; объединитель монгольского народа; основатель огромной империи на двух континентах... Все эти определения глубоки и мотивированны. Однако методологически они принадлежат сфере позитивистской науки и потому имеют лишь косвенное отношение к метаистории.

Преодолеть этот разрыв, проникнуть в сокровенные глубины исторического процесса и в побуждения его творцов попыталось в XX веке евразийство – одна из крупнейших историко-политических школ, породившая не отвлеченно-умозрительное, но живое и, безусловно, перспективное миросозерцание. Применительно к империи Чингисхана можно констатировать, что евразийцы отбросили западнический по происхождению стереотип монголо-татарского ига. Они настаивали на том, что пребывание Древней Руси в составе Золотой Орды в конечном счете имело позитивные последствия в геополитическом и внутривосточном отношениях, что Российская империя унаследовала от империи монголов гораздо больше, чем от Рима и Византии.

Впрочем, нельзя не согласиться с тем, что и евразийство создавало свои стереотипы. Ранние евразийцы (Г. В. Вернадский, П. Н. Савицкий) переоценивали роль географического фактора в формировании этносов; знаменитая теория пассионарности Л. Н. Гумилева может быть расценена как априорная (хотя и многократно эмпирически подтвержденная) модель, безусловно описывающая фазы этногенеза – юность, зрелость и старость народов, но зачастую сужающая мотивацию исторических фактов. Скажем, образование империи Чингисхана выглядит в этом свете как реализация этнопсихологического, почти биологического фактора. Но разве менее важную роль сыграли в данном случае факторы духовно-психологические – живая реальность того, что мы теперь именуем словом «миф»?

Наверное, для преодоления указанных стереотипов современный автор сам должен обладать тем, что позволительно будет называть мифологизмом мышления. В известной мере это качество присуще автору книги о Чингисхане, которую вы держите в руках (впервые она вышла ограниченным тиражом в Белграде, в среде российской эмиграции, в 1929 г.). Ее автор, Эренжен Хара-Даван (1885 – 1942)¹, единственный среди ранних евразийцев

¹ См. сноску на стр. 17.

был представителем одного из тех народов, которые сохранили свою традиционную культуру гораздо лучше, чем большинство западных европейцев. Он родился¹ в Калмыцкой степи, в кочевье Малодербетовского улуса, в семье калмыка-батрака по имени Дава и по прозвищу Хара, «Черный», данное ему за смуглость кожи. Путь в науку для юного Эренжена начался в улусной школе; отец не мог платить за учебу сына, и тот учился на общественные средства (общественный капитал, сформированный в 1830-е гг. для оказания помощи калмыкам-беднякам). Потом была гимназия в Астрахани, куда Эренжена Даваева (так его тогда называли) направили в числе немногих сверстников, проявивших в школе выдающиеся способности. В 1904 г. он познакомился с приехавшими из Петербурга учеными: профессором Гельсингфорсского университета Г. И. Рамstedтом и преподавателем восточного факультета Петербургского университета А. Д. Рудневым. Они изучали народную культуру калмыков, записали у Э. Даваева и его товарища Санджи Баянова несколько национальных мелодий. После этого Эренжен и сам начал собирать народные песни и подарил свои записи А. Д. Рудневу, когда в 1906 г. приехал в Петербург.

В столице он поступил в Военно-медицинскую академию – незаурядный успех для сына батрака из Калмыцкой степи. Именно в годы учебы, в тревожную эпоху первой русской революции, Эренжен включается в дело национального возрождения калмыков. Один из его друзей, студент юридического факультета Петербургского университета Бадма Уланов, стал одним из основателей национальной организации «Знамя калмыцкого народа» («Хальмг

¹ Биографические сведения об Э. Хара-Даване крайне скудны, – это признают и такие серьезные исследователи евразийства, как Л. Н. Гумилев и А. Г. Дугин. Все детали биографии Хара-Давана, приведенные в этой статье, цитируются по уникальным материалам, собранным современными калмыцкими историками и опубликованным в первом за последние десятилетия переиздании его книги о Чингисхане: Бурчинова Л.С. Послесловие // Хара-Даван Э. Чингис-хан как полководец и его наследие. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. С. 211–218.

тангчин туг») – секции Всероссийского союза учителей. Получив диплом врача, Э. Хара-Даван возвращается в Калмыкию, в родной улус. А во время Февральской революции 1917 г. включается в политическую деятельность, в работу новых органов управления, выступая с идеей автономии Калмыкии. Временное правительство эту инициативу не поддержало, и Э. Хара-Даван оказывается, хотя и ненадолго, в стане советской власти. Совет депутатов Малодербетовского улуса делегирует его на съезд «трудового калмыцкого народа Прикаспийского края». Весной 1918 г. он возглавил Калмыцкую секцию исполкома Астраханского губернского совета, однако выступил против экспроприации скота у зажиточных калмыков, против обобществления земли – и оставил пост председателя Калмыцкой секции, когда губисполком (как ранее Временное правительство) не предоставил Калмыкии автономию. А потом закономерно оказался в оппозиции советской власти и вместе с разгромленной белой армией эмигрировал из России.

Нелегкое бремя легло на немногочисленную калмыцкую интеллигенцию в эмиграции – помочь землякам (зачастую владевшим только калмыцким языком) выжить в Западной Европе, более чуждой им, чем Россия. Э. Хара-Даван участвует в работе Калмыцкой комиссии культурных работников (в Праге), в издании калмыцких журналов («Хонхо», «Улан Залат»). А в 1929 году он перебирается в Югославию, в Белград – один из духовных центров российской эмиграции. Там происходит событие, исключительно важное для культурного диалога Востока и Запада. На земельном участке, пожертвованном сербским помещиком Ячимовичем, возводится первый в Западной Европе буддийский храм – калмыцкий хурул. Священные изображения для него из Тибета, Монголии и Индии, прислал Н. К. Рерих; японские буддисты передали в дар бронзовую статую Будды. Должность секретаря в духовно-попечительском совете храма занял Эренжен Хара-Даван. В те годы он вместе со многими другими калмыками и русскими казаками-эмигрантами планировал не оставаться в Европе, а переселиться со временем в степи Мексики и Техаса (в 1930 г. с этой целью был создан Казачий

колониционный комитет). Этим планам не суждено было сбыться. Э. Хара-Даван умер в Югославии в 1942 г.¹

Казалось бы, человек с такой биографией легко мог замкнуться в кругу узконациональных интересов. Однако этого не произошло. Свидетельство тому – его удивительная книга «Чингис-хан как полководец и его наследие». Она вышла из печати в год открытия калмыцкого буддийского храма в Западной Европе. Суховатое название, простое оформление, явно в небогатой типографии. Но даже титульный лист книги, воспроизведенный здесь, глубоко продуман и несет в себе скрытый смысл. Единственное изображение на титульном листе – один из священных символов северного буддизма, *ваджра* (по-монгольски *очир*), означающая алмазоподобную мудрость. Причем, выбран вариант четырехконечной ваджры, образующей равносторонний крест: в философии традиционализма он истолковывается как символ полярного Центра мира. Рядом – перевод надписи на тамге Чингисхана: по сути, краткий символ веры древней тюрко-монгольской религии Вечного Синего Неба (Менкэ Кёк Тенгри). «Печать Владыки Человечества»...

Апологетика национального героя монголов? Нет, в годы работы над книгой Хара-Даван все глубже проникается евразийскими идеями поздних русских славянофилов. Он показывает в своем исследовании непродуктивность для России и народов Азии западной культурологической модели, усматривая крах западничества в событиях 1917 г., в развале Российской империи, основанной Петром I. Обращаясь к опыту другой, более ранней евразийской империи, созданной в XIII в. Чингисханом, Э. Хара-Даван не отрицает «крайней бедственности» монгольского завоевания для русского народа, однако избегает односторонних оценок. Развенчивая западнический миф о «диких ордах» монголов, он выходит на уровень глобальных обобщений, в которых рождается иная цивилизационная модель, альтернативная и западной, и тем более какой бы то ни было националистической модели. Он не формулирует ее

¹См. примечание на с. 17.

в схоластических тезисах (как это сделал бы философ-европеец); можно сказать, что ее постулаты растворены в метаисторическом мифологизме ассоциативных, полуинтуитивных намеков, в подтексте внешне простых определений и выводов.

Некоторые из этих выводов настолько очевидны, что вызывает удивление, почему до Хара-Давана и других евразийцев никто не придавал этому должного значения. Например, толерантность золотоордынских правителей к религии завоеванных ими народов – факт вроде бы хорошо известный. Однако совершенно логичный геополитический вывод из этого обстоятельства воспринимается многими как нечто радикалистское: именно благодаря пребыванию Руси в составе Золотой Орды с ее веротерпимостью русское православие сохранилось как конфессия. Иначе экспансия католичества, весьма активного в XIII – XIV веках, скорее всего привела бы к безусловному вхождению Руси в круг западного христианства, к разрыву многих связей с Востоком (православным и не только), без которых сейчас невозможно представить себе русскую культуру в ее исторической конкретике последнего полутысячелетия.

В этой связи уместно процитировать приведенный Хара-Даваном указ хана Менгу-Тимура, изданный в 1270 г.: «На Руси да не дерзнет никто посрамлять церквей и обижать митрополитов и подчиненных ему архимандритов, протоиереев, иереев и т. д. Свободными от всех податей и повинностей да будут их города, области, деревни, земли, охоты, ульи, луга, леса, огороды, сады, мельницы и молочные хозяйства.

Все это принадлежит Богу, и сами они Божьи. Да помолятся они о нас»¹. Кстати, золотые ярлыки, выдававшиеся ханами русским митрополитам, делали их независимыми и от власти местных князей, что в эпоху княжеских усобиц на Руси имело немалое значение.

Хара-Даван отмечает, что Чингис-хан, «основатель политики абсолютной веротерпимости», издал аналогичный указ относительно

¹ *Хара-Даван Э.* Чингис-хан как полководец и его наследие. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. С. 193.

но древней религии Китая – даосизма. Властитель Монгольской империи пригласил в свою резиденцию знаменитого даосского монаха Чан-Чуня (1148-1227), с почестями встретил его и неоднократно беседовал с ним об утонченных проблемах даосской духовной алхимии¹. Происходило это в 1222 – 1223 гг. А несколько ранее, в 1219 г., когда Чан-Чунь еще только получил приглашение Чингисхана, даосские монахи воздвигли в память об этом стелу. На ней были начертаны слова, которыми, как утверждает даосское предание, начиналось послание Чингисхана Чан-Чуню:

«Небо устало от надменности и любви к роскоши, достигших в Китае своего предела. Я живу на Севере, где алчность возникнуть не может никогда. Я возвращаюсь к простоте и чистоте, сообразуясь с умеренностью. Что касается одежд, которые я ношу, или пищи, которую принимаю, то все это такие же лохмотья и та же еда, что у пастухов и конюхов. Я обращаюсь с простым народом так же сочувственно, как с детьми, а со своими воинами, как с братьями. Принимая участие в битвах, я всегда нахожусь впереди всех. За семь лет я совершил великое дело, и отныне во всех шести измерениях пространства все подчинено одному закону»².

Полагают (например, известный французский востоковед Рене Груссе), что этот текст стилизован в духе китайской культуры. Но похоже, что в последней фразе действительно содержится указание на метаисторический смысл жизненной миссии Чингисхана. Действительно: во имя чего он «бичом Божиим» пронесся по Евразии, не стремясь при этом к личной славе и проявляя удивительную терпимость к религиям самых разных народов? Он ведь и ислам признал одной из официальных религий своей империи (хотя разгромил мусульманские регионы Афганистан и Хорасан еще более жестоко, чем Русь), и распространенное тогда среди монголов древнее христианство несторианского, восточного тол-

¹ Там же. С. 193.

² Груссе Р. Чингисхан: Покоритель Вселенной. М.: Молодая гвардия, 2000. С. 212.

ка... Пожалуй, ответ на поставленный здесь вопрос наиболее четко дал Эренжен Хара-Даван:

«Идеалом Чингис-хана было создание Единого Царства Человечества, так как только тогда, – как он справедливо думал, – прекратятся взаимные войны и создадутся условия для мирного процветания человечества как в области духовной, так и материальной культуры. (...) Этот завоеватель мира был прежде всего его непреклонным возродителем. Железом и огнем он открывал древние мировые пути для шествия будущей цивилизации»¹.

Безусловно, Чингисхан стремился к миру – в рамках создаваемой им империи, хотя этот созидательный процесс неизбежно приводил к дихотомии своего и чужого; последнее подлежало ассимиляции или уничтожению. Впрочем, и эта деструктивная по отношению к чужому, деятельность воспринималась как акт божественной справедливости: ведь монарх-мироустроитель приобретал статус божественного начала по определению и суги.

Ритуальная, космологическая функция правителя в традиционном монгольском обществе, понятие харизмы божественного царя как основы гармонии в социуме и в окружающем мире детально исследованы Т. Д. Скрынниковой². В научный оборот вводится богатейший этнографический и религиоведческий материал, связанный с почитанием Чингисхана в средневековой Монголии. Однако сам факт его избранничества остается не объяснимым ничем иным, кроме как волей Тенгри – Вечного Неба. Это исполнение небесной воли, осознававшееся, как известно, самим Чингисханом, стало для него основой того, что Л. Н. Гумилев назвал пассионарным импульсом: «Пассионарность проявляется у человека как непреодолимое стремление к деятельности ради отвлеченного иде-

¹ *Хара-Даван Э.* Цит. соч. С. 130 - 131 (Хара-Даван, в свою очередь, цитирует здесь рукопись своего единомышленника, подполковника Рэнка: *Le colonialisme au XIII siècle sous le Tchingis-Khan et ses généraux*).

² *Скрынникова Т. Д.* Харизма и власть в эпоху Чингисхана. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1997.

ала, далекой цели, для достижения которой такой человек – пассионарий, жертвует не только жизнью окружающих, но и жизнью своей собственной»¹.

Но ведь далеко не все пассионарные правители ставили перед собой в качестве конечной цели создание всеобщего царства человечества. Это удел или миссия единиц, и для этого нужна особая, поистине метафизическая мотивация. Стяжание регалий вселенской власти – не из тех проблем, которыми занимается историческая наука, хотя бы и самая передовая. Столь глобальный сюжет – прерогатива мифа.

Мифологизация образа реального человека или его деяний – это вовсе не произвольно-романтическая трансформация, не просто возвеличивание или умаление. Это процесс, подчиняющийся строгим закономерностям, а потому доступный исследованию и осмыслению. При этом не следует упускать из виду и откровенно сказочные варианты мифологической трансформации (скажем, в кашмирских мусульманских легендах о Христе, глубоко уважаемых, библейский Иисус порой преобразуется в сказочного великана Иссу). Применительно же к образу правителя такого рода преобразование часто моделируется мифом инициатическим, который описывает посвящение в статус царя или императора.

Этот миф, которому историки уделяют мало внимания (трактуя его как сказочную обработку образа), наиболее четко выступает в сказаниях о мучительно трудном прохождении героем Царства Тьмы и о вступлении в Царство Света – мистический Полюс Мира, где вся слава, все достоинство и благо содержатся в наивысшем, то есть именно полярном проявлении. В конкретной фабуле мифа эта полярность нередко овеществляется в образе регалий вселенской власти. Такие сказания сложены далеко не обо всех правителях. В

¹ Гумилев Л. Н., Ермолаев В. Ю. Чингисхан – неожиданный ракурс // Хара-Даван Э. Чингисхан как полководец и его наследие. Предисловие к казахскому изданию книги: Хара-Даван Э. Чингисхан как полководец и его наследие. Алма-Ата: Изд-во КРАМДС-Ахмед Ясави, 1992.

этом отношении известный современный медиевист А. Г. Юрченко сравнивает Чингисхана только с Александром Македонским – Искандером мусульманской традиции.

А. Г. Юрченко отмечает, что в «Романе о Чингисхане» (XIII в.; в Европе этот текст стал известен благодаря францисканской миссии в Центральной Азии 1245 г.) войско Чингисхана несколько месяцев идет через совершенно пустынные регионы куда-то на северо-восток и в итоге достигает пределов мира – загадочной земли «людей Солнца». Там, у берегов вселенского Океана, в период летнего солнцестояния сближаются Солнце и море, а Солнце сталкивается с небесной твердью, издавая страшный шум... А. Г. Юрченко допускает, что первоисточником тут могли быть мифологизированные представления народов Северной Азии о полярном дне, повлиявшие на авторов восточных повествований об Александре-Искандере (прежде всего на «Искандер-наме» Низами), а через них – на «Роман о Чингисхане». При этом магнитные «Каспийские горы», преодолеваемые Чингисханом на пути к пределам Земли, тракуются как символ Центра Мира¹.

Совершенно очевидно, что тут бесполезно искать конкретно-историческую первооснову сюжета: перед нами описание мистического паломничества, инициатического опыта со всеми его характерными особенностями, в целом схожими для различных религий и детально исследованными (прежде всего философами-традиционалистами XX в.). Разумеется, встает вопрос: пережили ли этот мистический опыт реальные люди по имени Александр Македонский и Чингисхан, или инициатический миф был «наложен» на их образ современниками либо потомками? Впрочем, в исторической ретроспективе это не столь уж важно – для понимания судеб империй и метаисторического образа их основателей. Человек, стяжавший полярные регалии власти (или персонаж по-

¹ Юрченко А. Г. Империя и космос: реальная и фантастическая история походов Чингисхана по материалам францисканской миссии 1245 года. СПб.: Евразия, 2002. С. 235 - 237, 274.

святительного мифа), сам становится духовным «полюсом» – тем, кого в мусульманской традиции именуют арабским словом *кутб*, полюс. Кстати, аналогичный миф существует и о русских царях, но он лишь опосредованно отразился в сказочном сюжете о герое по имени Иван Барма (Бермятин и т. п.), который добывает для русского правителя регалии вселенской власти на океаническом острове где-то на Крайнем Севере (трансформированный сюжет переводного «Сказания о Вавилонском царстве», включивший в себя известную мифологему Полярного острова).

Примечательно, что образ острова в священном море также встречается в цикле преданий о Чингисхане. Согласно джагатайскому «Сказанию о Чингисхане», на острове Белого моря, в темном дворце, недоступном свету Солнца и Луны, девственной дочерью Алтын-хана (т. е. «Золотого царя») был чудесным образом непорочно зачат от солнечного луча будущий отец Чингисхана, Тангри-берген («Богом данный») Дуюн-Баян; Алтын-хан заключил дочь в запечатанный золотой корабль и пустил его в море; корабль оказался в местах охоты монгольского витязя Тумакул-мергена, который освободил царевну и взял ее в жены, несмотря на ее таинственную беременность¹.

Содержащийся в этом сказании мотив о матери будущего героя, заключенной в запечатанный корабль, – мотив, родственный тому, что присутствует в пушкинской «Сказке о царе Салтане», и находит параллели в древнекельтской традиции, требует отдельного рассмотрения (отметим только, что он также имеет отношение к комплексу полярных мифов). Для нашей темы здесь главное – остров в Белом море. Вряд ли имеется в виду известное ныне «эмпирическое» море на Русском Севере, хотя в средневековом тюркском мире оно было известно давно (по всей видимости, булгары Поволжья соперничали с новгородскими купцами на ев-

¹ Автобиография Тимура. Богатырские сказания о Чингисхане и Аксак-Темире / Пер. с тюркского и джагатайского языков; вступит. статья и коммент. В. А. Панова. М.-Л.: Academia, 1934. С. 244 - 248.

ропейской части Северного морского пути: исследованием этого вопроса в настоящее время занимается казанский историк Рустем Набиев¹), а джагатайская рукопись «Сказания о Чингисхане» датируется XVII в.

Вряд ли Белое море – это море «западное»; такую интерпретацию предлагают, исходя из традиционной для тюрко-монгольского мира цветовой маркировки сторон света: север соотносится с черным цветом, юг – с красным, восток – с голубым, запад – с белым. Возможно, отсюда происходит тюркское название Каспийского моря – Ак Дынгыс, «Белое море»².

Однако в контексте «Сказания о Чингисхане» правомернее рассматривать символизм Белого моря в дискурсе евразийских представлений о царственном, сакральном правителе, о его верховной власти. И тут обнаруживается, как показал В. В. Трепавлов в своем исчерпывающем исследовании образа «Белого царя» у народов, вошедших в Российскую империю, что в этом отношении спектр значений белого в различных этнических традициях (прежде всего у народов индоевропейской, алтайской и уральской языковых семей) неизменно выстраивается вокруг понятий святости и высшей власти, соотносящихся с образами Белой горы, Белого моря, Белого царства.

Например, в хакасском эпосе упоминаются белые ханы у Белой горы или на берегу Белого моря; белый цвет усвоен древнетюркскому богу Неба – Тенгри и верховному божеству якутов Юрюнг Уолану; монгольский Белый Старец (Цагаан Убгэн) хранит благоденствие всего живого; коми-зырянам был известен образ Белого царства и Белого царя. В древнерусской «Голубиной книге» хранящий истинную веру Белый царь именуется «над царями царь», то есть вселенский правитель... Что касается непосредственно

¹ *Набиев Р. Ф.* Булгар и Северная Европа: древние связи. Казань, 2001.

² *Трепавлов В. В.* «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV – XVIII вв. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2007. С. 211.

Чингисхана, то белым было его личное девятибунчужное знамя; «белой костью» (то есть людьми особо знатными) называли его потомков¹.

С учетом этих ассоциативных связей можно связать миф «Сказания о Чингисхане» и с символом Полярного острова, и с представлениями об идеальном (белом, светлом, светоносном) правителе. Только миф этот маркирует уже не инициатическое странствие, как в сюжете, зафиксированном францисканской миссией 1245 г., а космогоническую или алхимическую парадигму: животворный солнечный луч, проникающий в темную первичную материю, принадлежит сфере глубоко архаичного алхимического символизма (кстати, и знаменитое «Сокровенное сказание монголов» XIII в. повествует, что Алангоо, праматерь рода Чингисхана, после смерти мужа зачала троих сыновей от сияния посланца Неба, нисходившего в ее лоно через дымник юрты)². Эта парадигма лежит и в основе космогонических мифов; символическая соотношенность династии Чингисхана с солнечным первоначалом и с космогонией закономерно делает его героем-мироустроителем, косвенно подтверждая выводы, к которым приходит в своей книге Э. Хара-Даван.

Но не слишком ли отвлеченны эти мифологические изыскания? Проясняют ли они метаисторическое, по Хара-Давану, открытие Чингисханом «древних мировых путей для шествия будущей цивилизации»? Ведь для тюрко-монгольского мира его харизматичность и так не вызывает сомнений; желанием приобщиться к ней во имя национального возрождения можно объяснить и непрекращающиеся поиски могилы Чингисхана на территории Забайкалья, Монголии, Китая, и предание о том, что мать Покорителя Вселенной была по национальности якуткой...

¹ *Трепаев В. В.* Цит. соч. С. 24 - 29, 45, 56.

² Сокровенное сказание монголов / Пер. А. В. Мелёхина и Г. Б. Ярославцева. Донецк: Сталкер, 2001. С. 17.

Пожалуй, единственный автор, который сформулировал многомерный геополитический образ цивилизации, возникающей (или еще имеющей возникнуть) на древних путях империи Чингисхана, – это современный философ-традиционалист А. Г. Дугин. В своей работе 2001 г. «Чингисхан и монголосфера», написанной как раз по мотивам книги Э. Хара-Давана, он выходит на метаисторию великих евразийских империй, исходя из принципов традиционализма и геополитической глобалистики. Сопоставляя сакральную географию империй Александра Македонского и Чингисхана, А. Г. Дугин противопоставляет их в соответствии с дихотомией Север – Юг.

Империя Александра находилась южнее великой евразийской горной гряды, простирающейся от Пиренейского полуострова до Дальнего Востока; Монгольская империя – к северу от этой гряды. По этой линии, являющей собой и вполне конкретный климатический, хозяйственно-экономический, этнический рубеж, проходит (согласно гипотезе теории антропогенеза, на которой основана философия традиционализма) таинственная разграничительная черта цивилизационных парадигм:

«Древние цивилизации складывались под воздействием импульсов, идущих с Севера, но застывали и становились собой только южнее некоторой географической черты – гряды евразийских гор, тянущихся от Пиренеев до Маньчжурии... С Севера от этих гор рождается тонкая живая сила и оседает южнее, застывая в конкретной форме». (...) «В своем имперостроительном импульсе Чингисхан осуществил важнейшую сакрально-географическую операцию: он «сравнил горы», сделав естественную северную границу южных цивилизаций прозрачной и проходимой... Истинный Север – великая Арктида – дала о себе знать. Сами же евразийские территории и на Севере, и на Юге были интегрированы в единый блок, подчиненный воле Севера уже в планетарном, континентальном смысле. В этом состояла великая нордическая реставрация сакральной географии, которую осуществил Чингисхан в своей империи». (...) Монголосфера Чингисхана... открывала цивилизациям новый трансцендентальный горизонт, нордическое

измерение бытия, тот самый Свет Севера, о котором учит исламский эзотеризм»¹.

Признавая изначально полярный (связанный с балканской Македонией, с южными пределами «гиперборейского круга») характер духовного импульса и для империи Александра Великого, А. Г. Дугин выстраивает внутренне очень последовательную схему «развертывания» евразийских империй во времени и в пространстве. Империя Александра овегостила идею евразийского единства на самых южных рубежах, куда доходили духовные импульсы Арктиды – циркумполярной протоцивилизации Северного полушария (кстати, этнолингвистическое единство циркумполярной зоны во времена позднего палеолита и даже в мезолите убедительно подтверждается академическими науками, археологией и сравнительным языкознанием). Монгольская империя преодолела горную гряду, охватив просторы степной и отчасти таежной зоны Евразии. Но тогда получается, что еще более чисто и одухотворенно «нордическое измерение бытия» раскрылось в образовании Российской империи, объявшей самые северные земли Евразийского континента, преддверие Арктиды-Гипербореи!

А. Г. Дугин подчеркивает вслед за Э. Хара-Даваном и другими ранними евразийцами геополитическую преемственность Московской Руси от Золотой Орды: «Москва усвоила континентальный универсализм, понимание Евразийского материка как единого пространства, подлежащего универсальной унификации на особых сакральных принципах...» «Белое Царство Московской Руси и есть полюс неовизантийски оформленной православной монголосферы. Всемирное Царство завещано Московскому Риму именно Чингисханом...»².

Парадоксальность таких формулировок, как «православная монголосфера», лишь кажущаяся: они очень точны и ныне становятся достоянием академической истории. Скажем, А. Н. Никитин

¹ Дугин А. Г. Чингис-хан и монголосфера // Арктогея – философский портал. <http://www.arcto.ru>.

² Там же.

(Историко-архивный институт) приходит к выводу, что именно в православной книжности Московского государства «Ордынское царство было вовлечено в контекст библейской, римско-византийской и древнерусской истории»¹. Но применительно к парадигме трех евразийских империй все эти выводы касаются лишь аспектов конкретно-исторического и культурологического. Сакральная же мотивация величественного, непостижимого для современников и различного лишь в исторической дистанцированности развертывания «в веках и мирах» идеи Полярной империи – это, видимо, все-таки тот похожий на простую сказку миф обретения регалий высшей власти на запредельном острове Белого – Светлого – Святого моря.

Разумеется, осознание этой сакральной обоснованности не дает ключ к решению практических проблем бытия империи. Двойственность в восприятии образа ее основателя останется всегда, и это закономерно. Всегда будут существовать люди, хранящие память о завоевании их земель, о пролитой крови (а это ведь тоже вещь глубоко сакральная). Не стираются и воспоминания о прежних, пусть локальных и частных, общественных структурах, о *своих* былых законах. Так говорили и будут говорить об империи Чингисхана не только в древнерусских землях, но и в Поволжье, и в Средней Азии, и в Якутии – ведь какая-то часть предков современного якутского народа, похоже, переселилась к Ледовитому океану и Полюсу холода именно потому, что эти люди не желали жить в империи Чингисхана.

Дело тут не только в исторической памяти. Имперскому мифу, самому глубокому и древнему, неизбежно противостоит миф внутринациональный или даже внутриплеменной. И парадокс в том (знать об этом надо, хотя в таком знании поистине много печали!), что племенной этот миф, как правило, генетически восходит к тому же самому, невероятно древнему, может быть, гиперборейскому

¹ *Никитин А. Н.* Улусная система Монгольской империи в памятниках письменности имперских центров Чингизидских ханств и Древней Руси. Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 2006. С. 17.

инициатическому архетипу: священный вождь или культурный герой проникает на запретный и запредельный Полярный остров и обретает там некие зримые проявления высших благ мира. Такой миф был известен, например, индейцам Аляски в эпоху Русской Америки, когда Российская империя почти сомкнула циркумполярное кольцо, простершись уже не на два, а на три континента...

Сакральное, посвяtitельное, сокровенное обоснование имперских деяний оказывается на поверку тем же самым, во имя которого порой отдают жизнь туземцы, не желающие платить дань неведомому далекому царю! Конечно, и туземцы, и воины империи не всегда знают свои сказки. Но власть таящегося в них мифа недооценивать нельзя.

2008 г.

С. Б. Лавров

КТО ТАКОЙ ХАРА-ДАВАН?

Вернемся к белградской книге, изданной там на русском языке на средства автора. Оказалось, что Э. Хара-Даван – очень интересный человек и весьма самобытный автор. Родился он в 1885 г. в кочевье, в центральной части Калмыцкой степи у бедного калмыка Давы, которого за смуглость прозвали «Хаара» (черный). Если коротко ознакомиться с изгибами его судьбы, предстает такая Одиссея перемещений и взлетов, которая нацело разбивает стереотип: «царская Россия – тюрьма народов», разбивает неоднократно и убедительно.

Родители Эренжена были бедны. Отец, не имевший достаточного количества скота, чтобы прокормить семью, был вынужден постоянно работать по найму¹. Тем не менее маленький Эренжен

¹Бурчинова Л. С. Послесловие // Хара-Даван Э. Чингис-хан как полководец и его наследие. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. С. 212.

учился в улусной школе на общественные средства, а потом, поскольку оказался способным, был отправлен в Астрахань, бывшую тогда административным центром Калмыкии. Летом, на каникулах, он с товарищами едет в Сарепту, поближе к дому. Узнав, что туда приезжают профессора из Петербурга и Хельсинки, собирающие народные мелодии, Эренжен начинает и сам собирать их.

Следующий «шаг вверх» был сделан в 1908 году в Петербурге, где он поступил в Военно-медицинскую академию.

Калмыков, учившихся в учебных заведениях России, было совсем немного: двое (друзья Эренжена) на юридическом факультете Петербургского университета, а один на восточном¹. Но не только с ними встречался в северной столице юноша; идея национального возрождения, объединившая студентов-калмыков, находила понимание и у петербургских ученых-востоковедов. Недавно выяснилась интересная деталь: Э. Хара-Даван успел побывать и студентом Тартуского [Дерптского] университета². «Тюрьма народов», кажется, была не совсем тюрьмой.

1917 год Хара-Даван встречал в Царицыне, а затем на Калмыцкой секции Исполкома Астраханского Губсовета его избрали председателем, то есть человеком № 1 в Калмыкии. Сын бедного калмыка, получивший диплом престижной Военно-медицинской академии в Петрограде, стал другим человеком. В 1918 г. на русско-калмыцком съезде он высказался против экспроприации скота у зажиточных хозяев, против социализации земли. «Плюрализм», как легко понять, в ту пору не поощрялся. Астраханский губисполком решил не предоставлять автономии «такой» Калмыкии; она получила ее лишь в 1920 г. Ну а председатель «Калмыцкой секции» эмигрирует из России с остатками белой армии. Судьба бросает его в Прагу – очаг евразийства, бросает потому, что в столице Чехословакии обособилась Калмыцкая организация научных [культурных – ред.] работников. Сюда же попали и его друзья-калмыки по обучению в Петербурге – юристы и востоковед.

¹ Там же. С. 213.

² Исаков С. Русские в Эстонии (1918 - 1940 гг.). Тарту, 1996. С. 129.

В биографии нет каких-либо указаний на встречи Э. Хара-Давана с «классиками» евразийства, но библиография в его книге содержит имена П. Савицкого и Г. Вернадского. Еще показательнее говорит о хорошем знакомстве с ними (не так уж важно – очном или заочном) сама направленность книги, все ее содержание. Личная судьба Э. Хара-Давана складывается после этого достаточно грустно: в 1929 г. он переезжает в другой центр русской эмиграции – Белград, участвует в создании первого буддийского храма в Западной Европе, готовится к отъезду в Америку, в степи Северной Мексики или Техаса (тянет его в степи; жива память о родной Калмыкии!). Но сначала этому препятствует начало мировой войны, а в 1942¹ г. Э. Хара-Даван умирает.

Надо думать, что жизнь калмыцкой эмиграции была еще труднее, чем многочисленной русской: неустроенность, нищета, разноречивыми оценками того, что происходило на родине. В этих условиях естественной была попытка верхушки калмыков на Западе (а Эренжен – доктор наук)² разобраться, что же произошло, где корни истории калмыков, и вообще – к чему надо стремиться? Задача очень нелегкая. Ответы на эти вопросы Хара-Даван попытался дать в книге, посвященной истории Монгольской империи и Чингис-хану, 700-летие со дня смерти которого приходилось на 1927 год.

Этой историей в России занимались давно. В 1826 г. Академия наук поставила задачу проанализировать: «Какие последствия произвело господство монголов в России?», но к намеченному сроку поступило лишь одно сочинение, и то на немецком языке. Попытка была повторена в 1832 г.; опять в Академию поступила всего одна работа, и тоже на немецком, не получившая премии.³

В условиях эмиграции на чужбине калмык, получивший хорошее, но отнюдь не историческое образование в России, пытается

¹ См. статью Т. Миленковича, с. 50.

² Э. Хара-Даван – врач, а не доктор наук (*примеч. ред.*)

³ Вернадский Г. Монгольское иго в русской истории // Русский узел евразийства. М., 1997. С. 250, 251.

разобраться в истории и не с узких – калмыцких позиций, а с куда более широких – российских. ««Познай самого себя» и «будь самим собой», – пишет Хара-Даван, – «вот лозунги, которыми мы должны руководствоваться после неудачных копирований духовной культуры Европы, приведших в тупик Россию теперь, начиная от Петра I до наших дней»¹. Заметим, что «мы» – взгляд никоим образом не узконациональный, а «познай самого себя» взято у евразийцев, хотя и не они первые сформулировали это как жизненную позицию человека или этноса. Думаю, что Э. Хара-Даван нашел ее в тех же трудах евразийцев, на которые мы ссылались.

Сказанное может навести на мысль о некоей «вторичности» книги Э. Хара-Давана, тем более, что программная статья князя Н. Трубецкого «Наследие Чингис-хана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока» вышла в 1925 г., то есть четырьмя годами раньше. Но ведь истинным взглядом с Востока была именно работа Э. Хара-Давана. Это подчеркивали и сами евразийцы. П. Савицкий отмечал: «Совершенно особый характер придает повествованию тот факт, что автор непосредственным, бытовым образом знаком с жизнью кочевников. Это позволяет ему в ряде случаев прийти к ценным и убедительным выводам»². Книга Э. Хара-Давана многократно цитировалась и Г. Вернадским, в частности, в его капитальной работе, вышедшей в США в 1953 г.³ Более того, даже в статье 1966 г. он замечал, что из обширной литературы о Чингис-хане и Монгольской империи может указать только книгу калмыка д-ра Эренжена Хара-Давана⁴.

¹ *Хара-Даван Э.* Чингис-хан как полководец и его наследие. Белград, 1929. С. 9.

² *Горизонтов Е. Л.* Евразийство 1921 – 1931 гг., взгляд изнутри // *Славяноведение.* 1992. № 4. С. 100

³ *Вернадский Г.* Монголы и Русь. М., 1997.

⁴ *Вернадский Г.* Исторические основы русско-калмыцких отношений // *Калмыцко-ойратский сборник.* Филадельфия, 1966. С. 36.

Хара-Даван писал, конечно, под воздействием евразийцев, но у него был и свой взгляд и свои знания, что позволило создать очень яркое и самобытное произведение¹. Вот его основные идеи.

Величие Азии: «Колыбель бесчисленных народов и племен, родина кровавых завоевателей, источник мифов и легенд, мать всех религий, почва, питающая около миллиарда (в 1929 г. – С. Л.) человеческих существ – такова Азия»².

Величие Монгольской империи: «Только мировая монгольская экспансия быстро охватывает всю Азию, за исключением Японии, Индостана и Аравии, перебрасывается в Европу и сокрушающим натиском монгольской конницы докатывается до Адриатического моря. Так образуется Великая Монгольская Империя от устьев Дуная, границ Венгрии, Польши и Великого Новгорода до Тихого океана и от Ледовитого океана до Адриатического моря, Аравийской пустыни, Гималаев и гор Индии»³.

Величие личности Чингис-хана: С кем сравнить Чингис-хана, спрашивает Э. Хара-Даван. С Наполеоном? Да, но тот одну армию бросил на произвол судьбы в Египте, остатки другой покинул в снегах России. Его империя пала еще при его жизни. Сравнить с великим Александром Македонским? Да, оба завоевателя умерли на вершине своей славы, и имена их живут до сих пор в легендах народов Азии. Но события, наступившие после смерти, сравнения уже не выдерживают. Тотчас после кончины Александра полководцы его вступают в борьбу между собой за обладание его царством, из которого его сын принужден бежать. Между тем сын Чингис-хана без всякого протеста вступил в управление его империей от Армении до Кореи и от Египта до Волги, а его внук царствовал над половиной света⁴.

¹ В 10-м выпуске «Евразийской хроники» (1928 г.) была напечатана его статья «Евразийство с точки зрения монгола».

² Хара-Даван Э. Чингис-хан..., С. 11.

³ Там же, С. 12.

⁴ Кожин В. Византийское и монгольское «наследство» в судьбе России // Российский обозреватель. 1996. № 3. С. 108.

Апологетика? И да, и нет. Нет потому, что так думал отнюдь не один калмыцкий ученый в Праге. В 30-х гг., то есть после него, Джавахарлал Неру оценивал так: «Чингис без сомнения был величайшим военным гением и вождем в истории. Александр Македонский и Цезарь кажутся незначительными в сравнении с ним». П. Савицкий писал о «памяти великого и сурового отца нашего Чингис-хана». ¹ Более того, у него есть и почти дословное совпадение с Э. Хара-Даваном: «Разрешите мне еще раз одно сравнение с Европой: в сопоставлении с Чингис-ханом Наполеон – не более как мелкотравчатое и неудачливое его подобие, к тому же на шесть веков позднее» ².

Мировое господство: Вместо гибельных усобиц мелких племен между собой Чингис-хан внушил объединенному им народу идею всемирного владычества. Его жизнь была неизменно подчинена одной этой цели. Добавим, что вышедшая в Лондоне за год до книги Э. Хара-Давана работа Гарольда Лэма называлась: «Чингисхан – император всего человечества».

Пока речь шла о фактах, расхождений между Э. Хара-Даваном и евразийцами почти нет. Кое-что они даже впервые увидели у него; например, портрет Чингисхана, опубликованный в его книге; этот портрет из Императорского дворца в Пекине до той поры был неизвестен евразийцам. Когда же речь заходит об оценочных моментах, легко обнаруживаются разные подходы, и не только с евразийцами. Согласно мнению Б. Владимирцова, герой Хара-Давана – «гениальный дикарь» ³. Г. Вернадский отмечает, что в некоторых отношениях великий завоеватель был еще более примитивным и диким, чем его помощники ⁴. Правда, позднее он изменил эту оценку.

¹ Письмо П. Савицкого Л. Гумилеву 12 января 1958 г.

² Письмо П. Савицкого Л. Гумилеву 27 декабря 1958 г.

³ Владимирцов Б. Чингис-хан. Петербург, 1912.

⁴ Вернадский Г. Монголы и Русь. Тверь - М., 1997. С. 51.

Э. Хара-Даван идеализировал и романтизировал своего героя, утверждая, что добродетели, которые тот ценил и поощрял, были: верность, преданность и стойкость; а пороки, которые особенно преследовал у своих подчиненных: измена, предательство и трусость. К подобным же передержкам следует отнести и утверждение калмыцкого ученого, что задачей Чингис-хана было создание из всей азиатской державы посредницы между цивилизациями Востока и Запада¹.

Что же касается разрушения цветущих городов и оазисов, гибели сотен тысяч людей на подчиненных землях, то, по Э. Хара-Давану, «производились они только во время войны и вызывались «военной необходимостью»; как она в те времена понималась»². По Г. Вернадскому, жертвами этой «военной необходимости» были несколько миллионов человек³.

Не обошел своим вниманием Хара-Даван вопроса о влиянии монгольского нашествия на Русь. Здесь позиции Хара-Давана практически идентичны с евразийцами. «...Московская Русь была лишь небольшой провинцией Великой Монгольской империи..., составляя только малую часть «Улуса Джучи», который сам являлся одной из четырех крупных составных частей Чингисовой империи»⁴. Подобная мысль высказывалась и Г. Вернадским⁵.

Э. Хара-Даван утверждал, что до прихода монголов многочисленные русские княжества фактически не составляли единого государства; благодаря монгольскому владычеству эти княжества были слиты воедино, образовав сначала Московское царство, а затем Российскую империю⁶. Н. Трубецкой подчеркивал «малость» Киевской Руси, площадь которой «не составляла и двадцатой доли

¹ Хара-Даван Э. Чингис-хан..., С. 57, 58.

² Там же. С. 59.

³ Вернадский Г. Монголы и Русь. Тверь - М., 1997. С. 10.

⁴ Хара-Даван Э. Чингис-хан..., С. 180.

⁵ Вернадский Г. Монгольское иго в русской истории // Русский узел евразийства. М., 1997. С. 258.

⁶ Хара-Даван. Чингис-хан..., С. 181.

общей площади той России, в которой родились все мы». Он полагал, что «Киевская Русь была нежизнеспособна, а всякий нежизнеспособный организм разлагается»¹.

Если подбор высказываний в защиту «восточных» позиций Хара-Давана может показаться тенденциозным (все же они евразийцы!), то обратимся к такому историку, которого никак не заподозрить в евразийстве – П. Н. Милюкову. «В лесной области России, – писал он, – то же нашествие совпало с началом конструктивного периода и, несомненно, оказало влияние на возникновение новой формы русской государственности»². А вот мнение современного турецкого историка, профессора Анкарского университета Айдина Яльчина: «Под защитой Золотой Орды (распавшейся после Батгя) Московское княжество укрепилось и в 1552 –1556 гг. разбило своего противника – Казанское ханство, положив тем самым конец татаро-монгольскому владычеству, просуществовавшему в этой части страны более 300 лет»³.

Согласно мнению Хара-Давана, политика монголов (при Чингис-хане и после) дала покоренной ими стране основные элементы будущей московской государственности: самодержавие, централизм, крепостничество. Она дала и ямскую повинность населения, улучшив связи между районами страны (создание почтовых трактов), дала общую перепись населения в фискальных целях и единое податное обложение, установила общую для всех русских областей монету – серебряный рубль, разделенный на 216 копеек⁴. Э. Хара-Даван отмечал, что именно поэтому монгольские слова «казна», «алтын», «таможня», «ямщик», «ямской» и поныне остались в русском языке.

¹ Трубецкой Н. Наследие Чингис-хана // Трубецкой Н. История, культура, язык. М., 1997. С. 211, 212.

² Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. М.: Культура, 1993. С. 377.

³ Панорам-форум. 1997. № 1. С. 128.

⁴ Хара-Даван Э. Чингис-хан..., С. 182, 183.

Анализируя влияние Золотой Орды на возвышение Москвы, автор опирался на классиков русской истории – на Ключевского и Платонова. При этом он выделял помощь золотоордынских ханов московским князьям. Местному главному князю подчинялись остальные князья, что и обеспечивало все управление. «Конечно, из местных ставился во главе более лояльный; таковыми как раз оказались московские князья, начиная с Ивана Калиты...». Московские великие князья действовали дипломатией и «смиренной мудростью» (по Ключевскому), а тверские пытались отстоять свою независимость силой оружия¹.

2008 г.

У. Б. Очиров

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Э. ХАРА-ДАВАНА В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Гражданская война в России оставила широкий след в истории многих народов нашей страны. С началом революции 1917 г. у многих народов России, в том числе и у калмыков, появилась возможность для реализации давно назревших реформ и создания автономии. Почти везде во главе национальных движений стали представители национальной элиты. В Калмыкии национальная элита состояла из светской аристократии (бывших нойонов и зайсангов), буддийского духовенства и зарождающейся немногочисленной национальной интеллигенции, большинство представителей которой были выходцами из среды простого народа, получившими определенное образование.

В Калмыцкой степи в тот период отсутствовали полные средние учебные заведения² и претендующим на университетский диплом

¹ Там же. С. 183.

² *Оглаев Ю. О.* Летопись высшего образования в Калмыкии // Вестник Калмыцкого университета. Элиста, 2000. С. 62.

приходилось тратить больше десяти лет на получение полного среднего и высшего образования. Учитывая, что образование того времени было в основном платным (и отнюдь не дешевым), то становится понятно, почему людей, получивших высшее образование к 1917 г., оказалось так мало. По данным Всероссийской переписи 1897 г., на территории Калмыцкой степи числилось 13 человек с высшим образованием (в основном, улусные чиновники и врачи), 76 – со средним¹.

Большинство представителей национальной интеллигенции – это выходцы из среды простого народа, и средства на свое образование они получали либо из общественных капиталов, либо за счет меценатов. В таких условиях на высшее образование могли претендовать действительно неординарные личности, обладающие выдающимися способностями. Нельзя забывать о том, что калмыки, как правило, стремились получить образование, могущее иметь прикладное значение в родных степях. К 1917 г. в число калмыков с высшим образованием входили юристы (Номто Очиров и Санджи Баянов), врачи (Улюмджи Душан и Сангаджи-Гаря Хадылов), ветеринарные врачи (Ордаш Босхомджиев и Надбит Дулаханов) и др. Все они занимали активную общественную позицию и приняли участие в политических пертурбациях революции и Гражданской войны. Среди врачей-калмыков наиболее авторитетным и опытным считался Эренжен Хара-Даван, уроженец Малодербетовского улуса и выпускник медицинского факультета Казанского университета.

Сразу после Февральской революции 1917 г. в Калмыцкой степи организуется новая система власти, созывается I съезд представителей калмыцкого народа. В Астрахань для участия в работе съезда от всех калмыцких аймаков прибыло около 100 делегатов². В

¹ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. II. Астраханская губерния. Тетрадь 1. СПб., 1899. С. 36-37.

² *Иванько Н. И., Наберухин А. И., Орехов И. И.* Великий Октябрь и Гражданская война в Калмыкии. Элиста, 1968. С. 15.

том числе представители светской аристократии (нойоны Данзан Тундутов, Сереб-Джаб Тюмень, Церен Буюнтуков, зайсанги Бадма-Ара Шонхоров, Бегали Онкоров, Церен Бадмаев и др.), духовенства (более 30 лам и бакшей во главе с Чимидом Балдановым) и интеллигенции (Санджи Баянов, Номто Очиров, Эренжен Хара-Даван, Улюмджи Душан, Сангаджи-Гаря Хадылов, Ордаш Босхомджиев, Надбит Дулаханов и др.). На тот момент это действительно самые известные и авторитетные в Калмыцкой степи общественные деятели.

На съезде одним из ключевых был вопрос о национальной автономии и изменении структуры власти. Из сложившейся ситуации, по мнению делегатов съезда, имелось два выхода: «казачий» или «земский». Сторонники первого пути проводили идею о переводе калмыков в состав казачества с закреплением за общинами земельных наделов как вознаграждения за военную службу. Сторонники второго пути предлагали ввести среди калмыков общегосударственные и земские повинности, уравнив их в правах с сельскими обывателями (с обязательным закреплением земли за общинами). Одним из лидеров, кто придерживался «земского» пути развития, был Э. Хара-Даван. Его поддерживала группа либеральной интеллигенции во главе с Б. Э. Криштафовичем, С. Б. Баяновым и Л. К. Карвиным.

Однако впоследствии большинство делегатов склонилось на сторону их оппонентов – за переход в казачество. Впрочем, нельзя сказать, что Хара-Даван, как и другие политические деятели Калмыкии, был апологетом своих взглядов. В зависимости от ситуации в стране и в регионе многие из них могли изменить свою точку зрения и работать на пользу «чужого» пути, сохраняя прежние воззрения. Для них главным становился результат – автономия Калмыкии, а не путь, которым его достигли. Позже Хара-Даван писал, что «еще будучи студентом, пришел к твердому убеждению, что спасение калмыцкого народа и нации в ее объединении», а вопрос о том, быть самостоятельным регионом

или войти в состав казачьего войска, – «это вопрос политической комбинации»¹.

Однако процесс введения земства в Калмыкии сильно затянулся. После долгих переговоров 1 июля 1917 г. Временное правительство решило выделить Калмыцкую степь «в самостоятельную земскую единицу, обособленную от Астраханского губернского земства» (решение утверждено 1 октября 1917 г.).² Первый шаг по пути обретения автономии был сделан. Однако идея земства как средства защиты против начинающегося земельного передела вызывала определенные сомнения. Вопросы землеустройства и национально-культурного строительства в постановлении Временного правительства вообще не ставились, не говоря уже об объединении калмыцкого народа. Обращение калмыков в административные органы, вплоть до Временного правительства, не получило положительной реакции (вернее, реакция была нулевой). В апреле 1917 г. премьер-министр князь Г. Е. Львов официально заявил, что «калмыцкий» вопрос будет решен, как и ряд других, только Учредительным собранием. Однако выборы в Учредительное собрание стали готовиться в Калмыцкой степи только осенью 1917 г., причем этот процесс шел крайне медленно. Затянувшаяся процедура земских выборов явно не прибавила очков «земцам»-либералам, и, когда нойонам Д. Ц. Тундутову и С.-Д. Б. Тюменю удалось достичь первых успехов в этом деле, большинство членов ЦИК УКН перешло к поддержке «казачьего пути». В этих условиях идея перехода в казачество становилась среди калмыков все более популярной. Вот только путь этот оказался неудачным, и за их выбор пришлось расплачиваться не только им, но и всему народу.

Созванное в июне 1917 г. совещание астраханских, ставропольских, донских и кумских калмыков проходило почти одновременно

¹ *Хара-Даван Э.* К вопросу о национальном объединении // Ойрат [Прага, 1924]. С.6-7.

² *Наберухин А. И.* Калмыкия в трех российских революциях. Элиста, 1987. С. 110

со II съездом представителей калмыцкого народа (из тех же делегатов). На этом совещании в числе других актуальных проблем вновь поднимался вопрос национального объединения и выделения автономного региона. Донские калмыки-казаки были готовы пойти лишь на культурно-духовное объединение и дружно отказались от идеи национально-территориального объединения (даже под казачьим флагом), заявляя, что они «слишком срослись с [донскими] казаками»¹. Либералы во главе с С. Б. Баяновым и Э. Хара-Даваном видели выход во введении земства и разработали программу по духовно-культурному объединению: национализация школы, преподавание на родном языке, создание единого духовного управления и т. д. Еще одна группа делегатов (Л. К. Карвин, А. М. Амур-Санан, С.-Г. Хадылов и др.) поддерживала требования переселенцев и выступала за передачу части земли крестьянам, которые ее обрабатывали². Консерваторы во главе с Д. Ц. Тундутовым и Н. О. Очировым по-прежнему выступали за территориальное объединение с переходом в казачество. Именно они в итоге и добились успеха. На секретном заседании, на котором присутствовало большинство делегатов II съезда представителей калмыцкого народа, было принято решение о переходе в казачество. Хара-Даван, хотя и согласился с тем, что вопрос «хождения в казачество» – «это вопрос политической комбинации», но активного участия в этом процессе не принимал и стал постепенно отдаляться от политической деятельности.

После Октябрьской революции 1917 г. почти все казачьи атаманы отказали в поддержке Советскому правительству, многие из них организовали заговоры и подняли вооруженный мятеж. Некоторые представители национальных элит, состоявших, как правило, из людей, лояльных правящему режиму, свержение Временного правительства расценили как покушение на свои автономистские пла-

¹ ГАРФ. Ф.Р-1318. Оп.1. Д.641. Л.255об.

² *Борисенко И. В., Горяев А. Т.* Очерки истории калмыцкой эмиграции. Элиста, 1998. С.14.

ны и поддержали контрреволюцию. В числе повстанцев оказались и астраханские казаки во главе с атаманом Бирюковым, и астраханские калмыки во главе с Тундутовым. Разгром Астраханского восстания 12 – 25 января 1918 г. ознаменовал собой окончательный переход всей губернии под власть Советов.

Однако после перехода астраханских калмыков в состав казачьего войска и участия небольшой группы калмыков в Астраханском мятеже губернские власти стали считать Калмыцкую степь «гнездом контрреволюции»¹. Так же думали и крестьяне из приграничных сел, которые «массами ринулись в Калмыцкую степь для «расправы с буржуазией», отнимая у нее скот и имущество»². В этих непростых условиях необходимо было сформировать новую систему власти в калмыцких улусах. И здесь ключевую роль сыграл доктор Эренжен Хара-Даван. Позже он вспоминал, что вскоре после разгрома тундутовского отряда ему в Царицыне передали письмо бывшего председателя Калмыцкого войскового правительства, в котором Б. Э. Криштафович, сообщив о тяжелой ситуации, сложившейся в улусах, предложил выехать в Калмыцкую степь и «организовать там власть Советов, дабы спасти калмыцкий народ»³.

Хара-Даван перебрался в Астрахань и приступил к подготовке I съезда представителей калмыцкого народа. 5 марта 1918 г. в пос. Калмыцкий Базар собрались представители Малодербетовского, Яндыко-Мочажного, Хошеутовского улусов и Калмыцкого Базара, которые одновременно являлись делегатами губернского съезда Советов. Ввиду отсутствия представителей других улусов решили отложить съезд и провести собрание делегатов. На этом собрании определили новую дату съезда (28 марта) и избрали временный руководящий орган – Калмыцкую секцию Астраханского губисполкома в составе четырех членов (Эренжен Хара-Даван – председатель, Араши Чапчаев, Константин Никитин, Очир Эльдяшев)

¹ Научный архив КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 3. Д. 13. Л. 94.

² НАРК. Ф.Р-7. Оп. 1. Д. 59. Л. 154.

³ Научный архив КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 3. Д. 13. Л. 84 об.

и трех кандидатов (Вадим Мергасов, Дорджи Тугаев, Кебюд Долгаев). Еще одного представителя делегировали в состав краевого комиссариата по делам национальностей – Ходжу Отхонова (фактически работал в крайкомиссариате земледелия). Создание Калмыцкой секции как высшего органа завершило формирование системы Советов в Калмыцкой степи Астраханской губернии. На секцию возложили обязанности руководящего органа Калмыцкой степи и объявили главную задачу – подготовку нового легитимного съезда Советов, на который предполагалось вынести вопросы об организации Советской власти в аймаках, улусах и центре, о состоянии продовольственного дела, земельный вопрос, вопрос о трудовой скотоводческой норме в связи с социализацией скота и др.¹

Помимо созыва съезда, который должен был создать легитимный по советским законам орган власти и упорядочить состояние дел в улусах, лидеры Калмыцкой секции стремились решить вопрос автономии калмыцкого народа. Однако улусные и аймачные Советы на инициативы секции реагировали вяло. Калмыцкая секция, ее члены не обладали достаточным авторитетом в глазах низовых звеньев; их имена были малоизвестны широким массам за пределами делегировавших их улусов (за исключением, конечно же, Э. Хара-Давана).

Наряду с подготовкой созыва съезда, Калмыцкая секция занималась приведением в порядок разгромленного в дни январских боев в Астрахани делопроизводства бывшего Управления калмыцким народом, принимала меры к восстановлению денежных средств, финансовому обеспечению своей деятельности и работы улусных и аймачных исполкомов. 11 апреля губернский комиссариат по внутренним делам дал Хара-Давану разрешение пользоваться денежными суммами калмыцкого общественного капитала, на увеличение которого секция добилась перечисления неиспользованных поступлений 1916 – 1917 гг.² К 23 апреля силами служа-

¹ НАРК. Ф. Р-102. Оп. 3. Д. 1. Л. 8.

² НАРК. Ф. Р-3. Оп. 9. Д. 3. Л. 6.

щих бывшего Центрального исполнительного комитета по управлению калмыцким народом делопроизводство удалось привести в порядок.

В мае 1918 г. 1-е Элистинское окружное чрезвычайное собрание узаконило (без ведома Астраханского губернского Совета) выделение 13 сел (Элисты, Ремонтного, Булгун-Салы, Кюрюльты, Кормового, Крестов, Приютного и др.) из состава Черноярского уезда, а Манычского улуса – из Калмыцкой степи и объединение их в Элистинском округе. Черноярский уездный Совет неоднократно протестовал против создания этого округа, тем не менее 26 августа Астраханский губисполком после долгих споров и колебаний утвердил это решение и придал Элистинскому округу статус уезда.

Ведя подготовку съезда, Калмыцкая секция продолжала изучать условия и возможности создания единой Калмыцкой территориально-административной единицы в составе Астраханской губернии. Хара-Даван, стремясь парализовать сепаратистские тенденции, учел опыт объединения калмыцкого и русского населения в Икицохуровском улусе и Элистинском округе и выступил со встречным предложением: присоединить к Калмыцкой степи лежавшие внутри степи и расположенные по соседству с ней русско-украинские переселенческие села, крестьяне которых были заинтересованы в хозяйственном использовании калмыцких земель. 1 мая 1918 г. на расширенном заседании секции совместно с представителями улусных исполкомов (Оля Лиджиев – от Малодербетовского, Ходжа Отхонов – от Багацохуровского, Галзан Манкиров – от Икицохуровского, Убуши Дорджиев – от Хошеутовского, Андрей Мещеряков и врач Сангаджи-Гаря Хадылов – от Яндыко-Мочажного, Владимир Елин и врач Улюмджи Душан – от Эркетеневского) было принято решение пригласить на съезд не только калмыцких делегатов, но и представителей переселенческих сел – по 1 человеку от 1000 выборщиков¹. В постановлении указывалось на необходимость обсудить на съезде вопрос «об об-

¹ Научный архив КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 3. Д. 13. Л. 85 об.

разовании единой области на федеральных началах» и подчеркивалось, что «такое объединение, несомненно, внесет равенство и братство во взаимные отношения».

Съезд, получивший в отечественной историографии наименование «русско-калмыцкий объединенный», открылся 14 мая 1918 г. в Яшкуле. На съезд прибыл 91 делегат, в том числе 63 делегата от аймаков и 24 – от 16 сел (приглашались представители 31 села), еще 2 – делегированы от Калмыцкой секции (Хара-Даван и Тугаев) и 2 – от губернского комиссариата земледелия (Остапченко и Отхонов)¹. Председателем съезда избрали Э. Хара-Давана.

К сожалению, на съезде вместо решения о выделении Калмыкии в отдельный регион вдруг всплыл проект расчленения Калмыцкой степи по принципу экономического районирования, который выдвинула группа делегатов, представлявших интересы блока крупных русских и калмыцких скотоводов и скотопромышленников. Таким образом, Яшкульский съезд фактически не решил ни один важный вопрос, стоявший в его повестке дня, оставив их открытыми. Проблема самоопределения калмыцкого народа осложнялась еще и тем, что Астраханский губисполком считал нужным закрепить за Калмыцкой степью лишь права уезда Астраханской губернии, в то время как Калмыцкая секция добивалась создания автономной области. В конце концов, секция вынуждена была временно согласиться с точкой зрения губисполкома и заявить, что, не желая вступать с ним в конфликт, «отказывается от обсуждения вопроса о самоопределении Калмыцкой степи в духе, не согласном с распоряжениями краевой власти»².

В результате некоторые члены Калмыцкой секции и будущего ЦИКа (Б. Хундаев, Д. Тугаев) разочаровались в возможности достижения автономии и начали под разными предлогами выходить из состава секции. Некоторые члены, не отказываясь от сотрудничества с Советской властью, сочли, что больше пользы при-

¹ НА РК. Ф. Р-3. Оп. 9. Д. 10. Л. 3.

² НАРК. Ф. Р-3. Оп. 9. Д. 3. Л. 12 об.

несут в своих улусах, и также покинули Астрахань (Х. Отхонов, К. Долгаев и др.). Однако самым большим ударом для секции стал уход ее председателя врача Э. Хара-Давана. В конце мая 1918 г. он взял отпуск для улаживания личных дел, но в Астрахань возвращаться отказался, оставшись работать улусным врачом¹. Секретарь КалмЦИКа Ф. И. Плюнов позже вспоминал, что уход Хара-Давана привел к серьезному кризису в управлении Калмыцкой степью.

Весной 1919 г. большая часть Калмыкии оказалась занята белогвардейцами. При этом ряд соработников не стал эвакуироваться, а остался на рабочих местах. В их числе были врач Э. Хара-Даван, член Калмыцкого исполкома А. П. Межуев-Самохин, руководители Малодербетовского улусного Совета Оля Лиджиев и Бади Ашкатов, Эркетеневский военный комиссар Гаря Эрдниев². Конечно же, белогвардейцы не могли пройти мимо такого авторитетного в Калмыкии политического деятеля, как Хара-Даван, и привлекли его к работе в Астраханском казачьем правительстве, в ведение которого и отошла Калмыцкая степь.

Приход в правительство «бывших красных» во главе с Э. Хара-Даваном должен был улучшить имидж белогвардейцев в глазах калмыков и переманить их на сторону контрреволюции. Действительно, калмыки, в большинстве своем недовольные процессами социализации и перегибами региональных Советов, в 1918 г. стали охотнее отзываться на мобилизации в белую армию. Офицер разведывательного отдела Астраханского войска подпоручик Голев-Голенищев связывал успехи в мобилизации калмыков, в том числе и с влиянием «бывших красных». «Настроения калмыцкого народа инсценируются двумя партиями: представители первой – гелюрги, сторонники князя Тундутова, – правая реакционная группа; представители второй, если так можно назвать, – партия калмыцкой интеллигенции, предводительствуемая... док-

¹ Бурчинова Л. С. Послесловие // Хара-Даван Э. Чингис-хан как полководец и его наследие. Элиста, 1991. С. 215.

² Иванько Н. И., Наберухин А. И., Орехов И. И. Указ. соч. С.116.

тором Хара-Даваном и присяжным поверенным Санже Баяновым. К ним примыкает бывший помощник атамана Номто Очиров. ... Безусловно, организация калмыцкого народа для борьбы с большевиками может быть проведена лишь при деятельном участии калмыцкой интеллигенции, руководимой доктором Хара-Даваном и С. Баяновым, за которыми пойдут все калмыки-учителя и те, кого более коснулась европейская культура... лишь при этом условии возможно чего-нибудь ожидать от мобилизации калмыков»¹. Как нам представляется, взгляд несколько упрощенный и совершенно не учитывающий настроения самих масс, оказавшихся в тяжелых социально-экономических условиях. Но, с другой стороны, влияние национальной интеллигенции во главе с Баяновым, Очировым и Хара-Даваном на мобилизацию калмыков вполне очевидно.

После поражения белой армии Хара-Даван, как и ряд других лидеров калмыцкого народа, оказался перед выбором: остаться на Родине или эмигрировать. Руководство Советской Калмыкии испытывало жесточайший кадровый голод и особо нуждалось в представителях национальной интеллигенции. Оно добилось вынесения специального декрета ВЦИК, в котором персонально амнистировались более 20 белокалмыков, в том числе и Э. Хара-Даван. Представители калмыцкой интеллигенции вопрос о возвращении решали по-разному. Номто Очиров отказался от эмиграции, вернулся в родные степи и провел значительную часть оставшейся жизни в тюрьме и в Сибири. Позже из эмиграции вернулись «персонально амнистированные» офицеры Лиджи Шембенев и Дорджи Онкоров, которые сгинули в застенках НКВД. Активно склоняли к возвращению и Э. Хара-Давана. По слухам, одним из условий возвращения он поставил предоставление должности «главного врача в Астрахани», но руководство Советской Калмыкии отказало ему в этом, благодаря чему Хара-Даван остался жив и оставил свой след в истории эмиграции.

¹ Джалаева А. М. «О бедном гусаре замолвите слово...» // Известия Калмыкии. 2005. 6 июля.

Активный участник и идеолог евразийского движения, он стал одним из лидеров пражской группы калмыцкой эмиграции. Хара-Даван оказал значительное влияние на деятельность Комиссии калмыцких культурных работников (КККР). Его позиция по отношению к Советской власти была более мягкой, чем у большинства эмигрантов. На деятельность Советской Калмыкии он пытался взглянуть с более или менее объективной точки зрения, какие-то мероприятия даже одобрял (в основном, политические: провозглашение автономии, коренизацию аппарата управления и т. д.). В 1924 г. под руководством Хара-Давана инициативная группа студентов-калмыков выпустила на правах рукописи журнал «Ойрат», в котором эмигранты пытались заново переосмыслить процессы, происходившие в Калмыкии в период Гражданской войны и после нее, найти истоки и причины своего поражения¹. Позже он активно сотрудничал с редакциями калмыцких журналов «Улан Залат» и «Ковыльные волны»².

Несмотря на обширное литературное наследие, значительный пласт документов в архивах, личность доктора Эренжена Хара-Давана как политического деятеля, основателя Советской власти в Калмыкии хранит немало «белых пятен» и ждет своего исследователя.

2011 г.

¹ Балыков С. Б. К переселению донских калмыков // Ойрат. С. 2 - 3; Бурульдушев Э. Из прошлой жизни донских калмыков в связи с казачеством // Ойрат. С. 3 - 5; Хара-Даван Э. К вопросу о национальном объединении // Ойрат. С. 5 - 8; Алексеев А. Письмо из Сербии // Ойрат. С. 10 - 11; Баянов С. Б. Вопрос о национальном объединении калмыков // Ойрат. С. 12 - 16; Кушлынов Б. Калмыки и их дети на чужбине // Ойрат. С. 16 - 18.

² См., например, Хара-Даван Э. Пути решения национальной проблемы // Улан Залат. № 3. С. 33 - 35; Хара-Даван Э. О наших национальных задачах // Ковыльные волны. № 1. С. 12.

ЭРЕНЖЕН ХАРА-ДАВАН И ЕГО КНИГА О ЧИНГИС-ХАНЕ

В истории культуры иногда встречаются удивительные явления: книги вне зависимости от воли и желания их создателей обретают самостоятельную жизнь. У каждой книги, как у людей, своя судьба и своя жизнь. Одна может пролежать всю жизнь незамеченной на запыленной книжной полке, другая может быть прочитана до дыр из-за сиюминутного интереса, третья долго будет будоражить мысли и чувства людей не одного поколения. У книги Эренжена Хара-Давана «Чингис-хан как полководец и его наследие. Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII – XIV века», опубликованной в 1929 году в Белграде, сложилась не простая, но очень интересная судьба.

Первая встреча немногочисленных калмыцких читателей с этой книгой состоялась сразу после выхода ее в свет. Автор книги Э. Хара-Даван, бывший воспитанник калмыцкого училища, а затем гимназии в Астрахани, не забыл свой родной город и прислал почтой три экземпляра книги на адрес Калмыцкого педтехникума в Астрахани: для библиотеки педтехникума, архивного бюро Калмыцкой автономной области и библиотеки в Элисте.

Профессор Н. Н. Пальмов, заведующий калмыцким архивом, в письме Х. Б. Канукову писал: «Видели книгу доктора Хара-Давана о Чингис-хане... Я лишь пока бегло ознакомился... заметил, что автор сделал много выдержек из новых сочинений о Чингис-хане, но ... не прочь фантазировать. На досуге почитаю повнимательнее...»¹. Сумел ли почтенный профессор, загруженный службой и работой над «Этюдами по истории приволжских калмыков», прочитать «повнимательнее» эту книгу, нам неизвестно, но зато благодаря его письму мы имеем документальное сви-

¹ Письма Н. Н. Пальмова Х. Б. Канукову // Вестник КНИИЯЛИ. Элиста: КНИИЯЛИ, 1968. С. 34.

детельство о том, что книга Э. Хара-Давана стала известна у него на родине уже в год своего издания.

Прошло несколько десятилетий, прежде чем состоялось второе знакомство калмыцких читателей с книгой Э. Хара-Давана. В 1968 году, в период «хрущевской оттепели», в Элисту приехал американский гражданин, калмык по национальности, Петер Яманов, потомок беженцев времен Гражданской войны. Он работал менеджером в американском филиале фирмы «Внешпосылторг СССР». По служебным делам он часто бывал в Москве, мечтал приехать в Калмыкию. И, наконец, в 1968 году ему это удалось. На встрече с коллективом КНИИЯЛИ он подарил два экземпляра книги «Калмыцко-ойратский сборник» под редакцией А. Борманжинова и Дж. Крюгера с дарственной надписью. Тогда же он привез и книгу Э. Хара-Давана, которая оказалась в руках Л. Б. Чужгинова, в прошлом учителя истории.

Третья встреча калмыцких читателей с книгой состоялась в период «горбачевской перестройки». В 1989 году в Элисту из США приехал представитель калмыцкой эмиграции Джаб Бурхинов. На встрече с сотрудниками КНИИИФЭ он пообещал и вскоре выслал ксерокопию книги Э. Хара-Давана, и широкий круг читателей научной библиотеки получил возможность ознакомиться с ее содержанием.

В 1990 году на празднование 550-летия эпоса «Джангар» приехала большая группа американских калмыков. Один из гостей Манджи Убушин привез с собой экземпляр книги, который до последнего времени хранился в семейном архиве жены Э. Хара-Давана Сары. М. Убушин согласился оставить этот бесценный экземпляр в научной библиотеке института только при условии переиздания книги в Калмыкии. Издание в 1991 году книги Э. Хара-Давана «Чингисхан как полководец и его наследие. Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII – XIV вв.» Калмыцким книжным издательством стало событием не только республиканского, но и все-союзного масштаба. Вскоре появились переиздания книги Э. Хара-Давана в других регионах страны.

Эренжен Хара-Даван принадлежал к числу представителей калмыцкой интеллигенции начала XX столетия. Родился он в 1885 году, в год овцы по восточному календарю, в семье калмыка Давы, простолюдина Ики-Бухусовского аймака Малодербетовского улуса. В калмыцком хуруле мальчика нарекли именем Эренжен¹. В 1892 году его отдали на учебу в школу при ставке улуса в Малых Дербетах, где он был записан в число учеников школы как Даваев Эренжен. Любознательный мальчик, обладавший хорошей памятью, учился прилежно и окончил школу с хорошими отметками².

В 1896 – 1897 гг. группа выпускников Малодербетовской улусной школы прибыла на учебу в Астрахань, где находился пансионат для детей, приехавших на учебу в Калмыцкое двухклассное училище. Учащиеся жили в пансионате на средства общественного калмыцкого капитала. После окончания двухклассного училища выпускники могли поступить в гимназию или в реальное училище. В Астраханской гимназии учились Эренжен Даваев, Санджи Баянов, Дорджи Манджиев. Ноха Очиров – в реальном училище. В период летних каникул учащиеся выезжали на лето в родные кочевья.

Летом 1904 года в Калмыцкую степь приехали финский исследователь Г. И. Рамстедт и преподаватель Восточного факультета Санкт-Петербургского университета А. Д. Руднев. Они остановились в немецкой колонии Сарепта, которая располагалась в северной части Малодербетовского улуса Калмыцкой степи Астраханской губернии. Студенты Э. Даваев, С. Баянов, Д. Манджиев, Н. Очиров стали добровольными помощниками исследователей в сборе материалов устного и музыкального творчества калмыков³.

¹ По информации племянницы Э. Хара-Давана А.С. Семеновой у Эренжена было еще два брата: Ванька и Семен. От этих братьев ведут свое происхождение Ванькаевы и Семеновы, из рода бага-бухус.

² Бурчинова Л. С. Послесловие // Хара-Даван Э. Чингис-хан как полководец и его наследие. Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII – XIV вв. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991, с. 212.

³ Руднев А. Д. Краткий отчет о поездке в Калмыцкие степи Астраханской губернии // Известия русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии. СПб., 1904. № 4. С. 1 - 2.

Спустя два года А. Д. Руднев, обрабатывая собранный им полевой материал, вновь обратился к своим добровольным помощникам, теперь уже студентам юридического факультета Санкт-Петербургского университета С. Баянову, Д. Манджиеву, Н. Очирову и студенту Военно-медицинской академии Э. Даваеву. О своей работе над калмыцкими мелодиями А. Д. Руднев писал: «...Он (С. Баянов. – *ред.*) нередко наигрывал сам на рояле. Многие припоминали с Н. Очировым. Часть мелодий записана в Сарепте в июле 1904 года, где он пел с Эренженом Даваевым». Одаренный от природы, Эренжен играл на скрипке, на слух подбирал калмыцкие мелодии песен, танцевальные наигрыши. Вот что пишет А. Д. Руднев о калмыцких мелодиях, записанных Э. Даваевым: «...мелодии записаны отчасти им самим при Г. И. Рамстедте и при мне. Отчасти мною по его игре на скрипке в Сарепте в 1904 году»¹. А. Д. Руднев записал у Эренжена слова и мелодии песен «Хаалһ», «Көк теңгсин дольган», «Хаврин уснас цегэки билэ, хамтхаста бурһснас уйахан билэ». Из танцевальных мелодий «Хар лаңк бүшмүд» (с текстом шаваша) и «Шарка-Барка».

Калмыцкая молодежь, попадая в большие густонаселенные города из привычной степи, где она все время проводила на свежем воздухе и питалась традиционной мясо-молочной пищей, была сильно подвержена заболеваниям дыхательных путей. Такая тяжелая участь постигла студента юридического факультета и консерватории по классу виолончели Дорджи Манджиева. Г. И. Рамстедт и А. Д. Руднев, пытаясь помочь талантливому юноше, добились его отправки на лечение в Финляндию, но спасти его не удалось.

В целях предосторожности С. Баянову, Б. Уланову, а впоследствии и Э. Хара-Давану, пришлось доучиваться в Казанском университете, где климат был не такой влажный, как в столице. Сначала Э. Хара-Даван перевелся в Юрьевский университет (ныне

¹ Руднев А. Д. Мелодии монгольских племен // Сборник в честь 70-летия Г. Н. Потанина. СПб., 1909. С. 346.

г. Тарту)¹. Однако климат Прибалтики мало чем отличался от петербургского, поэтому, проучившись в Юрьеве полтора года и будучи студентом 4-го курса медицинского факультета, он обратился к ректору Казанского университета о переводе его во вверенный ему университет. Просьба его была удовлетворена с условием сдачи дополнительных дисциплин. Успешно сдав требуемые экзамены, Э. Хара-Даван стал студентом медицинского факультета Казанского университета, окончив который в 1911 году, с дипломом врача вернулся в родной улус.

Летом 1911 года в Калмыцкую степь Астраханской губернии прибыла экспедиция эпидемиологов под руководством И. И. Мечникова. До прибытия экспедиции был определен маршрут экспедиции из Астрахани до южной и северной частей Малодербетовского улуса, решены вопросы обеспечения транспортом, выделены помощники и переводчики в местах работы с населением. Это был не первый приезд знаменитого ученого в Калмыцкую степь. В 1873 году он уже побывал здесь в целях обследования населения Астраханской губернии². Экспедиция успешно завершила работу в течение двух летних месяцев. В отчете о результатах экспедиции И. И. Мечников благодарил за хорошую организацию губернатора генерала И. Н. Соколовского, заведующего калмыцким народом С. А. Козина, доктора С. Р. Залкинда и калмыцких врачей, участвовавших в работе экспедиции, не указывая конкретных имен³. Кто же участвовал в данной экспедиции из числа калмыков? Известно, по крайней мере, два имени. Это врач

¹ Там же в Юрьеве в 1909 году учился Петр Кутузов, сын учительницы Ольги Александровны Кутузовой, вдовы малодербетовского зайсанга Дорджи-Джаба Кутузова. П. Кутузов не окончил учебы из-за отсутствия стипендии из Управления калмыцким народом (*примеч. авт.*).

² Мечников И. И. Заметки о населении Калмыцкой степи // ИРГО, 1873. Т. IX, вып. 10. С. 335 – 351.

³ Мечников И. И. Акад. собр. соч. М.: Гос. изд-во мед лит., 1949. Т. X. С. 195.

Михаил Васильевич Бадмаев, сокурсник С. Р. Залкинда, выпускник медицинского факультета Казанского университета 1893 года, и Э. Хара-Даван. Известно также, что они участвовали в 1911 – 1912 гг. в экспедициях по борьбе с чумой и холерой в Калмыцкой степи и Внутренней Киргизской орде¹.

Февральская революция 1917 года застала Э. Хара-Давана в Царицыне. По складу своего характера и энергичности он не мог оставаться в стороне от происходящих исторических событий. Вернувшись в степь, он с головой окунается в события политической жизни своего народа и страны в целом. В результате всех перипетий Э. Хара-Даван оказался в эмиграции. И здесь открывается новая страница его жизни – деятельность в эмиграции.

В начале 1920-х годов Калмыцкое представительство в Москве в лице его сотрудников А. М. Амур-Санана и О. Насунова вело активную переписку с Наркоматом иностранных дел России и с лидерами калмыцкой эмиграции по вопросу возвращения эмигрантов на родину. В результате их активных действий в 1922 – 1930-е годы в Калмыкию вернулось значительное число эмигрантов. В начале 30-х годов многие из них подверглись репрессиям. В числе тех эмигрантов, которые, разобравшись в сложившейся ситуации, предпочли не возвращаться на родину, был Э. Хара-Даван.

К концу 1920-х годов семья доктора жила в Белграде. По рассказам эмигрантов его жена Сара Хара-Даван, красивая, образованная и малообщительная женщина, занималась воспитанием их единственного сына². Э. Хара-Даван – один из тех представителей калмыцкой эмиграции, кто имел авторитет у соотечественников и по мере своих возможностей старался оказывать им помощь. Он финансировал из личных средств издание журнала калмыцкой студенческой молодежи «Ойрат», был активным членом Калмыцкой

¹ Сусеев П. Н. Наш эмчи. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1976. С. 4.

² Чингис Хара-Даван умер в Америке в возрасте 50 лет. Похоронен на калмыцком участке русско-казачьего кладбища Свято-Владимирского храма в штате Нью-Джерси.

комиссии культурных работников в Праге, затем сотрудничал с общественно-политической организацией «Хальмг тангчин туг», возникшей в Париже после прекращения деятельности КККР. Опубликовал ряд статей на актуальные для калмыцкой эмиграции темы в журналах «Ковыльные волны», «Улан Залат» и др.

Как представитель «евразийства», нового историко-философского направления, возникшего в среде русской эмиграции, опубликовал ряд статей: «Евразийство с точки зрения монгола», «О кочевом быте», «Заря Востока» и др. Итогом исследовательской деятельности Э. Хара-Давана явилась его книга «Чингис-хан как полководец и его наследие», которая стала важным культурным событием в жизни не только калмыцкой, но и всей российской эмиграции.

2011 г.

С. Малышева

ЕВРАЗИЕЦ ХАРА-ДАВАН: КАЗАНСКАЯ СТРАНИЧКА

В начале 20-х годов нашего [XX – ред.] века в ряде европейских столиц в среде российских эмигрантов зарождается интереснейший духовный феномен как попытка предложить измученному политическими потрясениями, уставшему от старых политических партий и политических споров российскому сознанию – нового комплексного мировоззрения, нового взгляда на «шестую часть суши», ее – да и собственную, – судьбу. Феномен этот получил название «евразийства». Это мировоззрение оставит мощный след в европейском научном, культурном мышлении, органично войдет в соответствующие концепции (в том числе и в некоторые отечественные – без ссылок), чтобы полвека спустя прорасти на родине своих «отцов-основателей», в России.

О евразийстве сейчас пишут много – о самых разных его аспектах; евразийские одежды охотно примеряют политики, евра-

зийство стало своеобразной политической модой нашего времени. Вспоминают сегодня и «отцов-основателей» – молодых, 20 – 30-летних ученых и философов, увидевших в образе далекой России «континент-океан», Евразию, подобно пульсирующему сердцу живущую по своим законам и определяющую жизнь, характер, судьбы своих обитателей, влияющую на судьбы и Европы, и Азии.

Среди имен евразийцев есть одно, известное сегодня меньше имен Н. С. Трубецкого, Г. В. Вернадского, П. Н. Савицкого, П. П. Сувчинского и других. Между тем его обладатель – единственный из них был евразийцем не только по идейным воззрениям, но и по рождению: был человеком двух слившихся воедино культур – европейской и азиатской. Речь идет о Эренжене Даваевиче Хара-Даване (1885 – 1942)¹.

Мальчик из бедной калмыцкой семьи, «стипендиат калмыцкого народа» один из немногих калмыков, до революции выучившийся на врача, ставший доктором медицины. Но, как и другие лучшие представители малочисленной тогда калмыцкой интеллигенции, помимо долга профессионального, честно выплачиваемого им своему народу, он считал своим и дело его просвещения, и защиту его национальных интересов и самобытности. После Февральской революции [1917 г.] Э. Хара-Даван вместе с выдающимися калмыцкими интеллигентами Санджи Баяновым, Номто Очировым и другими участвует во многих съездах и совещаниях представителей калмыцкого народа, решавших его судьбу. После Октябрьского переворота Хара-Даван первоначально поддержал новую власть и даже возглавил калмыцкую секцию при исполкоме Астраханского губернского совета, но проводимая Советами политика, в том числе и по отношению к его народу, вызвала его резкое неприятие, и весной 1918 года, выйдя из всех советских структур, в которых он состоял, Хара-Даван ушел вслед за своими товарищами по «весне 1917-го» в белый лагерь Калмыцкого

¹ По сведениям Т. Миленковича, дата смерти Э. Хара-Давана 17 ноября 1941 г. (*примеч. ред.*).

войскового правительства. А в конце Гражданской войны оказался вместе с ними в эмиграции в Европе.

В начале 20-х годов [XX в.] историко-культурные идеи евразийства, евразийские взгляды на историю быстро распространялись в среде российской эмиграции. Степь, история кочевого мира, народов, населяющих степи Евразии, будоражили умы молодых историков, лингвистов, географов. Среди тех, кто разрабатывал задачи и пути кочевниковедения – новой исторической дисциплины, рожденной евразийством, – был и Хара-Даван.

Толчок к увлечению историей кочевого мира дала книга известного российского монголоведа Б. Я. Владимирцова «Чингис-хан», вышедшая в эти годы в Берлине и Петрограде. По собственному признанию Хара-Давана, в год 700-летия смерти Чингис-хана в 1927 году он начал работу над своей книгой о великом полководце и его империи. Уже 8 января 1928 года Эренжен Даваевич поднялся на кафедру Белградского университета, чтобы представить доклад по подготавливаемой им книге, а в 1929 году более чем 200-страничный историко-популярный труд с иллюстрациями, портретами, документами, увлекательно и с любовью написанный, вышел в свет: «Чингис-хан как полководец и его наследие. Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII-XIV века».

Не будем преувеличивать значение книги Хара-Давана в историографии (хотя в культурной жизни эмиграции она, несомненно, стала явлением) – он и сам признавался в своей зависимости и приверженности прочитанным и использованным им трудам выдающихся монголоведов. Но это был настоящий гимн степи, романс о Евразии. «Эта империя, – вдохновенно писал Хара-Даван, – не имеет себе равных по величине в мировой истории: границы ее, начертанные кривой саблей монгольской конницы, превосходят границы, начертанные копьями македонских фаланг Александра, мечами римских легионов и пушками Великой армии Наполеона». История «дикой» степи в трудах Хара-Давана и других евразийцев

требовательно заявила о своих правах на подобающее ей место в российской и европейской истории, а культура степных народов, часто принижавшаяся и игнорировавшаяся, громко оповестила о своем богатстве и многообразии, не уступавшем западноевропейской. Россия выступила в этих трудах не только наследницей западной культуры, но и наследницей «древней книги мудрости» Азии, наследницей грозной империи, созданной Чингис-ханом.

Эренжен Хара-Даван умер вдали от родины в самый разгар второй мировой войны. Спустя полвека после его смерти Хара-Давана вспомнили в России: в 1991 году в Элисте¹ и Москве вышло репринтное издание его книги о Чингис-хане, у нас в Татарстане готовится перевод книги на татарский язык (см. «Казан утлары» 1994, № 4). Но немногим биографам Хара-Давана и в Калмыкии, наверное, известно, что была в жизни евразийца и небольшая казанская страница, что Хара-Даван – выпускник не Петербургской Военно-медицинской академии, как пишут иногда, а Казанского университета.

В 1906 году после окончания Астраханской гимназии Эренжен поступил в Военно-медицинскую академию в Петербурге, но, прочувшись там всего лишь два года, переводится на медицинский факультет Юрьевского университета. А уже спустя полтора года – 1 декабря 1909 года – студент 4 курса Хара-Даван обращается с просьбой к ректору Казанского университета о переводе в Казань. Он писал: «...я плохо переносил сырой и нездоровый для меня климат Петербурга, обучаясь там в Военно-медицинской Академии, потому я перевелся в Юрьевский университет, где климат мало разнится от петербургского и вредно влияет на мое здоровье, привыкшее к континентальному, сухому климату...». Его просьба была удовлетворена.

¹ Издание Калмыцкого книжного издательства – не репринтное (*примеч. ред.*)

Так в январе 1910 года Эренжен Хара-Даван оказался в Казани, на четвертом курсе медицинского факультета Казанского университета. Сюда он был зачислен с обязательством в течение двух месяцев сдать экзамен по фармакологии, который не был им сдан в Юрьеве. Надо думать, что Эренжену пришлось немало потрудиться для сдачи фармакологии, ведь принимал этот экзамен тогда на факультете старый заслуженный профессор И. М. Догель, знаменитая личность и строжайший экзаменатор, требовавший от своих студентов обширных знаний: он, например, мог попросить экзаменующегося назвать координаты того или иного города, так как считал, что медик обязан хорошо знать климатологию и, соответственно, географию. Здесь, в Казани, Хара-Даван прожил более полутора лет, усердно штудировав медицину, но не только медицину: город, где сходились, переплетаясь, традиции Востока и Запада, может быть, впервые заронил интерес к истории в душе молодого медика. Во всяком случае, много лет спустя, уже в эмиграции, он цитировал труды некоторых казанских историков-востоковедов, имена которых впервые услышал в Казани – Франца Эрдмана, И. Н. Березина и других. Окончив курс в Казанском университете и сдав государственные экзамены, Хара-Даван осенью 1911 года покидает Казань. Он отправляется в родную Калмыцкую степь, чтобы сразу оказаться в центре ее бед и проблем: два года – 1911 – 1912 – он провел в калмыцких и казахских степях, сражаясь со страшными эпидемиями холеры и чумы...

Личное дело студента Казанского университета Хара-Давана в ЦГА Республики Татарстан хранит целый ряд интересных для его биографов документов – о его рождении, его родителях, его настоящей фамилии, аттестат зрелости Астраханской гимназии, прошение ректору Казанского университета от Хара-Давана о принятии в число студентов, переписку ректоров Казанского и Юрьевского университетов о Хара-Даване, студенческие документы Эренжена Даваевича, а также фотографию гимназических лет.

1996 г.

ЭРЕНЖЕН ХАРА-ДАВАН И ЕГО ВЗГЛЯДЫ ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ ВОПРОСУ

1.

Эренжен Хара-Даван долгие годы посвятил изучению личности Чингисхана.

Эренжен Хара-Даван (Эренжен Даваевич Даваев) родился в 1885 году в Малодербетовском улусе Калмыкии, в семье батрака¹. Его отца звали Дава Аршиев, за смуглость кожи он получил прозвище «Хара» («черный»), отсюда и фамилия сына – Хара-Даван (так он стал подписываться, уже став студентом, до 1908 года в его документах значилось «Эренжен Даваев»). Общественный фонд, созданный для поддержки детей бедняков-калмыков, оплатил учебу маленького Эренжена в улусной школе (так как его семья не имела средств). За выдающиеся способности он был направлен после школы в Астраханскую гимназию. В годы учебы в гимназии Хара-Даван познакомился с русским востоковедом А. Рудневым, который собирал калмыцкие песни. Под его влиянием сам стал интересоваться фольклором калмыков и собирать песни, сборник которых подарил Рудневу, когда по окончании гимназии в 1906 году приехал в Санкт-Петербург. Хара-Даван учился сначала в Санкт-Петербургской Военно-медицинской академии (обучение оплатил отец его друга, богатый скотовод-калмык Дорджи Балзанов). В Петербурге он сближается с другими студентами-калмыками; а их, помимо него, училось в Петербурге всего четыре человека; трое – Бадма Уланов, Санджи Баянов, Дорджи Манджиев на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета и один – Ноха [Номто] Очиров – на востоковедческом. Они встречаются с либеральными профессорами-востоковедами, которые видят в

¹ Биографию Хара-Давана см. Е. С. Лазарев. Харизматическое бремя популярного мифа // Чингисхан и его наследие. М., 2008

них зародыш национальной калмыцкой интеллигенции и всячески им покровительствуют. Студенты-калмыки пытаются литературно переложить народный эпос «Джангар» (который был записан Нохой Очировым), спорят о политике, просвещении калмыцкого народа¹. В этот период формируются политические взгляды Хара-Давана, он становится национал-демократом, ориентирующимся на партию кадетов. Как он объяснял потом свой выбор, его, как и других «инородцев», привлекли у кадетов осуждение русификаторской политики правительства и лозунги национальной автономии для некоторых нерусских народов. Впоследствии с Бадма Улановым они создадут калмыцкую национальную организацию «Знамя калмыцкого народа» («Хальмг Тангачин туг») — секцию Всероссийского союза учителей.

* * *

Проучившись четыре года в академии, Хара-Даван написал заявление с просьбой о переводе на медицинский факультет Юрьевского (Дерптского) университета, в связи с вредом для его здоровья петербургского климата. В 1910 году он переводится из Дерпта на медицинский факультет Казанского университета (где обязанности оплачивать его учебу взяло на себя государство; в связи с этим Хара-Даван называли «стипендиатом калмыцкого народа»)². После получения в Казани диплома врача и степени доктора³ медицины (в дальнейшем все свои произведения он подписывал доктор Э. Хара-Даван, в связи с этим некоторые современные биографы ошибочно называют его «доктором исторических наук»), он вернулся на малую родину и занимался врачебной деятельностью в Малодербетовском и Манычском улусах. Надо заметить, что врач-калмык тогда не просто был редкостью, Хара-

¹ Л. С. Бурчинова. Послесловие // Чингисхан как полководец и его наследие. Элиста, 1991. С. 213 - 214.

² С. Мальшева. Евразиец Хара-Даван: казанская страничка. <http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine>

³ Степени доктора медицины Э. Хара-Даван не имел (*примеч. ред.*).

Даван был первым калмыком, который получил высшее медицинское образование. Это не только привлекало к нему интерес, но и давало ему преимущество: он знал калмыцкий язык и мог свободно общаться с пациентами. Работал Хара-Даван самоотверженно: в 1911 – 1912 годах в Калмыкии разразилась эпидемия холеры и чумы, и он участвовал в борьбе с нею.

После Февральской революции 1917 года Хара-Даван активно занимается политикой, участвует в съездах калмыцкого народа, работе новых органов власти, пропагандирует идею автономии калмыков в составе новой демократической России. Убедившись, что Временное правительство не собирается предоставлять калмыкам автономию, примкнул к большевикам. После Октябрьской революции Хара-Даван был делегирован Советом депутатов Малодербетовского улуса на съезд «трудового калмыцкого народа Прикаспийского края». Весной 1918 г. Хара-Даван возглавил Калмыцкую секцию исполкома Астраханского губернского совета. Однако вскоре наметились и разногласия с большевиками. Хара-Даван выступил против экспроприации скота у зажиточных калмыков и против социализации земли калмыков, что вызвало неудовольствие новой власти. Когда же выяснилось, что губисполком не торопится выполнять обещание дать автономию калмыкам, Хара-Даван порывает с Советской властью и вступает в армию Деникина. Вместе с белыми он воюет, затем отступает до Крыма, а оттуда эмигрирует сначала в Турцию, а потом в Европу.

В эмиграции Э. Хара-Даван обосновался в Праге, где вел активную научную, публицистическую и общественную деятельность. В Праге оказалось некоторое количество представителей калмыцкой интеллигенции и простых калмыков – бывших участников белого движения, примерно около 50 человек¹. Они составили маленькую, но сплоченную общину. Многие калмыки бедствовали, не могли найти работу и пропитание, не зная ни чешского, ни русского языков. По инициативе Б. Уланова была создана Комиссия калмыцких

¹ Об эмигрантской диаспоре калмыков см. работу: У. Б. Очиров. Калмыкия в период революции и Гражданской войны: 1917 - 1920 гг. Элиста, 2006.

культурных работников (КККР), которая объявила своей целью не только поддержку калмыков за рубежом, но и развитие калмыцкой культуры в условиях свободы от большевистской цензуры. Комиссия получила финансирование от правительства Чехословакии в рамках знаменитой «русской акции» Массарика. При поддержке чехословацкого правительства калмыцкая молодежь получила возможность учиться в вузах. Был создан пансион, в котором могли жить и получать пропитание нуждающиеся калмыки. Комиссия издавала русскую классику на калмыцком языке, учебную литературу, в частности, учебники калмыцкого, выпускала ряд журналов на калмыцком и русском языках, в которых печатались материалы по истории калмыцкого народа, истории Гражданской войны, фольклору калмыков («Ойрат», «Улан Залат», «Хонхо»). Хара-Даван принимал активное участие в работе комиссии. Журнал «Ойрат» был организован студентами-калмыками под непосредственным руководством Хара-Давана и на его личные денежные средства¹. Пражская КККР сотрудничала с общиной калмыков в Париже, где выходил самый известный калмыцкий эмигрантский журнал – «Ковыльные волны», и с белградской диаспорой. В изданиях калмыцкой диаспоры Э. Хара-Даван раскрывается как публицист, специализирующийся на национальной тематике (там были опубликованы такие его статьи, как «К вопросу о национальном объединении» // Ойрат; «Пути решения национальной проблемы» // Улан Залат, № 3).

Хара-Даван в отличие от других представителей калмыцкой интеллигенции (прежде всего, кругов национал-демократической организации «Хальмг Тангачин туг», у истоков которой, вспомним, он некогда стоял) не был настроен к Советской власти враждебно. Он приветствовал создание Калмыцкого автономного округа² в СССР, мероприятия по культурной революции среди калмыков. В 1920-х годах Хара-Даван даже пытался вести переговоры с руководством

¹ Эльза Баур-Гучинова. Улица Kamuk Road. История, культура, идентичность калмыцкой общины США // http://www.elzabair.ru/cntnt/lmenu/knigi/kalmuk_roa.html

² В 1920 г. была образована Автономная область калмыцкого народа (*примеч. ред.*).

Калмыцкого автономного округа о возможности вернуться в СССР и включиться в жизнь Советской Калмыкии, но затем отказался от этой мысли. Вероятно, сыграло свою роль и то, что Хара-Даван при всех своих просоветских настроениях так и не стал марксистом и оставался глубоко верующим буддистом-ламаистом (кроме того, вскоре выяснилось, что некоторые решившиеся вернуться калмыки-эмигранты были расстреляны в СССР по обвинению в шпионаже).

В 1922 году вышла в свет книга монголоведа Б. Я. Владимирцова «Чингис-хан», которая не только привлекла внимание Хара-Давана, но и вдохновила его на исследования в области истории монголов (которые потом и прославят его имя). В это же время Хара-Даван начинает интересоваться трудами евразийцев (Н. С. Трубецкого, П. Н. Савицкого, Г. В. Вернадского), в которых впервые предлагалось понимание России не как европейской, а как евразийской державы и отмечалось культурное влияние на Россию и русских народов Турана и в том числе монголов. Хара-Даван их внимательно штудировал (впоследствии в трудах Хара-Давана будут обильно цитироваться работы теоретиков евразийства). Особенно сильное впечатление на него произвели книги князя Трубецкого. Хара-Даван признавался, что после прочтения его «Европы и человечества» он избавился от гипноза европоцентризма (сыграло свою роль и чтение Шпенглера).

К его счастью, познакомиться с самими евразийцами было легко. Один из лидеров и идейных вождей евразийства П. Н. Савицкий также жил в Праге (где он оказался также по «русской акции» Массарика). В Праге же жил и историк Г. В. Вернадский, который разрабатывал евразийскую концепцию русской истории и писал об относительно положительном значении вхождения Руси в государство Чингизидов¹. Кроме того, Вернадский участвовал в «Кондаковском семинарии» (затем кондаковском институте) – объединении русских историков, оказавшихся в эмиграции, а среди этих историков было немало тех, кто профессионально занимался историей кочевников

¹ *Вернадский Г. В.* Монгольское иго в русской истории; *Вернадский Г. В.* Евразийское начертание русской истории.

(в частности, Н. Толль, автор брошюры о скифах и гуннах). Все это предопределило сближение Хара-Давана с евразийцами.

Нам неизвестно, когда Хара-Даван познакомился с Савицким лично. Первая его публикация в «Евразийских изданиях» появилась достаточно поздно (Э. Хара-Даван. Евразийство с точки зрения монгола // Евразийская хроника. Выпуск 10. Париж, 1928). Но, безусловно, ей предшествовало некоторое общение Хара-Давана с Савицким, который всегда проявлял живой интерес к людям, неравнодушным к евразийству (кроме того, сыграла свою роль и национальность Хара-Давана: евразийцев давно упрекали, что они прославляют Туран и Чингисхана, а в их рядах одни русские и украинцы, их не мог не подкупить интерес к евразийству степняка-калмыка). Хара-Даван же не просто высоко ценил исторические труды евразийцев, он вскоре объявил и о своем согласии с политической программой евразийского движения. В ней его привлекло признание принципа федерализма, автономности жизни нерусских народов в составе России. Начав свой путь как национал-демократ и пройдя через национал-коммунизм, Хара-Даван в конце концов пришел к евразийству.

В 1927 году, в год 700-летия смерти Чингис-хана, Хара-Даван решает, что собрано уже достаточно материала, чтобы начать писать книгу о великом полководце. Параллельно с книгой он пишет доклад на ту же тему, где кратко изложены основные тезисы книги. С данным докладом Хара-Даван выступил в 1928 году в Белградском университете¹. В следующем 1929 году Хара-Даван переезжает в Белград. Есть сведения, что он там преподает в Белградском университете, но они непроверенные. В 1929 году он выпустил в Белграде за свой счет главный труд своей жизни – книгу «Чингисхан как полководец и его наследие», которая была многократно переиздана уже после смерти Хара-Давана, и отношение к ней диаметрально противоположное. Одни, например, Д. Тараторин, объявляют ее гениальным историческим трудом, другие, как С. Земляной, вовсе отказывают ей в оригинальности и научном значении

¹ Об этом сообщает сам Хара-Даван в предисловии к книге о Чингисхане.

и объявляют лишь фактом этнического самосознания Хара-Давана, упирая на то, что книга компилятивна – военный раздел, по признанию автора, написан английским специалистом по военному делу, основные идеи принадлежат евразийцам¹. Истина, как всегда, посередине. Хара-Даван не был профессиональным историком с соответствующим образованием, напомним, он был врачом по специальности. В книге он не скрывает того, что исходит из концепции Трубецкого и Савицкого, и обильно цитирует их, особенно первого. Действительно, раздел, посвященный военному делу монголов, компилятивен, как говорилось, Хара-Даван это и не скрывал. В то же время в книге есть интересные материалы, собранные Хара-Даваном в библиотеках, удачные обобщения и оригинальные выводы, а главное, это был действительно взгляд с Востока, точка зрения человека, который сам имеет опыт кочевой жизни. Книга выдержала научное рецензирование – ее прочитал видный монголовед В. Котвич. Она не прошла незамеченной для профессиональных историков, на нее неоднократно ссылается Г. В. Вернадский в фундаментальной монографии «Монголы и Русь». По сообщению С. Лаврова уже в 1960-х годах в Америке Г. В. Вернадский замечал, что из монографий о Чингисхане может выделить лишь книгу Хара-Давана². Э. Хара-Даван высылал эту книгу такому тонкому знатоку Востока, как Н. К. Рерих, который также высоко отозвался о ней: «В свое время я был рад получить книгу доктора Хара-Давана о Чингис-хане. Автор сам принадлежит к народам Востока, и потому его проникновенные оценки еще более убедительны. Он знает, о чем говорит»³. Хара-Даван как историк явно заинтересовал Рериха. В 1953 г. в письме к Г. В. Вернадскому в США Рерих спрашивает: «Не знаете ли, что случилось с доктором Хара-Даваном?» – и ссылается на его книгу⁴.

¹ С. Земляной Цветок в букете. НГ-*exlibris*. № 15 (235) от 25.04. 2002 http://exlibris.ng.ru/history/2002-04-25/5_bouquet.html

² <http://gumilevica.kulichki.net/LSB/lb1080.htm>

³ Н. К. Рерих. Дары Востока (Листки дневника) Т. 1 // <http://lib.icr.su/node/532>

⁴ К. Н. Яцковская. Живое наследие // <http://grani.agni-age.net/articles6/yatskovskaya.htm>

Хара-Даван продолжает также писать статьи и печатает их в евразийских изданиях (в 1931 году выходит его статья «О кочевом быте» в сборнике «Тридцатые годы»), а также в других изданиях русской диаспоры (в 1932 году в парижском сборнике «Утверждения» вышла его малоизвестная статья «Национальный вопрос», в 1933 в издании «Вольное казачество» (№128) статья «История национального вопроса»). В его статьях чувствуется его медицинское образование, так, он много пишет о здоровье степных народов, об их антропологическом типе и т. д. Он поддерживает переписку с лидером евразийства Савицким (в архиве Савицкого, который теперь хранится в ГАРФ в Москве, есть письмо Савицкого к Хара-Давану от 24 марта 1929 года¹). В евразийском движении он сближается с К. А. Чхеидзе, и они получают даже прозвище «азийцев» за страстную апологию нерусских народов.

Не прекращает Хара-Даван и деятельности как активист калмыцкого национального движения. В селе Мали-Мокри-Луг (пригороде Белграда) имелась самая большая в Европе колония российских калмыков² численностью более 400 человек (из около 1200 калмыков во всем зарубежье)³. Хара-Даван принимает активное участие в жизни общины калмыков в Югославии (и описывает ее, в пражском издании КККР в 1930 г. вышла его статья «Калмыки в Югославии»). Он становится секретарем духовно-попечительского совета по строительству буддистского храма (хурула) в Белграде, занимается сбором денег для этого по всей Европе. Храм был окончательно достроен и освящен в 1929 году (это тогда был единственный буддистский храм в центральной Европе). Н. К. Рерих прислал по этому случаю приветственное письмо и священные изображения для храма из Тибета, Монголии и Индии.

¹ ГАРФ, Ф. 5783 (Савицкий П. Н.). Оп. 1. Ед. хр. 364. Л. 196.

² см. Алексей Арсеньев. Жизнь русских эмигрантов в Сербии // <http://www.newreviewinc.com/?q=node/32>

³ см. Эльза Баир-Гучинова. Улица Kamuk Road. История, культура, идентичность калмыцкой общины США // http://www.elzabair.ru/cntnt/lmenu/knigi/kalmuk_roa.html

Буддистская община Токио прислала медную¹ статую Будды. При храме действовала школа, где обучали детей калмыцкому языку. Он продолжает активно публиковаться в калмыцких изданиях, в 1930-е годы вышли его программные статьи, например, «О наших национальных задачах» // Ковыльные волны, Париж, 1930, № 1.

Также в 1930-е годы Хара-Даван вместе со своими земляками и донскими казаками (в годы гражданской войны калмыки воевали в казачьих кавалерийских частях) вынашивал планы переселения калмыков и казаков, живших в Югославии, в Мексику и в Техас, где на степных просторах калмыки могли бы вести привычную им жизнь скотоводов. Для этого он вошел в состав Казачьего колониационного комитета. Но планы эти не осуществились.

Умер он в 1942² году в Белграде.

2.

Наследие Хара-Давана стало приходить к российскому читателю лишь в годы перестройки. Причем приходить очень избирательно. Его книга о Чингисхане была переиздана несколько раз: в Элисте в 1991 году (с послесловием Л. С. Бурчиновой), в Алма-Ате в 1992 (с предисловием Л. Н. Гумилева и В. Ю. Ермолаева), в Москве в 1996 году в составе книги «На стыке континентов и цивилизаций... Из опыта образования и распада империй X–XVI вв.» (перепечатка с алма-атинского издания), в Москве в 2002 году в составе книги «Русь монгольская. Чингисхан и монголосфера» (с предисловием Тараторина и заключительной статьей Дугина), наконец, в Москве в 2007 году (книга «Чингис-хан и его наследие» с предисловием Лазарева). Другим произведениям Хара-Давана повезло меньше: в наши дни перепечатывалась лишь его статья «Евразийство с точки зрения монгола» из «Евразийской хроники» (в книге «Русь монгольская. Чингисхан и монголосфера»). Статьи из других евразийских изданий, из других русских эмигрантских газет и журналов,

¹ По другим сведениям – бронзовую (*примеч. ред.*).

² По уточненным данным – в 1941 г. (*примеч. ред.*).

наконец, из калмыцких эмигрантских журналов не переиздавались и известны лишь специалистам по калмыцкой эмиграции. В итоге сложился неверный образ Хара-Давана как историка монгольского Средневековья, тогда как на самом деле при всей важности для Хара-Давана проблемы Чингисхана она все же для него вторична. Первичной же была борьба с европоцентризмом, реабилитация кочевых народов и их культур и дальнейшая судьба калмыцкого народа.

Хара-Даван был подлинным национальным интеллигентом. Сын батрака из Калмыцкой степи, получивший образование за счет фонда поддержки детей-калмыков и пожертвований земляков и ставший интеллектуалом европейской выучки, он никогда не терял любви к своему родному народу. В нем жили гордость за его прошлое, боль за его настоящее и надежда на его лучшее будущее. Обучаясь в гимназии и университете, он внутренне протестовал против европоцентристских стереотипов, которые тогда считались самоочевидными истинами. Зная жизнь народов степи, всем сердцем любя их быт, легенды и сказания, культуру, он не мог смириться с примитивными обвинениями скотоводов-кочевников в варварстве и дикости и с отождествлением цивилизации лишь с культурами оседлых народов. А именно такие суждения он слышал и за гимназической партой, и на студенческой скамье, и именно они были теоретической основой политики русификации со стороны правительства Российской империи. Имперские власти не скрывали, что считают русский народ высшим, развитым, европейским, а кочевников-инородцев – дикарями, и потому объявляли благом для инородцев приобщение к русской культуре и, как результат, обрусение¹. К русским демократам-кадетам Хара-Давана подтолкнул тот факт, что кадеты выступали против на-

¹ См. доклад министра народного просвещения Д. А. Толстого «О мерах с образованием населяющих Россию инородцев» (1870 г.), легший в основу политики Министерства просвещения, где прямо говорится о том, что обучение на национальных языках должно вестись только до тех пор, пока инородцы не овладеют русским языком // <http://www.detskiysad.ru/raznlit/istped012.html>

сильственной русификации. Лидер правых кадетов П. Б. Струве выступал за создание равных условий для культурного развития всем народам империи. Но при этом и он считал, что окончательная судьба всех нерусских народов империи (кроме финнов-суоми и поляков) – обрусение, только Струве был убежден, что нужно доказывать преимущество русской культуры, стремиться к победе русской культуры над другими в ходе честной равноправной конкуренции. Струве был либерал, а либерализм – западническая европоцентристская парадигма. Конечно, такая постановка вопроса не могла удовлетворить Хара-Давана.

Э. Хара-Даван и на сторону большевиков встал потому, что те обещали прекратить русификацию и предоставить нерусским народам, в частности калмыкам, свободу культурного развития. Хара-Даван никогда не был сепаратистом и не выступал за отделение Калмыкии от России (в отличие от активистов «Знамени калмыцкого народа», которые в эмиграции отстаивали идеал обособленной от России Кавказской Федерации с Калмыкией как равноправным членом). Хара-Даван не отождествлял политический и культурный суверенитет и считал, что раскрытие культурного потенциала калмыцкого народа возможно и в составе России, но при условии ее федеративного устройства. Но вскоре он обнаружил, что коммунизм, как и либерализм, – западническая европоцентристская идеология, для которой кочевые народы – дикари и варвары, которых нужно цивилизовать и просвещать. Именно это, а не политические разногласия оттолкнуло его от большевиков.

Мучительные поиски третьего пути между либерализмом и коммунизмом закончились, когда Хара-Даван открыл для себя евразийство. Как уже говорилось, решающее значение для него имели аргументы Н. С. Трубецкого из книги «Европа и человечество». Трубецкой там остроумно и убедительно доказывал, что нет никаких научных рациональных оснований для того, чтобы объявлять ценности западной европейской культуры высшими и универсальными, общечеловеческими. Они не выше и не ниже ценностей других культур – российской, азиатской, африканской и т. д. Человечества не существует как единой культурной целостности, человечество – сумма локальных культур. Любые критерии, вырабатываемые в

рамках одной культуры, не годятся для других. Конечно, с точки зрения европейцев европейская культура выше африканской, поскольку они прилагают к африканской культуре критерии развитости, разработанные самими европейцами. Но точно такую же операцию могут произвести и африканцы, и тогда окажется, что с их точки зрения африканская культура выше европейской. Как видим, отсталость культуры – лишь результат эгоцентрического мировосприятия, присущего каждой культуре, в особенности европейской.

Каждая культура имеет свой путь развития. Таким образом, не существует и единой «столбовой» дороги общечеловеческого прогресса; у каждой культуры – свой путь прогресса и прогресс одной культуры может казаться представителям другой культуры регрессом и застоєм в силу различных критериев оценки.

П. Н. Савицкий дополнил это учение концепцией месторазвития, согласно которой каждая культура приспосабливается к той территории, на которой она возникла и развивается, к своему географическому миру. Так образуется своего рода синтез природы и культуры, причем, видов этого синтеза может быть множество¹. Так, оседлые народы приспособились к условиям леса и равнины, занимаясь там охотой и сельским хозяйством. Кочевые народы приспособились к условиям степи, где невозможно выращивать хлеб, но зато можно пасти животных и питаться их мясом и молоком. Культура и быт кочевников не хуже и не ниже культуры и быта оседлых народов, они просто иные (Савицкий охарактеризовал этот тип культуры как «конно-железную культуру»²). Кочевые культуры играют очень важную историческую роль, например, осуществляя торговые, культурные и политические контакты между живущими вдалеке друг от друга оседлыми народами. Большое и до сих пор недооцененное значение имеют создаваемые кочевниками государства – степные империи (вроде империи Чингисхана).

¹ См. Савицкий П. Н. Россия – особый географический мир. Прага, 1927.

² См. Савицкий П. Н. О задачах кочевниковедения (почему скифы и гунны должны быть интересны для русского?). Прага, Евразийское книгоиздательство, 1928.

Хара-Даван в своих евразийских статьях («Евразийство с точки зрения монгола», «О кочевом быте») и особенно в книге «Чингисхан как полководец и его наследие» развивал эти взгляды. В сущности, книга о Чингисхане – не столько историческое исследование, сколько попытка реабилитации образа Чингисхана в глазах европейского и русского общества, которое до сих пор подвержено «черному мифу» о предводителе монголов (хотя, как мы уже говорили, книга не лишена и определенного научного значения). Не случайно в библиографии книги нет ни одного нового источника, монгольских летописей, лишь работы русских и западных востоковедов и историков и труды евразийцев.

Как участник евразийского движения Хара-Даван главным образом интересовался национальным вопросом. И тут его как национального интеллигента, прежде всего, волновали вопросы будущего калмыцкого народа (и других народов России) в условиях постсоветской евразийской России. Хара-Даван вместе с К. Чхеидзе занимал особую позицию по проблеме федеративного устройства России. Все евразийцы были сторонниками федерации и мыслили строй будущей постбольшевистской евразийской России как федеративный. Но по вопросу характера этой федерации у них были разногласия. Г. В. Вернадский и Н. Н. Алексеев считали, что федерация должна строиться по географическо-экономическому принципу, то есть субъектами Евразийской Федерации, по их мнению, должны быть области без учета границ между этносами. В рамках этого проекта предполагалась постепенная ликвидация союзных и автономных республик и национальных округов СССР по мере того, как сепаратистские настроения времен Гражданской войны (которые их собственно и породили) пойдут на убыль в результате совместной жизни в одной федерации и действия евразийской пропаганды. Лидеры движения – П. Н. Савицкий и Н. С. Трубецкой занимали иную, более гибкую позицию. Они также предлагали сделать субъектами федерации географическо-экономические области, но внутри них хотели учредить самоуправляющиеся автономные единицы, совпадающие с тем или иным этносом. Как отмечает Ч. Г. Сангаджиев, это были бы «национальные республики

без территориального суверенитета»¹. Наконец, еще более мягкой была позиция нерусских членов евразийского движения, «азийцев» Чхеидзе и Хара-Давана. Они выступали за сохранение советской модели этнофедерализма с ликвидацией не национально-территориальных, а наоборот, административно-территориальных образований (возможно, с преобразованием центральных областей в Русскую республику) и за более мягкий принцип объединения республик, который был ближе к конфедерации, чем к федерации.

Более полно взгляды Хара-Давана по национальному вопросу изложены в одноименной статье, которая была опубликована в 1932 году в парижском журнале «Утверждения».

3.

«Утверждения» – парижский журнал на русском языке, учрежденный идеологом эмигрантского национал-максимализма князем Георгием (Юрием) Алексеевичем Ширинским-Шихматовым (1890 – 1942). Ширинский-Шихматов был весьма колоритной фигурой. Выходец из знаменитого и древнего русского дворянского рода (у истоков которого стоял принявший православие крымскотатарский аристократ, потомок чингизидов), сын камергера императорского двора и обер-прокурора Синода, один из первых русских авиаторов, участник первой мировой войны, участник белого движения, в Париже он был вынужден зарабатывать себе на жизнь как шофер такси. Однако на свои скудные сбережения он начал выпускать журнал «Утверждения», который по его мысли должен был объединить все пореволюционные группировки эмиграции и впоследствии собрать вокруг этого журнала Пореволюционный клуб (как и случилось). Пореволюционными в эмиграции называли общественно-политические группировки и направления, которые, отрицая коммунизм и марксизм, признавали определенную социальную правду Октябрьской революции и советского строя и

¹ Сангаджиев Ч. Г. Проблема целостности России в воззрениях эмигрантов-евразийцев (1921 – 1938). Автореф. ...дисс. канд. ист. наук. Ставрополь, 2009. С. 30.

поэтому выступали против абсолютной реставрации в посткоммунистической России дореволюционных порядков. К пореволюционникам относили национал-большевиков, евразийцев, младороссов, «новоградцев». Ширинский-Шихматов представлял идеологию, которую он сам создал и назвал национал-максимализмом. Суть ее состояла в синтезе идей российского великодержавия и элементов христианской демократии и социального государства. Ширинский-Шихматов считал, что революция только начата большевиками и что закончить ее суждено пореволюционникам, важную роль среди которых будут играть национал-максималисты. В руководство учрежденного им союза национал-максималистов входил сын террориста Бориса Савинкова Лев Савинков (1912 – 1987), его пасынок (Ширинский-Шихматов вторым браком был женат на вдове Бориса Савинкова Евгении Ивановне Савинковой, урожденной Зильберберг).

Ширинский-Шихматов принимал участие в оборонческом движении, выступал против немецкого национал-социализма, разоблачая его экспансионистские планы по отношению к России. После оккупации Парижа вермахтом отказался сотрудничать с немцами, был арестован гестапо и помещен в концлагерь Освенцим, где был расстрелян в 1942 году за то, что вступился за избиваемого охраной другого заключенного.

Ширинский-Шихматов сотрудничал с евразийцами, сам печатался в евразийских изданиях и помещал статьи евразийцев (П. Савицкого, Н. Алексеева) в «Утверждениях». В № 1 за 1932 год была опубликована статья евразийца Хара-Давана «Национальный вопрос».

В ней Хара-Даван утверждает, что национальный вопрос представляет собой главный вопрос политической истории. По сути, вся она сводится к борьбе наций друг с другом. История есть борьба наций, а не борьба классов, как считает марксизм, или борьба рас, как считает национал-социализм. Причем, нации Хара-Даван понимает примордиалистски и отождествляет их с этносами, не видя принципиальной разницы между этносами древности и средневековья и новоевропейскими и современными нациями (впрочем, в 1932 году, когда была написана статья, это было повсемест-

ное убеждение). В национальном бытии для Хара-Давана гораздо важнее признак культуры, чем признак «крови», расовые и антропологические отличия он объясняет рационально, через влияние климата и географии.

В результате борьбы народов образовались большие империи, где нации более сильные подчинили себе и угнетают нации более слабые (Османская империя, Австро-Венгерская империя, Британская империя, наконец, Российская империя). Целью таких имперских наций по Хара-Давану была полная ассимиляция включенных в орбиту имперского строительства народов. Но действие породило противодействие, угнетение слабых наций со стороны сильных привело к тому, что слабые нации объединили свои усилия и свергли имперское иго. Начало XX века стало эпохой разрушения империй и доминирования национальных государств. Распались Австро-Венгерская, Османская империи, закачалась Британская империя. Российская империя оказалась на полпути к распаду, отдельные ее народы обрели свои национальные государства в годы Гражданской войны, но государства эти, войдя в СССР, фактически утратили свой суверенитет.

Однако история народов развивается, по Хара-Давану, согласно формуле гегелевской триады. Эпоха старых империй была тезисом, эпоха национальных государств стала антитезисом, но теперь наступает время синтеза. Таким синтезом станет эпоха государств-федераций или конфедераций, свободных взаимовыгодных союзов национальных государств, образовавшихся после распада империй, но продолжающих сохранять культурные и экономические связи. Такие межгосударственные союзы имеют все достоинства империй (выгоды от объединения в сфере безопасности, внутренней политики, экономики), но лишены их недостатков (диктат одной нации над другими). СССР Хара-Даван считал неким промежуточным образованием, напоминающим и империю классического типа, и федерацию национальных государств, и мечтал о преобразовании его в такой союз («Соединенные штаты России»). Основой такого союза народов должна, по Хара-Давану, стать общая идея.

Как видим, проект трансформации СССР в этнофедерацию или даже этноконфедерацию, который отстаивал Хара-Даван, полемичен.

зируя с другими евразийцами, имел своей базой у калмыцкого евразийца своеобразную историософскую концепцию.

Конечно, по прошествии 80 лет взгляды Хара-Давана по национальному вопросу представляются уязвимыми для критики. Так, современные этнологи-конструктивисты при всей сомнительности их радикальных выводов все же доказали, что есть качественное отличие между этносами средневековья и нациями Нового времени. Среди философов культуры является общим местом различие империй восточного типа, где власть принадлежит не представителям одной нации, а правящей элите, куда инкорпорируются представители разных народов по идеологическим признакам, и империй западного типа, где действительно осуществлялась эксплуатация по национальному признаку. В этом смысле Османская да и Российская империя вовсе не империи соответственно турецкого и русского народов, в элите Османской империи мы видим немало принявших ислам славян и греков, в элите Российской империи – грузин, обрусевших татар, армян и т. д.

Но при всем при том работы Хара-Давана по национальному вопросу не утратили актуальности и некоторого научного значения до сих пор и способны помочь нам в осмыслении соответствующих проблем, стоящих перед нашей Родиной и сейчас.

*Н. Ням-Осор,
ректор Государственного университета,
глава академии кочевой цивилизации,
доктор, профессор.*

О ЗНАМЕНИТОЙ КНИГЕ ЭРЕНЖЕНА ХАРА-ДАВАНА И ПРЕДПОЧТЕНИИ ДОКЛАДА ХАНУ ВСЕЛЕННОЙ ЧИНГИСУ

В Монголии печальная дата – 840-летие со дня смерти Чингисхана – отмечена рядом мероприятий государственного масштаба. В этой связи хотелось бы читателям рассказать о труде выдающегося представителя калмыцкой интеллигенции, врача Эренжена Хара-Давана «Чингис-хан как полководец и его наследие». Это одно из

первых и лучших творений о Чингис-хане, которое было впервые переведено на монгольский язык благодаря стараниям и кропотливой работе переводчика Чойнзонгийн Баатара. Внимательный и благодарный читатель, взявший в руки эту книгу, по достоинству оценит значимость этого бесценного труда.

Книга, изданная в 1929 году в Белграде небольшим тиражом на личные средства автора к 700-й годовщине со дня смерти Чингис-хана, стала достоянием всех монголоязычных народов.

Для многих ученых и исследователей это издание послужило важным источником изучения эпохи Чингис-хана и его империи. Государственная политика России и официальные научные догмы не способствовали выходу этой книги в течение многих десятилетий, и только в начале 90-х гг. XX столетия это прекрасное произведение увидело свет. Автор с присущей ему прямоотой и правдивостью описал европейские походы Чингис-хана. Его описания деятельности великого полководца принципиально отличаются от существовавших традиционных научных и ненаучных трудов, в которых история Объединенной Монгольской империи искажалась в угоду государственным и иным интересам. В книге дан анализ вклада монголов в мировую историю.

Автор описал государственный строй Монгольской империи времен Чингис-хана, военное искусство кочевников, опираясь на летописи и документальные источники, при этом ломая устоявшиеся стереотипы и догмы. Так, например, «Чингис-хан и последующие обширные взгляды монголов в XIII в.» подполковника Российской армии Рэнка, «Лекции по истории монголов» профессора В. Котвича, личные беседы с учеными и другие редкие источники подверглись анализу в этой книге.

Время, когда создавалась эта книга, было чрезвычайно сложным в истории России и Европы. Закончилась Первая мировая война, в России в 1917 году произошла Октябрьская революция, вся культура и цивилизация Европы и России оказались в глубоком кризисе. Автор, невзирая на трудную политическую ситуацию в мире, создал свое бессмертное сочинение, где последовательно изложил свои суждения о Чингис-хане.

Годы жизни Эренжена Хара-Давана (1885 – 1941) пришлось на тяжелый отрезок времени в истории России и в целом мира. Это

был абсолютно сложный период, когда шли споры о роли Чингиса на исторической арене Монгольского государства. Эренжен Хара-Даван вел переписку с известным мыслителем того времени, профессором Жамсрангийн Цэвэном, делился мыслями, размышлениями о Чингис-хане.

По воле Вечного неба в конце XIX – начале XX века жили два великих ученых, которые смогли объективно с научной скрупулезностью изложить историю Чингис-хана, его политическую деятельность, раскрыть общественности роль монголов в развитии мировой цивилизации.

Об отношении Эренжена Хара-Давана к личности Чингис-хана можно узнать из его письма Жамсрангийн Цэвэну: «Я мечтаю поехать в Монголию вместе с девятилетним сыном Чингисом. Каким образом можно туда поехать? Жаль, что он не смог ступить на землю Монголии, родину Чингис-хана и своих предков». Наш народ с большой любовью относится к выдающемуся ученому, который первым воздал должное Чингис-хану и его великим деяниям. Он умер, так и не претворив в жизнь свою мечту о посещении монгольской земли.

Впитавший с рождения песни из эпоса о храбре Джангаре, умилявшийся колыбельными песнями монгольской матери, постигший чаяния своих отцов и дедов, замечательный интеллигент, он и через столетия будет тесно связан с Чингис-ханом и монгольскими народами. Несмотря на то, что Эренжен Хара-Даван не смог ступить на монгольскую землю, его творение, его мысли прошли сквозь времена и для монгольского народа он является проводником священной памяти о Чингис-хане и о былой мощи монгольского государства, примером патриотизма для современных монголов.

Это был великий ученый, который сделал в своей книге самое глубокое исследование правления властелина Чингиса, рьяно защищал священный мир идей великого хана. Благодаря его светлому примеру, следующие поколения ученых стали вносить свой вклад в изучение наследия Чингис-хана, признанного великим государственным деятелем тысячелетия.

Силу Вечного Неба очистивший в очах мудрости, удостоившийся милости, не смогший спасти всемирную историю от черной

погибели, доведший до вершины развития великую Монгольскую империю, заслуженный и беспомощный Чингис-хан займет свое достойное место и в будущих тысячелетиях.

Сотворивший надежную связь Шелкового пути, соединившего Европу и Азию, открывший равноправные отношения в общественной культуре, экономике, международной политике, остановивший воровство и ложь в общественном сознании, в XIII веке сделавший мир благополучным, он является великим человеком, заслуги которого ощутимы и сегодня.

Нет сомнения в том, что не потерявшая своей ценности и значения книга Эренжена Хара-Давана «Чингис-хан как полководец и его наследие» будет переиздана еще не раз.

На пороге нового тысячелетия в Монголии организован Государственный университет, в котором изучаются политическое наследие Чингис-хана и литературное наследие Эренжена Хара-Давана.

Души Властелина Чингис-хана, великого ученого Эренжена Хара-Давана, первого профессора Жамсрангийн Цэвээн навечно останутся во вселенной. Мощь Вечного Неба, пожаловавшего нам и предсказавшего наше счастливое существование, крепкие стопы монгольского народа, чтобы очи были ясными, произношу это благопожелание и преподношу это прекрасное произведение всем вам. Очень благодарен смело взявшемуся за перевод с оригинала этого произведения переводчику Ч. Баатару, самоотверженному слуге науки, известному журналисту Г. Дамбе.

Свободный перевод с монгольского языка Б. Меняева.

г. Элиста, июнь 2012 г.

II. ЭРЕНЖЕН ХАРА-ДАВАН О КУЛЬТУРНОМ ВОЗРОЖДЕНИИ НАРОДА

В наше время космополитизма и интернационализма я утверждаю ценность личности и отдельной нации, ибо убежден, что человечество еще не перешагнуло эру национальной формы бытия и в политике, и в культуре.

Эренжен Хара-Даван

ИЗУЧЕНИЕ СПОСОБОВ И ПУТЕЙ ДЛЯ КУЛЬТУРНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ КАЛМЫЦКОГО НАРОДА

С тех пор, как современные калмыки перекочевали из Алтая на юго-восток России, порвалась культурная связь с Монголией. Монголы же имели высокоразвитую культуру, на что указывают нам данные по изучению современной Монголии: Хара-Хото (экспедиция П. К. Козлова в 1907 – 08 гг.), где найдена богатейшая монгольская библиотека в одном из буддийских храмов. Кроме литературных данных, высокоразвитая культура сказалась в создании в свое время самой величайшей в истории Монгольской Империи, которую не могли бы создать дикие народы. Высокая военная организация, как и административная, есть необходимые предпосылки для создания Великих Империй.

Эти несколько строк привел я в доказательство того, что существует монгольская ветвь восточной культуры, т. к. среди некоторой группы калмыцкой интеллигенции существует мнение, что у монголов, тем самым у калмыков, не существует никакой национальной литературы.

а) Изучение всякой литературы должно начаться с изучения, собирания и систематизации народной устной и письменной литературы. В этом отношении в калмыцком народе, можно сказать, кое-что сделано. Собираение и печатание богатырского эпоса «Джангар» – 12 глав, сказок, былин, загадок и песен – ее планы – остается дополнить, сделать надлежащую выборку и в виде хрестоматий издать для прохождения в народных школах. Одна такая хрестоматия Позднеева имеется, но она неудачна для начальной школы как в смысле подбора материала, так и в смысле педагогическом. Нет грамматики калмыцкого языка для школ. Этот пробел должен быть восполнен в первую голову, т. к. предполагается, что преподавание в начальных школах калмыцкого народа будет производиться на материнском языке, согласно выводам новейшей педагогики и условиям для возрождения национальной культуры

калмыцкого народа. Для школ калмыцких необходимы калмыцко-русские словари для изучения русского языка. Таких словарей имеется 3 – 4: одни – более, другие – менее удачные.

б) Литературные данные об общем духовном развитии калмыцкого народа в его историческом прошлом и наблюдения над его современным состоянием приводят нас к интересным выводам. Хотя исторические науки доказывают и примеры отдельных народов подтверждают, что кочевой образ жизни данного народа указывает, что он находится на первобытной стадии развития, но этот закон, по крайней мере, требует исключения, т. к. монгольский народ (в том числе и наши калмыки, которые ведут скотоводческий и кочевой образ жизни) ни в коем случае нельзя отнести к группе диких или даже полудиких племен и народов.

За последнее время успехи ориенталистов по изучению восточных народов все больше и больше открывают данные, говорящие о старой культуре монголов (Чингис-хан, биография проф. Б. Я. Владимирцова, экспедиция П. К. Козлова в Хара-Хото). Судя по историческим данным европейских исследователей, полководцы Чингис-хан, Субедей-богатырь и Джебе-нойон обладали военными талантами и стратегией, равными с Александром Македонским и Наполеоном. После таких блестящих страниц, вписанных монголами во всемирную историю, причислять их и тем самым калмыков, хотя бы еще кочующих, к полудиким народам было бы абсурдом.

Кочевой образ жизни калмыков диктуется условием чистого скотоводства: он должен вместе со своими стадами менять пастбище, как это и делает англичанин в Южной Африке и американец в Аргентине, с той разницей, что калмык должен сам переселяться со своими «хошами». Эта перекочевка существует у наших смежных крестьян. Говорят, признак культурности народа – это земледельческий образ жизни. Но не везде пригодна земля для земледелия, как, напр[имер], в Астраханской губернии песчаная и солончаковая почва, что обуславливает скотоводчество с кочевым образом жизни. Там, где позволяет почва, калмыки перешли уже к

земледелию и к оседлости. По образу же жизни судить о культурности данного народа, на примере монголов и калмыков, не считаю возможным.

с) Сравнительное изучение калмыцкой литературы с таковыми же других европейских народов покажет, что это два совершенно различных течения европейской и восточной культуры. Калмыцкую литературу можно сравнивать и изучать в сопоставлении однородной культуры, восточной, как например, у бурят, других монгольских племен и т. д. Можно сказать, только одно общее с европейской, например, русской культурой, как у них [русских], так и у калмыков был изжит эпос богатырский в литературе. То, что называется романтическим периодом литературы, того вообще, кажется, в восточной литературе, как самобытное, не имеется, за исключением переводных. Во всяком случае, стараться подогнать калмыцкую литературу к фазам развития европейской литературы было бы ошибкой, ибо в мире существуют совершенно различными путями идущие две главные основные культуры – это европейская, или греко-римская, и восточная (Индия – Китай), все же остальное только их ветви.

d) Однако это не значит, что, если калмыцкая литература ветвь восточной, то только этим руслом и должна идти. Мы должны брать хорошее с двух сторон. В этом отношении калмыкам, находящимся на крайнем западе монгольских народов, нужно брать пример с народа, с нашей же расы и культуры, японцев, этой семьи народов, и они, и мы соприкасаемся с европейскими народами и их культурой, и нам нужно, как японцам, заимствовать европейскую материальную культуру и технику, а духовную сторону культуры (религию, мораль, понятия, представляющие духовную ценность, и т. д.) мы должны развивать свою, как и японцы.

Японцев обвиняют, что они взяли только европейскую материальную культуру и технику, а в душе остались азиатами; (почему не быть азиатом, если эта душа лучше европейской?). Так, например, японцы не имеют понятия о воровстве, магазины с полными товарами ни ночью, ни днем во время обеденного перерыва не за-

пирались, пока русские пленные во время японско-русской войны их не научили запираяться от европейцев. Не знают японцы в своем лексиконе ругательных слов: самое страшное – это назвать человека черепахой. Понятие о чести, долге – свято. Любовь к своему народу, уважение к старшим и т. д. – все это хорошее духовное они не бросили.

Подобным образом и таким путем должно идти дальнейшее культурное развитие нашего народа. Все, что хорошее, культурное есть, мы должны переводить на свой язык и распространять; главным образом, касающееся материальной, экономической и технической части. Все, что касается практического, полезного применения в жизни калмыцкого народа, оно и скорее привьется. Все отвлеченное, абстрактное плохо будет прививаться, да и мало полезного для реальной жизни народа. Следует печатать народные популярные брошюры и книжки, которые бы заинтересовали их, а этим достигается полезность сообщаемых знаний для народа.

е) Вопрос о национальном калмыцком шрифте – вопрос новый, с начала русской революции или, может быть, немного раньше. Вопрос этот у астраханских калмыков не вызывает никаких споров и не поднимался никогда. Главным образом этим интересуется сальская и ставропольская калмыцкая интеллигенция, которая не знает калмыцкой письменности. В чем же спор? Зачем нам говорят, чтобы мы бросили свой калмыцкий шрифт, а перешли на русскую транскрипцию? Неужели только для того, чтобы современному поколению сальских и ставропольских калмыков не пришлось изучать свою национальную письменность? Возможность последнего не могу допустить. Не могу допустить, чтобы из-за труда выучить азбуку свою, хотят применить и заменить, хотя чужой, но уже изученной. Это значит не иметь или потерять свое национальное «я».

Чем же другим объяснить такое требование? Труды выучить азбуку калмыку для одного поколения – это ничего в сравнении с тем, какие пагубные результаты последуют от этой меры для будущих поколений. Мы должны пойти тогда по пути русификации и ассимиляции с ней, потерять культурную связь с Востоком, быть отр-

занным духовно от своей древней культуры монгольской. Будущие наши поколения не могут читать монгольскую литературу. Не могу представить, какие могли бы другие причины заставить переменить свой шрифт на русский. Мы находим, что в смысле доисторическом алфавит наш как нельзя лучше выражает нашу речь. В алфавите нет никаких недостатков с точки зрения языковедения, наоборот, такая транскрипция, т. е. изображение буквами русского (почему не латинского тогда) алфавита слова калмыцкие (слова европейского наречия изображать слова восточного народа) не может заменить родного алфавита данного языка.

В калмыцком языке много звуков, которых нет в русском, следовательно, нет соответствующих букв; а там, где пытаются двумя – тремя буквами заменить одну калмыцкую, это показывает преимущество калмыцкого: так как эти буквы нельзя изобразить русскими буквами. Почему нам говорят о русском алфавите, когда если уже переходить на чужой алфавит, так такой взять, на котором пишет почти вся Европа, это латинский. Спор об алфавите, я думаю, ненужный и праздный, кто его не знает, надо выучить, стыдно, наконец, не знать своей письменности, да еще спорить, что его не нужно учить, тем более так мало тех, которые не знают его.

1925 г.

К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНОМ ОБЪЕДИНЕНИИ

Вопрос о национальном объединении всего калмыцкого народа в его этнографических границах после революции 17-го года стал в порядке дня своего разрешения и фактически сейчас уже разрешается в Советской России, но к этому разрешению оказалась не подготовленной калмыцкая интеллигенция и ее сознательная часть. Это нужно поставить в минус ей. Этот кардинальный вопрос дальнейшего бытия нашего народа интеллигенция должна была иметь разрешенным уже давно в своей программе. Вот почему сейчас объединение народа там, в Советской России, идет

так болезненно. Вопрос этот должен быть разрешен теперь же и в эмиграции нашей, и там, в калмыцком народе. Постараюсь изложить свой взгляд по этому вопросу в дискуссионном порядке в надежде, что обмен мнениями здесь поможет окончательному решению наболевшего нашего вопроса. Сперва сделаем краткий перспективный обзор исторического прошлого калмыцкого народа, очутившегося так далеко, в Европе, от великого монгольского племени в Азии.

В 1206 году на истоке реки Онона, на Курултае, все монгольские племена, в том числе и дербен-ойраты, куда входили и современные здешние калмыки, постановили объединиться и провозгласили Чингиса ханом-императором. Объединение всех монгольских племен, дотоле враждовавших между собою, было целью Чингиса, он этого достиг. Государственный гений Чингиса в этом отношении можно сравнить с гением Бисмарка, объединившего все германские племена в империю. Чингис-хан не только объединил монгольские племена в империю, но он как военный гений создал небывалую по своей территории Монгольскую Империю, упиравшуюся в Великий и Атлантический океаны, а для этого нужно было иметь свою культуру с сильной организацией как военной, так и административной, что и подтверждают нам историки. Участь Великой Монгольской Империи была такова, как Римской и Греческой, хотя и менее Великих империй.

После падения Монгольской Империи начались опять междоусобицы и раздоры между нойонами, оставшимися без вождя после смерти Чингис-хана. Эти раздоры заставили племя дербен-ойратов укочевать в Прикапийские степи в начале царствования русского царя Алексея Михайловича. При Екатерине Великой дербен-ойраты во главе с торгоутским Убаши-ханом ушли обратно в Алтай. Эта перекочевка целого народа из Азии в Европу и обратно по Великому историческому пути переселения всех народов из Азии в Европу, т. е. между Уральским хребтом и Каспийским морем – беспримерна в истории. Дербен-ойраты укочевали обратно в Алтай от притеснений русской власти, пытавшейся ограничить вольности степного народа. Современные, так называемые волж-

ские калмыки, остались на своих местах во главе с дербетскими нойонами большого и малого дербета и получили название «галмак», что значит по-татарски «остаток», что вполне объяснимо, т. к. соприкасались с татарской «Золотой Ордой».

У оставшихся калмыков раздоры не прекращались, и благодаря чему из оставшихся недовольные, очевидно, переселились в Сальский округ Донской области, где были приняты в казачество. В таком состоянии жили калмыки без всяких попыток к объединению до Русской революции 17-го года; впрочем, нужно оговориться, что попытки, если бы и были, то [им] не суждено было осуществиться, так как Россия держалась в этом вопросе по отношению к «инородцам» политики «разделяй и управляй», подобно девизам римских императоров.

Революция 17-го года уничтожила вместе с царизмом и этот лозунг по отношению к народностям и нациям бывшей России. Великая революция провозгласила лозунги: самоопределение народов; федеративное и автономное устройство каждого народа в отдельности. Этим завоеванием Февральской революции 17-го года открывается светлая будущность народа нашего в смысле политического устройства. Каково бы ни было будущее устройство России, калмыцкому народу предоставляется возможность объединения в ее этнографических границах, т. е. Астраханские, Сальские и Ставропольские калмыки могут объединиться и составить Автономную Калмыцкую область с управлением на выборных началах.

Для достижения успешного и безболезненного объединения всех калмыков необходимо сперва придти к этому же заключению интеллигенции, разбросанных частей одного народа; этого объединения до сего времени нет, между тем события идут своим чередом, и к объединению приступили калмыки в Советской России в данное время. Я со своей стороны, еще будучи студентом, пришел к твердому убеждению, что спасение калмыцкого народа и нации в ее объединении, так как в единении — сила, а может жить и развиваться только объединенный и тем самым сильный народ. Политические права, свободы не даются, а завоевываются, тем бо-

лее удерживать эти права и свободы может только объединенный и возможно сильный народ. Без политических же свобод народ не может жить и развиваться как нация, – без этого наш малый народ монгольского племени и буддийского вероисповедания, очутившийся среди бушующего кругом его славянского моря, – должен быть растворен, т. е., выражаясь научным языком, должен подвергнуться процессу ассимиляции с окружающей русской средой. Тогда калмыцкий народ как таковой должен быть уничтожен.

Наука учит (дарвинизм), а исторический опыт подтверждает, что малые народы, некультурные, экономически слабые, ассимилируются с окружающим их более сильным и культурно, и экономически народом, если этому не противопоставить свою национальную культуру и объединение. Россия в своей политике хотела возможно скорее ассимилировать инородцев и калмыков, в частности, для этого она придерживалась политики русификации через свою администрацию и в особенности через народные школы, где преподавание разрешалось только на русском языке, а не на материнском, как это было бы нужно согласно правилам педагогики. У сальских и ставропольских калмыков не преподавался даже калмыцкий язык как отдельный предмет, почему они и не знают своей письменности.

Перед калмыцкой интеллигенцией стоят два пути:

1. Отвергнуть свою калмыцкого народа самобытность, национальность и вести народ по пути скорейшей ассимиляции с русским народом: физически, путем смешения крови, усвоения быта и духовно – путем забвения своей письменности, культуры, перехода в христианство, или же:

2. Признать, что калмыцкий народ есть отдельная нация со специфическим бытом, письменностью, культурой, хотя бы не похожей на европейскую, – со своей религией, которая играет большую роль во всем укладе жизни нашего народа.

Если идти по первому пути, то не нужно объединения, автономии, письменности своей, словом, нужно продолжить по отношению ко всем частям калмыков политику царского правительства; если же признать второй путь правильным для будущности кал-

мыцкого народа, то отсюда неизбежен вывод, что для всех разрозненных частей нашего народа настал исторический момент (который больше не повторится) – объединиться в этнографических границах, а в политическо-административном своем устройстве добиться своей автономии.

Первая наша задача национальная – это объединиться при всех обстоятельствах нашему народу, и уже объединенная и с национальной автономией она может входить как часть Войска-ли Донского или быть самостоятельной автономной единицей, входя в будущий Юго-Восточный Союз. Вопрос вхождения куда-либо – это вопрос политический, а вопрос об объединении – это вопрос более важный – вопрос национальный, последний должен доминировать над всеми другими вопросами.

Политические комбинации могут меняться, смотря от времени, положения и их целесообразности для калмыцкого народа. Эти два вопроса не нужно смешивать. Главное – это национальное объединение, а будет ли калмыцкий народ как одно целое входить в Донское, Астраханское казачье Войско или будет самостоятельное казачество, или же не будет ни тем, ни другим, а будет отдельная область, входящая самостоятельно в Юго-Восточный Союз – это вопрос политической комбинации, – для правильного решения этого нужно выбрать то, что наиболее выгодно для целого объединенного калмыцкого народа, а к решению этого вопроса тоже необходимо теперь же приступить, но после решения в принципе главного вопроса об объединении.

Таким образом, я прихожу к выводу, что настал исторический момент для объединения всех калмыков в одно целое, для этого необходимо теперь же интеллигенции калмыцкой и ее сознательной части в эмиграции, и там, в Советской России, придти к тому же выводу и осуществить на деле.

Движение против объединения всех калмыков имеется среди представителей Донских калмыков; оно объясняется еще их историческими и бытовыми особенностями. Сальцы в течение сотни лет жили вдали от общей массы калмыцкого народа, постепенно теряли духовную связь, письменность и чистоту своего языка. В

бытовом отношении из скотоводческой формы перешли к смешанному земледельческо-скотоводческому [хозяйству] и из полукочевого [населения] – в оседлое. Политика русификации в этих окраинах сделала больше всего успеха, отсюда явилась потеря национального чувства. Сальцы, расположенные на территории другого народа, и будучи перемешаны в большей своей части с коренной казачьей массой, более всего подверглись процессу ассимиляции, т. е. влиянию и слиянию с окружающим оседлым и земледельческим русским населением. Объединение и культурное возрождение калмыцкого народа опять сольет сальцев в одно национальное целое.

В наше время космополитизма и интернационализма я утверждаю ценность личности и отдельной нации, ибо убежден, что человечество еще не перешагнуло эру национальной формы бытия и в политике, и в культуре. Природа не любит повторения, поэтому нет ни в растительном, ни в животном мире однообразия, а все вместе взятое есть красота и гармония. Человечество с его нациями можно сравнить с букетом из самых разнообразных цветов, который тем красивее и ароматнее, чем больше в нем красок, чем специфичнее аромат в них. Каждая нация со своей характерной физической природой, культурой, бытом, языком, даже одеждой – отдельный цветок в букете народов человечества.

1925 г.

ЕВРАЗИЙСТВО С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ МОНГОЛА

Все дореволюционные русские партии были западническими; по их взглядам, Россия была отсталым медвежьим углом Запада, а мы, монголы, и вообще народы Востока, были еще дальше от Запада, следовательно, были в их сознании некультурными полудикарями, стояли на низшей ступени культуры, с кочевым образом жизни и родовым бытом. Евразийство же — учение, возникшее не на заимствовании с Запада, каковыми были все существовавшие до сего времени учения, а на выходе России из рамок совре-

менной европейской культуры и обосновании ее на самобытности Евразии. Поэтому оно не есть партия в европейском смысле, но новое учение, появившееся как результат российских великих потрясений (европейская война и революция). Такое учение должно завоевать сердца и умы монголов, и потому, когда я прочитывал евразийскую литературу, то все ложилось на готовую благоприятную почву. Думалось, почему мы и русские так долго находились под гипнозом величия упадочной культуры Европы.

До революции из всех партий депутаты «инородцев» примыкали в Государственной Думе к партии ка-де¹ как защитнице своих интересов. Эта партия, теперь РДО, имеет в своей программе свободу народов, автономию, также и федерацию, но в своей реальной политике не могла и не хотела защитить интересы и земли кочевых народов, например, от самовольных захватов крестьянами-переселенцами, соседними селами и т. д. Это проистекало из того, что эта партия, будучи чисто западной, считала крестьянина, идущего с плугом насильно колонизовать места, населенные кочевым народом, делом «культуртрегерским» и поэтому считала нужным защищать подобные явления.

Подобного взгляда держатся и теперь не только РДО, но и русские социалистические и монархические партии, так как в основе их лежит взгляд западной культуры на нас как на народ, находящийся на низшей ступени культуры; потому нас нужно своей политикой «русифицировать», так как крестьянин с плугом стоит на ступень ближе к западной культуре, чем кочевник-скотовод — отсюда ясно вытекает для них задача всех нас как можно скорее, через русификацию, европеизовать. Заставить осесть на землю, вместо скотоводчества взяться за плуг. Затем по программе западных партий мы были обречены на пролетаризацию, и, только переварившись в фабричном котле будущего капитализма, мы можем увидеть «рай на земле». Мы, отдельные лица из монголов,

¹ Конституционно-демократическая партия (партия «Народной свободы») — (прим. сост.).

получившие образование, познакомившись со столь трудными этапами будущего развития наших народов, были подавлены: с одной стороны, авторитетностью схем развития, сочиненных европейскими учеными, а с другой стороны, участием наших народов – пройдут ли благополучно между Сциллой и Харибдой, дойдут ли до верхов европейской культуры? Я находился все время под этим гипнозом, пока не познакомился с новым учением по этому вопросу кн[язя] Трубецкого («Европа и Человечество») и Шпенглера («Закат Европы»).

В действительности ступени развития «общечеловеческой», т. е. романо-германской культуры не могут вместить в рамки своей схемы, например, всю историю монголов. Монголы со своим гениальным вождем Чингис-ханом в XIII в. вписали блестящие страницы в мировую историю. Будучи, по современным европейским учениям, на низшей ступени культуры, как кочевники с родовым бытом и скотоводы, – они создают сильную державу с хорошим административным устройством и лучшим войском в мире того времени. Европейские ученые учат нас, что в войне побеждает более культурный. Монголы в своей экспансии во главе с гениальными вождями (Чингис-хан, Джебе-нойон и Субудей) побеждают почти все народы Азии и значительной части Европы.

Таким образом, границы, начертанные кривой саблей монгольской конницы, превосходят границы, проведенные копьем македонских колонн Александра и легионов Цезаря, и пушками армий Наполеона. На основании исторической истины историки Европы должны были признать по результатам побед и достижений не знавших ни одного поражения Чингис-хана, Джебе-нойона и Субудея, еще не превзойденными до сего времени военными гениями; однако мы встречаем эгоцентризм европейцев и здесь; монгольские полководцы, завоевавшие 3/4 известного тогда света, считаются варварами.

Где же здесь историческая правда? Почему монгольские полководцы, применяющие после взятия укрепленных городов штурмом и жестокого их сопротивления террор как устрашающий метод в

войне и разрушающие крепости-города, именуются варварами, а применение в европейской войне, и в неизмеримо больших размерах, более усовершенствованных средств ядовитых газов, бацилл заразы и разрушение соборов Реймса и Лувена называются «военной необходимостью»? Мы не защищаем жестокости: мы требуем одинакового отношения к историческим фактам.

История монголов говорит, что они еще в XIII в. обладали достаточной культурой, которая дала им возможность завладеть почти целым светом, тогда известным. Что это не сходится со степенями развития европейской культуры, это показывает неверность этой схемы, а никак не дикость монголов. Верно, что монголы и по сие время кочуют, ибо занимаются исключительно скотоводством, а последним занимаются потому, что степь к этому занятию пригодна больше, чем к каким-либо другим, в том числе больше, чем, например, для хлебопашества. В таких же условиях в Канаде, Аргентине и Южной Африке англичане и американцы занимаются также в чистом виде скотоводством и также принуждены кочевать, так как скоту необходима перемена пастбища, которое он вытравил; возможно, что вместо кочевой кибитки американец имеет шатер или будку и вместо себя посылает своего пастуха, но это дела не меняет.

Таким образом, монгола жить в кочевой кибитке заставляет образ его занятия: скотоводство. Кроме того, жизнь в кибитке предохраняет от заболевания туберкулезом, как показало научное исследование антитуберкулезной комиссии института Пастера в Париже во главе с проф. И. И. Мечниковым в 1911 году.

Была произведена в громадных размерах во всем калмыцком народе реакция на присутствие в организме латентного и активного туберкулеза по способу Пирке, которая в 24 часа показывает присутствие в организме хотя бы малейшего очага туберкулеза. В то время как у народов оседлых, то есть живущих в домах, где нет того постоянного чистого воздуха, как в кибитке, — статистика реакции Пирке показывает положительную реакцию у всех лиц возрастом выше 25 лет, то есть 100 процентов, у калмыков, живущих

круглый год в кибитках, эта реакция отрицательна почти у всех, а по периферии, где калмыки зимой живут в домах, там уже эта реакция дает 80 процентов. В девственных степных условиях, на чистом воздухе в кибитке, где постоянный обмен воздуха, степняк предохранен. Он же, очутившись в городских условиях жизни, где даже наружный воздух кишит бактериями заразы, а воздух в доме никогда не может быть настолько чист, как в кибитке, – степняк заражается туберкулезом. (Проблема туберкулеза разрешима в будущем в городах-садах, а не в городах-небоскребах; и в разбросанности, а не в скученности городов).

Таким образом, и с этой точки зрения романо-германская культура с ее большими городами не может служить идеалом для степняка, живущего в кибитке. Нездоровые условия городской жизни ведут европейские народы к физическому вырождению, вот почему как защитная реакция атрофирующегося организма появилось у старейших носителей европейской культуры, англосаксов, увлечение спортом, и увлечение им захватило всю Европу.

Монгол, который проводит жизнь с 7 лет на коне и на охоте, в постоянном общении с природой, имеет здоровый и упругий организм. Общение с природой, нормальный физический труд необходимы для равномерного развития и тела, и духа, причем надо образ жизни построить на этом принципе; спорт же есть паллиатив, и то для профессионалов. В этом отношении европейская культура создала условия ослабления сопротивляемости организма, отсутствие физического труда дает условия для атрофии мышц и дегенерации организма человека, – будущая культура должна создать здоровые условия для всестороннего развития тела и духа человека; и в этом западная цивилизация привела человечество в тупик.

Для монголов, детей степи, условия городской жизни были пагубны, в особенности в переходной стадии, что также доказывают научные исследования проф. Мечникова. Характерный пример: из 11 калмыцких детей, поступивших в гимназию, окончили гимназию и университет только 30 процентов, остальные или умерли, или принуждены были покинуть учебные заведения ввиду забо-

левания туберкулезом, несмотря на то, что учились все легко, шли лучше городских товарищей. У европейцев только дети свободны от туберкулеза, а взрослые имеют все если не активный, то скрытый, латентный туберкулез, отсюда открытый путь к физическому вырождению народа. Высокой ценой, громадной жертвой сопровождается подъем по ступеням европейской цивилизации народов Европы.

Уместен здесь вопрос – стоит ли эта цивилизация таких жертв? Действительно ли эта культура ведет человечество ко всеобщей любви, а не народоненавистничеству, к братству их, а не периодическим ужасным бойням народов, к правде, а не к использованию в эгоистических, корыстных целях слабых сильными народами? Вот для того, чтобы избавиться от этих ужасов и неправды, монголы должны избрать путь, указываемый евразийцами. Их программа нам ближе: народоводительство евразийцев понятнее нам, чем народоправство с его парламентаризмом, где бы силы тратились в борьбе многочисленных партий. Первое исторически вытекает из времен Чингис-хана, а второго у монголов никогда не было.

У евразийцев у власти находится евразийский отбор (не коалиция партий, как в парламенте), – в Монгольской же империи у Чингис-хана подобно тому мы видим у власти не аристократию, не классовое представительство и не политическую партию, а особый отбор людей, удовлетворяющих известным нравственным требованиям, – эти добродетели были верность, преданность и стойкость. Чингис преследовал и никогда не допускал к власти людей с пороками: измена, предательство и трусость.

Монгольские народы и вообще народы Востока имеют очень ограниченное количество интеллигенции, и для них было бы безрассудством или большой роскошью, разделившись по несколько человек по всем европейского типа партиям, заниматься взаимной грызней, обливать друг друга ушатами грязи, называемой в Европе политической предвыборной борьбой партий, с целью получить больше голосов у неорганизованного «голосующего корпуса». При этой системе программы всех партий равняются по сознанию

и желаниям низшего слоя народа, – в то время как при единой партии, правильнее – при евразийском отборе, мы имеем равнение по желаниям интеллектуально верхнего слоя. При многопартийной системе случайное меньшинство оказывается у власти, так как большинство раздробляется на мелкие партии. В евразийском отборе «лучших» мы имеем полную концентрацию сил нации; отбор правит как действительный представитель народа, без раздробления сил в партиях.

Отбор лучших у евразийцев должен удовлетворять не только идейному содержанию евразийства, но и нравственным требованиям, подобно отбору лучших Чингис-хана. Как бы ни был велик Чингис-хан лично, один никогда, конечно, он не мог бы создать величайшую в истории империю, – он создал ее при помощи именно такого отбора людей, находящихся у власти. В то время, как один тип людей подчиняется начальнику своему из-за страха лишиться своего благополучия или жизни, а убивая или изменяя своему начальнику, думает избавиться от источника страха, другой тип людей, из которых черпал силы для правящего отбора Чингис-хан, подчиняясь своему начальнику, знал, что чрез него подчиняется следующему и так до главы государства, а сам Чингис-хан, в свою очередь, управлял народами как ставленник Бога. Вот почему эти люди были и должны быть религиозными.

Евразийцы ставят в основу своего учения религию, проведенную в жизнь, в то время как западная цивилизация произвела отрыв народа от религии. Жизнь у них противоречит религии; исключение составляет русское православие, которое в своем «бытовом исповедничестве» ближе к религиям востока, чем к западным, христианским же, как справедливо пишет митрополит Антоний. Восточные религии – буддизм и магометанство – в быте народном, и быт их в религии: вот в чем разница и преимущество духовного Востока над Западом. Не будем спорить, какая религия выше или лучше в своих учениях (каждый верующий убежден в правоте своей веры); практически важно, проведена ли религия в жизнь народа. Всякая религия есть ценность как моральный ко-

декс, поскольку ее учения осуществимы и проводимы в повседневную жизнь не только отдельных самоотверженных избранников, а обыкновенных смертных людей в их массе. Важна религиозная напряженность народной массы, которая живо ощущает религию и руководствуется ею в своей повседневной жизни.

Программа евразийства в формулировке 1927 г., напечатанная в «Евразийской Хронике», вып. IX, представляет собою логическое целое, вытекающее из всего евразийского учения. Диагноз и пути излечения Евразии назначены правильно на основе научных данных и исходя из современной России-Евразии. В этом программа единственна и оригинальна среди всех программ старых партий, представляющих копию западных оригиналов.

В особенности глубоко правильно решение национального вопроса. Когда Евразия будет иметь наднациональный строй на национальной основе, то все народы ее, а их 106, почувствуют себя у себя дома в Евразии. Если императорскую Россию теперь называют «тюрьмой народов», то Евразия будет их матерью. Евразийство отвергает колониальную политику России по отношению к ее народам: «обрусить» и «оправославить» — так как ценно не то, что все будут русскими, а то, как будут себя национально чувствовать. Гражданская война показала, что и сами русские между собой дерутся как националисты и интернационалисты. Горький опыт осудил старую политику обрусения. Важна группация не по признаку нации, а по признаку идеи; отсюда идеологический отбор, где будут все нации представлены по этому признаку.

Затем осуждается насильственное или через аппарат власти, как было раньше, насаждение православия у народов неправославных. Для государства и общества важно иметь гражданина религиозного, какую бы он ни исповедовал религию. Мы, монголы, хотим, чтобы давления на совесть больше не было и чтобы была свобода совести, как было в империи Чингис-хана еще в XIII веке.

Для общества и государства нежелателен гражданин, не имеющий никакой веры, так как он не имеет у себя в душе и того кодекса морали, который имеет верующий. Признание начал федерации и

автономии в советском, а не европейском понимании наиболее соответствует правильному решению национального вопроса, но с обязательным устранением сейчас существующей коммунистической или какой другой опеки. Учение о функциональной собственности и устранение в будущем алчного колониального капитализма по программе евразийцев спасет нас, то есть народы Востока, от жестокой участи «перевариваться в фабричном котле», то есть пролетаризоваться.

Усвоение прикладных знаний Европы, одухотворение культурой Востока на самобытной почве Евразии – вот те основы, на которых должна быть построена евразийская культура, созданная общими усилиями всех ее народов, и эти условия как самые здоровые для их развития должны быть приветствуемы всеми народами Евразии. Программа евразийцев не хочет все народы стричь под общую российскую гребенку и тем обезличивать их: дается право на возможность каждой из наций Евразии внести свою индивидуальную национальную культуру как частицу общей наднациональной культуры евразийской – чем из более разнообразных цветов и запахов составлен будет букет, тем будет он пышнее и ароматнее.

1928 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

[к 1-му изданию книги «Чингис-хан как полководец...»]

Историей монголов и их гениальным вождем, вписавшим блестящие страницы во всемирную историю, до самого последнего времени интересовался только узкий круг ориенталистов. Несмотря на то, что в русской истории есть особый период – монгольский, ему не придавалось особого значения, «казенными» историками этот период относится к числу «пустых» периодов русской истории, несмотря на тот исторический факт, что из этого периода вышла Московская Русь, как из материнского лона. Не существует также специального исторического труда на эту тему.

Только за самые последние годы ученые евразийского мировоззрения, изучая проблему русского самопознания, стали внимательно разбираться в разных восточных влияниях на русскую историю, культуру и быт, и им отчасти удалось разбить «предубеждения и предрассудки европеизма», с которыми трактовался этот вопрос до них, и тем самым заинтересовать широкий круг русской интеллигенции, чего не удавалось сделать нашим ориенталистам.

В первую очередь этими вопросами должны заинтересоваться сами представители народов Востока и кочевого мира, населяющих великую степь от восточных предгорий Кавказа и до китайской границы на севере и западе. «Познай самого себя» и «будь самим собой» – вот лозунги, которыми мы должны руководствоваться после неудачных копирований духовной культуры Европы, приведших в тупик Россию теперь, начиная от Петра I до наших дней.

Желая удовлетворить появившийся интерес к «исходу на Восток», я приступил к этой работе в ознаменование 700-летия смерти Чингис-хана (1227 – 1297). Заглавие этого труда взято такое потому, что от Чингис-хана начинается блестящее выступление на историческую сцену монголов, а у их вождя над талантом государственного деятеля сиял военный гений, между тем он как полководец еще никем не описан.

Военный отдел настоящего труда составлен известным в военной литературе специалистом-академиком, которым также отредактированы и остальные главы в военном отношении, за что приношу ему благодарность.

Этот труд также просмотрен в рукописи профессором-монголоведом Вл. Котвичем, поправки и замечания которого приняты к сведению, в особенности в начале и конце труда – средние главы этого труда он, к сожалению, не успел просмотреть, так как этому помешала его серьезная болезнь.

Выражаю здесь глубокоуважаемому профессору свою сердечную благодарность.

Белград, 1929.

Автор

ЧИНГИС-ХАН ИЛИ РОССИЯ? (Ответ на письмо калмыков-казаков)

В «Последних новостях» от 3 декабря прошлого [1929] года под таким заглавием появилось письмо донских и астраханских калмыков, содержащее нападки на меня как автора книги «Чингис-хан как полководец и его наследие», 1929 г., Белград. Это же письмо с собственным добавлением перепечатало «Новое время» 13 декабря прошлого года.

По содержанию этого письма могу ответить нижеследующее:

1. По точным справкам, наведенным мною среди калмыцкой эмиграции, оказалось, что среди подписавшихся нет ни одного астраханского калмыка-казака, тем более грамотного.

2. За исключением 3 – 4 лиц из подписавшихся все остальные лица неграмотны или малограмотны. Хотя некоторые из этих 3 – 4 лиц и окончили приходское училище, но содержание книги или не поняли, или ее совсем не читали, судя по их письму, где они обнаружили свое полное незнание элементарных сведений из своей истории.

3. Авторы письма публично отрекаются от исторического своего Императора Чингис-хана, заявляя, что «история Чингис-хана ничем не связана с нами, калмыками», очевидно, не зная совершенно того, что калмыки прикочевали только 300 лет тому назад в низовье Волги из Западной Монголии – Джунгарии, где и по сие время живет основное ядро нашего народа под именем ойратов. Название калмык по-тюркски «галмык», что значит «оставшийся», дано нам после обратного бегства большинства прибывших на Волгу калмыков в Джунгарию 150 лет тому назад (во главе с Убуши-ханом), спасаясь от посягания на их независимость со стороны русского Правительства.

За исключением последних 600 лет, вся остальная наша история протекла совместно с историей всей Монголии. Так, Хутуга-беки ойратский, т. е. калмыцкий темник, добровольно признал Чингис-хана (см. летописи) и с его войсками совершил все его военные по-

ходы. С Чингис-ханом и его наследниками ойраты (калмыки) были участниками золотого периода Монгольской истории XIII – XIV вв.

4. Авторы заявления просят меня «говорить и писать только от своего имени, а не от имени всех калмыков». Всем известно, что все авторы в своих книгах пишут от себя, а не от имени своего народа. Если бы авторы письма прочли мою книгу, то нигде там не нашли бы моего заявления или утверждения от имени калмыцкого народа.

5. В своем письме авторы цитируют одно место из введения моей книги, где я пишу о «пробуждении Азии» и «закате Европы». На эту тему после мировой войны написано много книг на всех языках, а книга немецкого философа О. Шпенглера «Закат Европы» выдержала несколько десятков изданий, и ни одному европейцу не пришло в голову в печати защищать Европу. Я же только одну фразу написал об этом и то во введении, как сейчас же появился протест азийцев в защиту Европы, которые оказались более европейцами, чем сами европейцы. Полагаю, что и это не остановит закономерности круговорота истории.

6. Авторы письма, конечно, с евразийством не знакомы, так как это учение и дипломированные господа трудно усваивают, но это не мешает им со слов своих господ-опекунов сознательно или по незнанию писать совершенно извращенно, что оно разжигает национальную вражду.

В своей книге я пользовался учеными трудами и евразийцев, и азийцев, и европейцев. Для непредубежденного читателя ничего страшного в этом нет, тем более что евразийство не есть политическая партия, а культурно-историческое и политико-экономическое мировоззрение. Очевидно также, что боятся евразийства и «Возрождение», и «Последние новости».

7. Я, вместе с другими представителями калмыцкой интеллигенции и общественности, морально осудившими авторов этого письма, считаю, что они не виноваты в этом. Я уверен, что их использовали старые русские господа-опекуны, привыкшие применять подобный метод, чтобы внести рознь и недоверие в нашу среду. Эти господа-опекуны, привыкшие нас опекать и водить в мир-

ное время, не хотят оставить эту привычку даже после того, как их опека и водительство нас привело к банкротству и изгнанию. Важно заметить, что над калмыцким народом около 150 лет была попечительская власть, уступившая национальной власти лишь после революции. До того же калмык, даже с высшим образованием и стажем, не мог быть не только попечителем улуса (округа), но даже его делопроизводителем, а были попечителями назначенные из центральной части государства провинившиеся чиновники, пьяницы и взяточники. Подобные опекуны и сейчас не хотят оставить нас здесь в покое. Не пора ли нам думать о себе своими головами, а не головами «обанкротившихся» опекунов.

8. Критика моей книги по ее содержанию относится к компетенции монголоведов, военспецов и историков Азии. От более 10 из них я получил (из Германии и Северной Америки и отчасти русских) благоприятные отзывы, и пока ни один из них не высказался отрицательно. Некоторые из них вскоре обещают напечатать научный разбор моей книги в научной и специальной прессе.

В «Последних новостях» и «Возрождении» были помещены критические статьи о моей книге. Хотя ни одно из моих положений ими не опровергнуто, я все же кратко отвечаю на некоторые их замечания. Прежде всего, видимо, не нравится им героический период монгольской истории XIII – XIV вв., потому что он связан с унижением русского народа. Но ведь пора изучать свою историю такой, какой она была на самом деле, а не такой, какую нам преподносили «казенные историки Иловайские» до революции, а теперь в СССР заменивший их проф. Покровский. Они пишут по заказу то, что хочет власть имущий.

Нужно и полезно узнать правду, как бы горька она ни была, иначе мы будем иметь о себе ложное преувеличенное представление, которое будет всегда жестоко разбиваться жизнью. Поколения, воспитанные на Иловайском, шли в Японскую войну, восклицая: «мы их шапками закидаем», а война кончилась их поражением. В европейскую войну пошли с уверенностью, что через 2 – 3 месяца победим.... Опять кончилось поражением. Отсюда – «познай самого себя» таким, каков ты есть на самом деле, и «будь самим собой».

История Чингис-хана основана не на легендах, как пишут «Последние новости», а на летописях не только монгольских, но и на исторических трудах высококультурных народов: персов, арабов и китайцев. Что он [Чингис-хан] был неграмотен, это не редкость для того времени. 400 лет спустя Борис Годунов был неграмотен. Кажется, Карлу Великому так и не далась грамота, несмотря на его старания. Гений Чингис-хана выявился не благодаря обработке и шлифовке в школе, а был самородным.

1930 г.

К ПОЛЕМИКЕ ГЕНЕРАЛА БОГАЕВСКОГО И Ш. БАЛИНОВА

На «Ответы ген. Богаевскому» последовал ответ вместо Богаевского его приспешника Н. Н. Мельникова, который ничего по существу на главные пункты обвинения не сказал, чисто принципиальный спор свел к журнальной реплике, рассчитанной на психологию и чувство массы.

1. г. Мельников, говоря о финансовых отчетах, пишет о «бесценных русских бумагах», а о ценных иностранных валютах, бумагах, донском серебре ловко умалчивает. Перечисляя большие круглые цифры расходов (для гипноза массы каждую сумму показывает в двух цифрах – долларах и фр[анцузских] франках), в конце перечисления разрешился фразой, очевидно, долженствующей убедить и противников: «Во имя общеказачьего дела оказывалась большая помощь кубанскому, терскому и астраханскому атаманам и правительствам, не имевшим средств». Цифры не приведены нарочно, т. к. публика должна подумать, что здесь пахнет сотнями тысяч, а если же указать цифры, то самим будет стыдно. Нам неизвестно, сколько дали кубанскому правительству, но мы знаем, что протянутая рука двух последних атаманов (Терского и Астраханского) часто оставалась повисшей на воздухе, а если иногда им и удавалось получить, то буквально гроши.

2. Когда казаки-калмыки на свои скудные сбережения и на пожертвования чужих им сербов начали строить себе в Белграде духовный очаг – Храм, то, естественно, взоры и мысли их обратились к своему атаману, вывезшему Донскую казну. Но генерал Богаевский сначала был против постройки храма, а за постройку... барака. Когда же (и без помощи Богаевского) храм был построен и освящен, то казаки-калмыки в Югославии послали генералу Богаевскому копию своего постановления, где они выразили свое сожаление и скорбь, что их атаман не прислал их святому делу хотя бы один динар из Донской казны (копия постановления ниже приводится) [не приводится. – ред.], в то время как чужие – сербы, например, им давали и помогали всячески.

В ответ на это постановление генерал Богаевский ничего лучшего не нашел, как обидеться, и пишет: «Надо бы было до постановления запросить – имеются ли деньги на это», «дома не посмели бы Атаману присылать такое постановление», «наконец, чисто принципиальный вопрос – дали ли бы калмыки средства на постройку православного храма?»

Не обращая внимание на первые его замечания, из которых ясно проглядывается человек с флигель-адъютантским мировоззрением, требующий только слепого понимания и почести, а не вождь и не атаман, обязанный выполнять свой прямой долг (если она казна опустела, то он мог бы прислать хоть 50 р. из своих «сбережений в Банке»), отвечу на последнее его замечание, из которого ясно, что он мало был на Дону и плохо знает душу казака-калмыка. Иначе он должен был знать, что калмыки абсолютно веротерпимы, что доказано историей со времен Чингис-хана. Калмыки из своих трудовых грошей и теперь дают на православный храм, а в мирное время больше и чаще давали. Мало того, что давали отдельные лица, давали общества, станицы. Например, Граббевская станица приговором общества до войны дала свою лепту в пользу далекого Афонского монастыря. Конечно, не она одна так делала и давала, а многие калмыцкие станицы. Жертвовали и все калмык-коннозаводчики, и не только Афонскому монастырю, но и другим строящимся православным церквям.

3. Генерал Богаевский любит козырять, что он избранный на родине атаман, но он не хочет дополнить, что его давно уже добром просят донцы уйти, а он не уходит с теплого места. Лучше бы Богаевскому притаиться как черт в рукомоynике, а не требовать себе 100-процентного почета, слепого поклонения и уважения.

1930 г.

КАЛМЫКИ В ЮГОСЛАВИИ

После Крымской катастрофы калмыки все сперва были высажены в Константинополе, где значительное количество их поступило на нестроевую службу в английский войске. Оттуда через 1 – 2 года они начали рассеиваться по всем странам Западной Европы: Болгарии, Югославии, Франции и Чехословакии. Самая большая компактная масса их поселилась в Югославии. Сразу их послали на постройку шоссе в Сеньском Руднике, а оттуда главная масса перебралась в Белград, где поселилась и до сего времени мужчины занимаются транспортом на своих пароконных подводах, а женщины шьют казенное обмундирование. Кроме этой группы в провинции, в Банате живут несколько семейств, занимающихся сельскохозяйственными работами.

С 1925 года в Парачине на суконной фабрике работает группа астраханских калмыков. Сейчас эта группа, ввиду застоя на фабрике, очутилась в критическом положении. В Банате живут лучше, так как летом всегда можно иметь работу, а зимою женщины зарабатывают рукоделием – шьют.

В 1920 – 25 годах калмыки в Белграде очень хорошо зарабатывали, когда столица Югославии после разрушений войны вновь отстраивалась, а потом все меньше построек, следовательно, и меньше работы для калмыцких подвод. Но все же результаты работы у наших калмыков недурные: человек 5 – 6 имеют собственные дома и почти все имеют подводы – от 1 до 5 пар коней. Один из них сейчас имеет 2 грузовых автомобиля. Следовательно, калмыки идут за техникой и жизнью, хотя каковы будут результаты – неизвестно. Это экономическая сторона жизни.

В общественной жизни мы также имеем значительные достижения, хотя, правда, существование двух калмыцких организаций – Калмыцкой Колонии и Калмыцкой Платовской станицы – вносит некоторый разлад. Но это не помешало им все же сойтись и общими усилиями соорудить первый в Западной Европе буддийский храм в Белграде. Сербы удивляются: «Как могут 200 калмыков, не имея вначале средств, соорудить для себя храм, когда у нас по 3 – 4 села имеют только одну церковь?» Это воля белградских калмыков иметь свой храм на чужбине, горячо поддержанная всеми другими калмыцкими колониями за границей, в особенности во Франции во главе с бакшой Н. Нимбушовым, доказывает, что скитания, страдания калмыков за границей не опустили их морально и духовно, а сохранили в их душах религию, почитание Вечного и Великого Будды. В страданиях только закаляется этот дух почитания великих истин Будды.

Кроме того, из среды калмыков в Югославии в 1929 году вышла книга «Чингис-хан». Это, между прочим, первый оригинальный труд калмыка за последние 300 лет калмыцкой истории, встреченный сочувственно специалистами-востоковедами, а русскими кругами, начиная от Милюкова – с большим неудовольствием.

1930 г.

О НАШИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЗАДАЧАХ¹

I

Любовь к своему народу присуща в большей или меньшей степени всем. Великие учителя жизни, как Будда, Конфуций, сумевшие свои высокие принципы провести в жизнь, как «бытовое исповедничество», поучают с детства «любовь к ближнему», на-

¹ С некоторыми утверждениями, положениями и терминами мы не согласны (примеч. ред. журнала «Ковыльные волны»).

чиная с самого близкого и понятного все выше и дальше: сперва люби и уважай своих родителей, родных, свой род, племя, затем свой народ, соседние народы, если же хватит силы и духа, то и все человечество.

На этих моральных принципах стоит весь Восток, на этих устоях построены и держатся взаимоотношения половины человечества вот уже около 3-х тысяч лет со времени Будды. Были великие войны и в Азии, но они далеко реже, чем в другой половине Старого Света – в Европе, вся история которой есть история взаимных войн или же приготовлений к ним. Здесь, естественно, и чаще всего национализм больших народов превращен в интернационализм с неизбежным угнетением малых народов. В результате войн менялись у этих «малых» народов «господа», но участь их от того не менялась.

Так было до Версальского договора (Вильсона) и русской революции (Ленина), впервые провозгласивших высокие принципы «самоопределения народов». С этого времени народы Европы вступили в новую эру, эру крушений великих империй, как Германская, Российская, Австро-Венгерская, Турецкая, созданных завоевательной эпохой предшествовавших веков и образования свободных малых государств, как Финляндия, Литва, Эстония, Польша, Румыния, Югославия, Чехословакия и проч. Этому процессу суждено развиваться и дальше, хотя, может быть, несколько медленным темпом.

Если этому процессу до сего времени не поддалась Великая Британия, то мы видим, что она держится разумной английской политикой, освященной вековым искусством. Они не истязивают вожжи управления, а – то ослабляя, то натягивая, не выпускают их из своих рук, не доводят до отрыва от нее. Ее колонии живут на правах доминионов, почти самостоятельной жизнью.

Процесс распада великих империй начался, но он далеко еще не закончился, в особенности для Англии и России национальная проблема чрезвычайно сложна; мы видим сейчас, как они обе болеют болезнью «разложения»: у первой Индия и Египет, а

у второй – национально-освободительное движение «окраинных народов». Эти явления «разложения» великих империй мы видим и во всемирной истории.

Не всем народам суждено быть великими и историческими, но те, которые становятся таковыми, подвержены одинаковой исторической участи. Законы круговорота истории обязательны для всех. Сперва все они под влиянием национального пафоса быстро идут к возрождению, потом их национализм переходит свои этнографические границы, приводит к империализму, когда данное государство жадно приобретает земли и народы, когда оно «разбухает» и выходит из своих берегов, как река в весенний разлив, и пафос национализма падает, как и течение разлившейся реки. Национализм превращается в космополитизм, империализм, и завоеванные народы такого государства неизбежно, рано или поздно, отделяются для самостоятельной жизни.

Так было с древними великими империями: Греческой, Римской, Монгольской, а сейчас мы видим процесс разложения и распада в Российской империи. Последнюю до революции называли «тюрьмой народов» с ее 106 народами и 366 разными языками. Сейчас все эти народы находятся в состоянии брожения, целью которого является освобождение от ига коммунистического центра, отождествляемого с русскими, с Москвой.

Мы видим признаки упадка Российской империи в том, что ее национализм превратился в интернационализм, вследствие чего коммунизм не встретил с самого начала и по сие время сопротивления в основном великорусском народе, и вот уже 12 лет он там царствует, в то время как коммунизм с самого начала и весь этот период встретил сильное сопротивление и героическую борьбу на «окраинах» этого государства; и теперь мы видим борьбу с советской властью только на периферии: Кавказ, Казачество, Дальний Восток, Средняя Азия.

Очевидно, не «гнилому и пришедшему в упадок центру» – Москве и Петербургу – суждено начать собой выздоровление и освобождение от коммунизма, а показавшим себя с самого начала

и до сего времени более здоровыми «окраинам»: Украине, Кавказу, Казачеству, Средней Азии и Дальнему Востоку, потому что национализм у господствовавшего великорусского народа привел к небывалому в истории мира глубокому упадку, с чего обычно всегда начинается упадок созданной ими империи.

Национальное же сознание подчиненных ей народов было в угнетении, было придавлено русификаторской политикой около двух веков. Но за это время национальное сознание у них пробуждалось, накапливалось в виде потенциальной силы, которая, созревая, при благоприятных условиях проявляется наружу в виде национального возрождения этих народов, после закончившегося периода его упадка. И существующие национально-освободительные движения «окраинных» народов и являются началом этого процесса возрождения этих народов.

II

К одному из 106 угнетенных народов России принадлежит и калмыцкий народ, несмотря на то, что он не принадлежит к числу завоеванных народов, так как он сам в 1631 г. прикочевал со своим ханом из Джунгарии и поселился на свободных тогда приволжских степях, охраняя юго-восточную, тогда открытую, русскую границу. Мало того, над этим народом – во времена своих великих императоров: Чингис-хана, Батый-хана и Хубилай-хана и др., владевших до 4/5 Азии и Европы – была установлена попечительская русская власть после устранения национальной ханской власти, подобно тому, как устанавливают попечительство над слепыми, малолетними и умалишенными. Эта «попечительская русская власть» существовала и в XX веке, до самой революции, давшей ему теперь национально-территориальную автономию.

И это несмотря на то, что Московская Русь своим возвышением, великодержавным размахом, самодержавием (этим Монгольским ханством) обязана была суровой, но благотельной школе монгольского владычества (Соловьев, Ключевский, Платонов). Во всяком случае своими результатами и достиже-

ниями для России несравнимы две школы: монгольская и европейская, начатая Петром I и доведенная до ее логического конца Лениным.

Калмыцкий народ на Волге и на Дону представляет лишь очень маленькую часть основного народа, населяющего теперь Западную Монголию, Джунгарию, Алашань и Сев. Тибет – Куко-нор под именем дербен-ойратов. Был период, когда национализм монголов не только объединил все монгольские племена, но задался целью владеть миром и едва не достиг своей цели. Во всяком случае, до этих больших границ не дошел национализм римлян времен Ю. Цезаря, греков – А. Македонского, французов – Наполеона. После этого сильного подъема у монголов, как у всех перечисленных народов, наступил период упадка национализма, связанного с упадком их великих империй.

Этот упадок монголов, начавшийся спустя два века после Чингис-хана, продолжался до последнего времени. Только теперь мы видим пробуждение национального сознания у монголов с признаками национального возрождения. Но монгольский народ, частью которого являются ойраты в Азии и отделившиеся от них калмыки в Европе, раздроблен на много частей и разбросан от манджурских границ до Тибета, от границ Джунгарии через Западную Сибирь до Волги.

В таком положении очень трудно всем этим частям объединиться в одно государство, но русская революция дала толчок к развитию идеи национальной независимости в монгольском народе. Возможно, что этот исторический путь при благоприятной политической обстановке даст монгольскому народу когда-нибудь объединиться в одно национальное государство и он пойдет по пути своего возрождения, чтобы стать затем свободным членом семьи Лиги народов Востока.

Находящимся в Европе калмыкам суждено устраивать свою судьбу в семье народов России-Евразии. Участь калмыцкого народа, прежде всего, зависит от участи окружающего его со всех сторон казачества, посему калмыцкий народ должен быть в братском

союзе, сожительстве с Союзом казачьих войск. Именно поэтому в ноябре 1917 года калмыцкий народ вошел в только что образовавшийся тогда в Екатеринодаре Юго-Восточный союз казачьих войск и вольных народов степи.

Рано еще предугадывать, что будет дано калмыцкому народу в его политической жизни: суждено ли быть ему казачеством или оставаться собственным народом; быть ли в союзе чисто казачьем или смешанном Юго-Восточном. Ясно одно, что калмыцкому народу выгоднее жить в союзе с ближайшими своими соседями на началах свободно заключенной федерации, чем отдельное, хотя бы и независимое существование.

Этот Союз казачьих войск или Юго-Восточный союз, вероятно, как одно целое должен будет федерироваться с другими такими же крупными соседями на основе совпадения экономических, политических и военных интересов. Так, думается, создастся в будущем свободная федерация народов на Востоке Европы.

Но этот процесс оздоровления, видимо, начнется с периферии к центру и очень медленно; союзы и федерации будут то составляться, то распадаться соответственно своим интересам, пока не стабилизируется окончательно эта Лига народов Востока.

Все русские политические партии, конечно, далеко не так представляют будущее своей Родины. У всех у них просто и однообразно: коммунистов российских наследует одна или блок из российских же партий. Тогда кто из народов империи заслужил их доверие и благоволение, получит от них автономию, может, более «заслуженные» и сильные – федерацию, а кто не заслужил у этих русских партий, тем не дадут или даже уже данное отберут обратно, памятуя, что данное пожалованное право может быть отобрано и обратно, лишь право, завоеванное в борьбе, неприкосновенно.

III

Коммунисты, конечно, когда-нибудь уйдут, но есть «завоевания революции», которые останутся. К каковым для калмыцкого народа относятся:

1. пробуждение национального самосознания, усыпавшегося «обрусительной» двухсотлетней политикой русского правительства, и свержение русской «исполнительной власти»;

2. начавшееся «там» духовно-политическое возрождение калмыцкого народа;

3. объединение «там» астраханских, ставропольских и др. калмыков в одну национально-территориальную автономную калмыцкую область.

Мы знаем, что автономная национальная власть находится под бдительным оком московских коммунистов. Поэтому нашей неперемнной задачей является уничтожение в будущем такого контроля центра. Национальная власть калмыцкого народа должна быть вполне независима в области внутреннего управления с правом законодательства. К границам существующей «там» Калмыцкой автономной области должны присоединиться донские калмыки, если не с целой территорией Сальского округа, то хотя бы смежной с Областью частью его. Наши братья донцы, сами стремящиеся к свободе, думающие вместе с нами продолжать жить, сохранить историческую нашу тесную связь, не будут этому препятствовать. Современная автономная область должна превратиться в федерацию со всеми присущими ей настоящими, а не фиктивными правами.

Вот ближайшие задачи калмыцкого народа, своей скромностью могущие удовлетворить даже крайне правых. Недальновидное упорство в удовлетворении насущных и созревших нужд народов, думаю, бросит их (народы) в другую крайность, и тогда не на эти народы ляжет вина за все могущие быть от этого последствия.

Вот вкратце, по-моему, политическая часть калмыцкой национальной программы. Осуществление этих задач являло бы из себя благодатную почву для духовного возрождения калмыцкого народа. Это возрождение может быть крепким только тогда, когда будет национальная власть, национальная школа на материнском языке. Чтобы народ стал сознательным, надо чтобы он проходил через свою национальную школу, где бы он воспитывался на нашем за-

мечательном героическом эпосе, на чудной национальной поэме «Джангар»; где бы он изучал свое славное прошлое и на их героях, вписавших блестящие страницы в мировую историю, черпал силу и пафос для своего нового возрождения. В школах должны изучать монгольскую литературу, историю, полюбить национальный фольклор. То, чего у нас нет или слабо развито, надо перенимать у других путем перевода и воспринимать его через свою национальную призму, чтобы не стать духовным рабом чужого.

Все это должно породить любовь ко всему своему, национальному. В этом залог развития здорового национализма, без чего нет национального возрождения. Вышедшие из такой национальной школы наши молодые поколения будут истинными националистами в широком и хорошем смысле этого слова. Их национализм будет простирается дальше своего рода и племени, будет охватывать не только свое ойратское племя, но и целый монгольский народ, имеющий общую с нами историю, литературу, религию и жизнь, за исключением последних 300 лет пребывания калмыков на Волге.

К сожалению, русифицированная дореволюционная школа, которую прошла теперешняя калмыцкая интеллигенция, отравила ее душу. Она денационализировалась вообще, или же ее национализм выродился в узкий «уездный национализм»: «бузавский», «дербетовский» или даже ограничивался только своим родом. Такое сужение понятия национализма приходится наблюдать не только в народе, но и среди интеллигенции, в особенности «бузавской», которая в своем большинстве еще не освободилась от «казакоманства».¹

Если старому поколению трудно будет расстаться со слившимися своими старыми понятиями, психологией, то можно теперь вполне уверенно сказать, что современная учащаяся молодежь калмыцкая за границей и «там» (несмотря на коммунизм) воспитыва-

¹ Эта старая болезнь автора – обвинять донских калмыков в «казакоманстве» – нам известна, мы ее не разделяли и не разделяем. Впрочем, сам автор до известной степени является «казакоманом», когда в своей статье пишет, что калмыцкий народ «должен быть в братском сожительстве в Союзе казацких войск» (*примеч. ред. журнала «Ковыльные волны»*).

ется на началах истинного широкого национализма. Только тогда, когда это подрастающее, воспитывающееся на национальном духе молодое поколение займет место старой интеллигенции упадочного периода, а с другой стороны, когда идеи старшего поколения станут шире своего «уездного национализма» – только тогда будет настоящее национальное возрождение нашего народа и ему суждено будет пойти по широкой дороге своего возрождения.

1930 г.

ПУТИ РЕШЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРОБЛЕМЫ

Для решения национальной проблемы необходимо наметить себе ясно исходные пути. Таковыми, по моему мнению, являются следующие три положения:

1. надо понять и осознать данную эпоху, в которой разрешаются национальные проблемы, дух и идею, руководящие эпохой в решении национального вопроса;

2. надо ясно решить основной мотив при решении данного вопроса. Исходим ли мы из всего наилучшего возможного для благоденствия нашего народа, из здорового национального эгоизма, присущего всякой живой нации, или

3. исходим ли мы при решении национальной нашей проблемы не из собственных интересов или желаний, а из согласования с желаниями, интересами и волей другого народа¹.

¹ Этот пункт автором, очевидно, внесен по недоразумению, ибо он ни логически, ни психологически никакого отношения к интересам данной нации не имеет и по своей природе исключает саму идею национального освобождения. Поскольку же он применим к характеристике позиции отдельных деятелей – он является не решением национальной проблемы, а просто изменой национальным интересам, тем самым исключая самую идею национального самоопределения. Настоящее замечание, нам кажется, не лишне для правильного уяснения мыслей автора настоящей статьи (*примеч. ред. журнала «Улан Залата»*)

Исходя из этих трех положений, надо подходить к решению нашего национального вопроса, тогда и будет ясна позиция каждого при дискуссии по этому вопросу. Каждый из этих пунктов надо хорошо обосновать, изучить и тогда, как следствие, делать выводы. Отсылая интересующихся моими взглядами по этому вопросу к моей статье «О наших национальных задачах» в журнале «Ковыльные волны», я сделаю здесь лишь краткое изложение моих идей в общих чертах.

XIX век был веком торжества империализма, великие народы путем завоеваний поработали малые народы, создавались империи Великобританская, Германская, Астро-Венгерская и Российская. XX век является веком распада этих империй и освобождения малых народов в результате европейской войны с ее лозунгом – самоопределение народов. Великобританские доминионы, в сущности, суть отдельные государства, имеющие даже своих представителей в Лиге Наций. Сама Великобританская Империя является, по выражению Ллойд-Джорджа, Лигой народов. Индия добивается прав доминиона. Германия не только потеряла свои колонии, но даже территории с чисто немецким населением, вошедшие в Италию, Чехословакию и Польшу. Из Австро-Венгрии образовались отдельные государства: Великая Румыния, Великая Сербия, Австрия и Венгрия, и, наконец, из Российской Империи образовались Финляндия, Латвия, Эстония, Польша, а Бессарабия вошла в состав Румынии, сама Россия превратилась в Советскую Федеративную Республику, куда входит и Калмыцкая автономная область.

Из всего этого явствует, что мы живем в эпоху, благоприятствующую разрешению национальных проблем, одна из главных предпосылок для успешности в решении данного вопроса. Это надо учесть и не терять из виду каждому национальному деятелю при решении своей национальной проблемы.

Условия и время, при которых разрешаются национальные вопросы, играют решающую роль. Все то, о чем нельзя было думать в дореволюционное время, когда над нашим народом была попечительская власть, необходимо осуществлять в данное поре-

волюционное время, когда не только нашему народу суждено изменить к лучшему горькую дотоле судьбу, но даже разрушаются и сходят с лица земли большие государства, как грибы после дождя, появляются новые и, наконец, переживают сейчас глубокие социальные потрясения. Народы Европы с 1914 года вступили в период катаклизмов, [таких] как мировая война с революциями и экономическими и другими кризисами. В этот период каждый народ должен выявить свое лицо и осознать все то, что он хочет, если он хочет жить свободной привольной жизнью когда-нибудь. Этот период дает толчок к национальному самосознанию и к возрождению малых народов.

Счастливы те из этих народов, которым суждено жить в эту эпоху, т. к. им впервые после долгого мрака появился луч света и свободы, они впервые ощутили в своих жилах прилив новой живой силы, необходимой для национального возрождения. В такие эпохи рушатся старые мировоззрения и появляются на их смену новые – своим пафосом зажигающие сердца возрождающихся народов. Но эти новые пути народа нелегко выкорчевываются. Им на пути стоят представители старого мировоззрения, созданного при прежних, старых, то есть дореволюционных условиях. Известно, нелегко человек расстается со своим старым убеждением, посему отцы не понимают детей, старое поколение новое и т. д., хотя бывают перебежчики из одного лагеря в другой: «старые сыны» и «молодые старики» по убеждениям, но их сравнительно мало.

При разрешении национального вопроса молодое поколение данной эпохи с новым миропониманием становится в своем исходе на втором пункте, указанном в начале статьи: они радикальнее, смелее и полнее разрешают этот вопрос; они исходят в национальном вопросе из самоопределения калмыцкого народа. Идейное оправдание в этом находят в духе нашей эпохи, несущей свободу всем национальностям. Политическое оправдание они находят в том, что бывшая Российская Империя пала, теперь же на ее развалинах переживает перманентную революцию СССР, что история обратного хода не знает, а только движение вперед, грядущее же не-

сет свободу и жизнь тем нациям, которые сильно хотят и стремятся к ним. Как рожденным ползать не дано летать, так и нациям, не добивающимся свободы и благополучия себе, они в дар не даются.

Старое мировоззрение, которого придерживается старое поколение, воспитанное на дореволюционных условиях в разрешении национального вопроса, не ставит вопроса во всей полноте, широте и не исходит из сознания своих национальных интересов, а исходит из желаний, интересов другого народа, до революции господствовавшего над нашим народом. Это – духовные пережитки старого, привычный страх от прежнего «барина», довольно долго будет изживаться у нас. Они исходят в разрешении национального вопроса из третьего положения, указанного мною в начале этой статьи. Они хотят компромисс с прежним «господином», так как боятся его рассердить, хотя он сам уже лежит 18 лет в чекистском подвале под властью ничтожного количества коммунистов. Мировой истории известно, что упадок великих наций продолжается очень долго, столетия, так же, как столь же долго продолжается и возрождение. Наши молодые и старые «старрики» в национальном вопросе любят указывать на то, что старый барин велик, но забывают, что угнетенных им народов было ровно половина, а затем разителен приведенный пример коммунистов, которых 2 миллиона, а владеют страной в 150 миллионов.

Идея национального возрождения и ее самоопределения должна складываться исходя из национальных интересов политических, экономических и военных, а таковые диктуют, чтобы калмыцкий народ самоопределился в свободной федерации со своими ближайшими соседями, его окружающими, братьями казаками, в виде Юго-Восточного федеративного союза. Дальнейшей участи не дано нам знать, но если взаимные интересы диктуют, этот союз может как одно целое, как равный с равным, самовольно федерироваться и с другими соседями и не-соседями. Так представляется нам будущее нашего народа.

1930 г.

РЕЛИГИЯ В БЫТЕ НАРОДОВ ЗАПАДА И ВОСТОКА¹

Всякое религиозное бытие сочетает в себе веру в Бога, жизнь по Богу и внешнее выявление религиозной жизни в обрядах. Без этих трех элементов: догмы, этики и культа немислима никакая религия. Все исторические религии сочетают в себе эти три момента, но значение и развитие последних далеко не везде одинаково: преобладание догматики дает учение Гностикон, этики – Буддизм, культа – Талмудизм. В Христианстве равномерно развиты все три начала.

Человечество имеет много разных религий и учений, но очень малое число из них проведены в повседневный быт своих последователей. Большая часть религий, и то из очень возвышенных и распространенных, не проводится в жизнь своими последователями, которые исповедуют их не «по духу», а «по форме».

Если сделать краткий обзор религий в их исповедовании у народов с крайнего Запада до крайнего Востока, то мы заметим резкое расхождение на Западе и наибольшую гармонию на Востоке между религией и бытом их последователей. Европа – господство матери, культура ее капиталистическая, окончательное ее выражение – капитал и техника. Восток – господство духа, культура его духовная, религиозная, окончательное ее выражение – Богочеловек: Нирвана, Бодисатва, Будда. Здесь корень глубокой и основной разницы в характере культуры народов Запада и Востока.

Материалистическая культура Запада в своей основе противоречит «жизни по Христу», тогда как духовная культура Востока способствует осуществлению религиозных начал в жизни. Вот почему Восток дал все великие мировые религии, и поэтому говорится: «Lux ex oriento» («Свет с востока»). Если на Востоке экономика играет подчиненную роль (в духовной культуре), то на Западе мы видим «воинствующий экономизм», где духовная культура влачит

¹ Статья эта помещается в дискуссионном порядке (*примеч. ред. журнала «Вольное казачество»*).

жалкое существование и имеет лишь второстепенную роль безжизненного и ненужного придатка. Запад с Америкой – господство Христианства. Восток – Буддизма и частью Мусульманства. Россия является как бы мостом и синтезом их. По религии русский народ христиане, по своему «бытовому исповедничеству» ближе к восточным религиям, что печатно высказано и Митрополитом Антонием.

Постараемся сделать краткий обзор «религии и быта» с Запада на Восток.

I

Человеку с восточной «душой», попавшему на Запад в среду людей с европейской «душою», т. е. среду англосаксов (с американцами, разумеется), католиков и лютеран, бросится в глаза резкое несоответствие между их жизнью и религией. Если бы «азиат» стал догадываться по их жизни о религии, к которой они принадлежат, то он должен был констатировать печальный факт, что они христиане только формально по имени, но никак не по своему быту. В своих заключениях, конечно, не приходится брать во внимание тот незначительный процент настоящих христиан, которые, может быть, живут по Христу и теперь.

«Азиат», глядя на жизнь Запада, должен сказать, что здесь от религий остались как памятники прошлого пустующие церкви и попы, далеко не напоминающие по своему виду и жизни своего восточного коллегу – аскета.

Европеец с религией имеет формальную связь: когда он в школе проходит «Закон Божий» и в церкви, которую неохотно и редко посещает, причем его душу ни там, ни здесь религия не трогает. Как только выйдет он из школы с урока «Закона Божьего» или из церкви, сразу же все улетучивается, ибо он живет, мыслит и ощущает другой мир, мир материальных интересов, обуславливаемых жестокой «борьбой за существование» в этом царстве капитала. Европеец хорошо знает заповеди Божьи, но он стал бы смотреть

как на безумца и чудака на азиата, который сказал бы ему, что их надо исполнять в своей повседневной жизни.

Все религии запрещают убивать, воровать, лгать, но больше всего они [запреты] нарушаются в жизни европейских народов, хотя нигде нет так много полиции, тюрем и строгих законов, как у них. Побудительной причиной к этим преступлениям является материалистическая основа жизни европейца, стремление во что бы то ни стало к материальным благам, без которых жизнь немислима.

Также ругательства существуют у всех почти народов, но нигде до такой виртуозности не доходят, как у европейцев, которые упоминают не только мать, но и отца, Бога, Мать Божью, даже солнце, как, например, у югославян, итальянцев и венгерцев [а у русских? *Ред.*]¹. Между тем, например, у японцев, самое сильное ругательство это обозвать человека... черепахой. Попы вне службы любят ходить в цивильном костюме, чтобы духовный сан их не стеснял. Мне приходилось видеть попа, служившего обедню в национальном костюме и вдобавок с револьвером за поясом, хотя это составляет как бы принадлежность костюма черногорца. Церковь посещается более или менее многолюдно на Пасху, в Р. Х., в остальные праздники и воскресения церкви обычно пустуют. Посты не соблюдаются. Эти мои наблюдения относятся к селам Европы за 8 лет моей эмиграции.

На западе брак освящен религией и есть таинство, между тем мы видим, что всюду там победил брак гражданский, который законен, а церковный не обязателен. Даже православные сербы накануне введения гражданского брака, который соответствует материальной основе духа и жизни Европы. Посему – браки «по расчету», а любовь покупается, как товар на рынке. Разврат царит открыто, и нет разницы между проституткой явной и тайной, сожительницей и женой, женщиной и девушкой². На востоке брак не

¹ *Примеч. ред. журнала «Вольное казачество».*

² Не слишком ли строг суд автора в этом месте? (*примеч. ред. журнала «Вольное казачество»*)

есть таинство, но там меньше разводов брака, чем в Европе, хотя узы брачные там не церковные, а духовные, закреплённые бытом. Европейцы с таким отношением к браку и морали, но формально придерживающиеся моногамии, гораздо безнравственнее азиатов и мусульман, придерживающихся полигамии, но живущих с принадлежащими только одним им женами.

В то время, как на Востоке государства основаны на религии и освящены ею, западным государствам нет дела до религии, она представляет частное дело каждого: «хочешь верь в Бога, а не хочешь – не верь». На Востоке же поощряются религиозность и жизнь по Богу, к какой бы религии человек ни принадлежал, но преследуются безбожие и жизнь, противоречащая началам религии.

Такое резкое расхождение между бытом и религией в Европе и большую их согласованность в Азии можно объяснить, кроме материалистической основы их быта и культуры, ещё и тем, что христианство – учение очень возвышенное, тем самым неземное, оно не по силам для обычных смертных людей. Оно провозглашено не смертным обычным человеком, а сыном Божьим, явившимся в этот мир для того, чтоб учить, пострадать за его грехи, воскреснуть и покинуть многострадальный греховный мир. Между тем как Будда был простой смертный – царевич, постигший своим духовным совершенствованием степени Будды и открывший всем пути его достижения. Своим учением о Четырёх Истинах, о страдании и Восьмеричном Пути, об избавлении от них он сам, будучи земным существом, смог создать такое глубоко реалистическое учение, как Буддизм, в котором ничего нет сверхъестественного. Пути открыты для каждого, чтобы достичь степени Nirваны, Бодисатвы и Будды, хотя после Будды пришествие другого Будды только ожидается.

Кажется парадоксом для азиата: европейцы, будучи сами христианами только по имени, во всей своей истории истекали кровью в религиозных войнах, горели на кострах инквизиции, и здесь господствовал единый принцип: «*Cujus imperio, eius religio*» («чья сила, того и религия»), а теперь этот же «безбожный» Запад несёт

на своих стальных гигантах, вооруженных пушками, христианство, вербуя в Китае «рисовых» христиан¹ и насильно ввозя опиум для отравления народов Востока.

II

Между «духом Европы» с практическим атеизмом в его быте и «духом Азии» с ее мощным внутренним напряжением для служения религиозным идеалам, сверхличным и потому вечным лежит как мост и синтез их – Россия.

Русский народ по своей религии, как христиане, относятся, конечно, к западным народам. Православие пришло из Византии, но по своему исповеданию в жизни, по «бытовому исповедничеству» русского народа оно ближе и понятнее восточным религиям – Буддизму, Магометанству, Конфуцианству, чем латинскому Западу, хотя бы и христианскому. Это мнение печатно высказывал такой авторитет духовного мира, как митрополит Антоний. Это ясно видит теперь всякий русский эмигрант, поневоле десятый год наблюдающий жизнь на западе, не только у католиков, но и хотя бы у тех же православных южных славян. Христианство не является лишь теоретическим познанием Бога и истины – оно также определяет весь жизненный путь истинного христианина, путь спасения души и преображения тела.

Между тем люди, верующие в Бога и называющие себя христианами, не желают жить по Богу.

Россия под влиянием Петра I начала период европеизации, доведенной Лениным до теперешнего СССР. Этот период копирования Европы оказался трагичным во всем, в особенности в области религии, т. е. души народа. Столкнулись чуждые два мира куль-

¹ Китайцы принимают христианство, увлеченные главным образом не учением, а раздачей голодным риса и укрывательством под защиту «концесий» иностранцев от преследований китайских законов. Витгофель: «Пробужденный Китай» (*примеч. автора*).

туры и психологии. Католический запад с его стремлением наибольшего приближения христианства к жизни и мир восточный, православный с его приближением жизни к Христу.

Под влиянием европеизации в России образовалось два слоя: верхний, очень тонкий слой атеистической интеллигенции (продукт европеизации) и нижний, компактный слой народа, продолжающий еще оставаться в бытовом исповедничестве, хотя далеко не в такой степени, каковым он был в допетровский период русской истории. Теперь как в народе, так и среди интеллигенции, вновь возгорается священный огонь веры, но необходим полный возврат к религии и к «бытовому исповедничеству».

В своем «бытовом исповедничестве» древнерусский народ не мог брать пример с монголо-туранских народов, с которыми он связан общностью своего месторазвития и под чьей властью в течение стольких столетий так пышно расцвело русское православие, под защитой и льготами монгольских ханов Золотой Орды. Последнее кажется парадоксальным и маловероятным для психологии европейца, и историки скептически относились к этому, пока не были найдены указы золотоордынских ханов. Для подтверждения приведу два следующих исторических указа.

В 1270 году хан Менгу-Тимур издал следующий указ: «На Руси да не дерзнет никто посрамлять церкви и обижать митрополитов и подчиненных ему архимандритов, протоиереев, иереев и т. д. Свободными от всех податей и повинностей да будут их города, области, деревни, земли, охоты, ульи, луга, леса, огороды, сады, мельницы и молочные хозяйства. Все это принадлежит Богу и сами они – Божьи. Да помолятся они о нас».

Узбек-хан еще больше расширил привилегии церкви русской: «Все чины православной церкви и все монахи подлежат лишь суду православного митрополита, – отнюдь не чиновников орды и не княжескому суду. Тот, кто ограбит духовное лицо, должен заплатить ему втрое, кто осмелится издеваться над православной верой или оскорбит церковь, монастырь, часовню, тот подлежит смерти без различия русский он или монгол. Да чувствует русское духовенство себя свободными слугами Бога».

Могут подумать: да это было 650 лет тому назад, а теперь? На это можно привести следующий факт. В 1918 году в феврале красная гвардия с советами докатились до города Уфы, где большая часть населения татарская. Совет приказал арестовать митрополита Уфимского Андрея (А. А. Ухтомского) и реквизировать церкви для каких-то их целей, но приказ не был приведен в исполнение... не благодаря сопротивлению православного, а энергичному заявлению мусульман татар: «Этого великого муфтия мы не выдадим врагам Бога, как не позволим оскорбить православные мечети».

У монголов, как вообще на Востоке, кроме мусульман, была абсолютная веротерпимость, больше того – защита и покровительство всех религий. К этому приходит теперь мысль человеческая в последних ее достижениях. Существенно важно для народа как целого быть верующим и религиозным, а какая и чья религия – это не суть важно. Не должно быть религий господствующих и подчиненных, главных и второстепенных. В монгольской империи не была объявлена ни одна религия господствующей – все были равны.

Важна религиозная напряженность народной массы, которая живо ощущает ее и осуществляет ее правила в своей повседневной жизни.

Обратимся теперь к мастерскому анализу положительных черт туранской психики, сыгравших, несомненно, благотворную роль в русской истории допетровского периода, в отношении религиозном в особенности. «Весь уклад жизни, – пишет князь Трубецкий (его книга «К проблеме русского самопознания»), – в котором вероисповедание и быт составляли одно «бытовое исповедничество», в котором и государственные идеологии, и материальная культура и искусство, и религия были неразделенными частями единой системы, системы теоретически невыраженной и сознательно не формулированной, но тем не менее пребывающей в подсознании каждого и бытии самого национального целого, все это носит на себе отпечаток туранского типа».

А ведь это именно и было то, на чем держалась Русь, что придавало ей устойчивость и силу. Православная вера, в древнерусском

понимании этого термина, была именно той рамкой сознания, в которую само собой укладывалось все: частная жизнь, государственный строй и бытие вселенной. И в том, что эта рамка сознания не была предметом сознательного теоретического мышления, а подсознательной базой всей душевной жизни – нельзя не усмотреть аналогию с нормальным аспектом туранской психологии.

Отношение древнерусского человека к своей вере, ее роль в его жизни и его неумение отделять веру от своего бытия – объясняется чертами его психики, свойственными народам Востока. И здесь и там догмат веры рассматривается как данное, как основной фон душевной жизни и внешнего быта; там и здесь религиозное мышление отличается отсутствием гибкости, пренебрежением к абстрактности и стремлением к конкретизации, к воплощению религиозных переживаний и идей в формах внешнего быта и культуры. Вместо сознательно продуманной и тонко детализированной богословской системы в Древней Руси получилась некоторая, словами не выраженная «подсознательная философская система», стройная и нашедшая выражение не в богословских трактовках, а во всем житейском, на ней покоящемся. Этим русская религиозность отличалась от греческой, несмотря на свое догматическое тождество с этой последней и сближалась с туранской, с которой догматического сходства не было и быть не могло».

«Бытовое исповедничество», пропитанность культуры и быта религией, которые были следствием особых свойств древнерусского благочестия – были плюсом, а не минусом.

III

Культура Азии – это религиозная, духовная культура, главным образом, Буддизма с Конфуцианством, а затем Магометанства. Буддизм объединил все разрозненные народности Азии в одну азиатскую культуру. Сперва сблизили два великих и древнейших культурных центра: Индию и Китай, затем перебрасывается на Тибет (407 год), Японию (552 год), Индокитай и Монголию (1240),

причем, в отличие от Христианства, Буддизм распространяется совершенно мирным путем, без «крестовых походов и священных войн». Столь быстрому распространению Буддизма способствовал мудрый Индусский царь Осока,¹ стремившийся, чтобы эта религия овладела всем человечеством. Первые буддийские миссионеры проникли в Китай в 217 году до Р. Х., но Буддизм стал общей религией Китая только 300 лет спустя, в 65 году по Р. Х.

Успеху Буддизма способствовали следующие его особенности, изложенные мастерской рукой его творца – дух свободомыслия и абсолютная терпимость, характеризующие как появление, так и распространение Буддизма и дающие возможность воспринимать ценные идеи всех вероучений, с каковыми приходил он в соприкосновение и входил в компромиссы с какими угодно народными верованиями; основанные же им церкви держатся тысячелетиями, никогда не преследуя диссидента.

Буддист с малых лет от родителей и окружающей среды воспринимает религию, и она становится постепенно «подсознательной духовной основой его жизни», так что заветы Будды исполняются народной массой не как подвиг, не из боязни кары Божьей – «ада нет в понятии буддистов» – или сознательно подчиняясь требованиям религии, а благодаря неосознанному и неформулированному «категорическому императиву» религий, проведенному в повседневный быт через подсознательную его психику. Это равно относится и к магометанству. Иллюстрирую это положение несколькими конкретными явлениями из жизни народов востока.

Южный Буддизм запрещает употребление в пищу мяса домашних животных ввиду того, что в жарком климате мясо быстро разлагается и образуются птомаины – мясной яд. Во время голода в Индии мы видим вымершими целые селения, а их скот без призора хозяина остается, тогда как в Советской России во время голода, по некоторым сведениям, ели ... людей. Магомет был великим гигиенистом, и он провел через религию и быт много полезных мер, ис-

¹ *Осока* – по-видимому, речь идет о царе Ашоке (*примеч. изд-ва*).

полняемых и теперь в массе народной. Запрет свиного мяса объясняется зараженностью в жарком климате свиней особыми глистами – трихинами, опасными для жизни человека. О целесообразности алкогольных напитков, в особенности в жарких странах, нечего пояснять. Мы видим, как трудна и как дорога пропаганда против алкоголизма в Европе, и все же безуспешна в сравнении с мусульманским миром. Обряд обрезания по статистике Петербургского гарнизона дает на 30% меньше венерических заболеваний у солдат мусульман, чем у солдат остальных вероисповеданий.

Православные посты очень целесообразны с медицинской точки зрения, в особенности для богатых людей, которые как раз менее всех исполняют их. Они «переедают», питаются обильно мясной пищей, отчего зависит «нарушение обмена веществ», являющегося благоприятной почвой для многих болезней.

Эту гигиеническую меру нельзя провести в народную массу никакой пропагандой, школой и законами так успешно, как провели великие учителя жизни – Христос, Будда и Магомет.

Заповедь «не кради» имеется в религиях как Востока, так и Запада, но, несмотря на это и на строжайшие законы, полицию и крепкие замки, все европейские суды завалены работой, а тюрьмы переполнены ворами, исключая Скандинавские страны, в то время как на Востоке воровство бывает много реже, а у монголов и калмыков кибитки нигде не имеют замков. Простая деревянная задвижка снаружи свидетельствует, что в доме никого нет, и никто не вздумает зайти и взять что-либо. Кража вещей или грабеж – исключительная редкость, потому даже золото хранят в подушках, в постели. Как у скотоводов у них развито конокрадство, что считается скорей удалством, чем обычной кражей в понятии европейцев. В Японии, например, магазины оставляются открытыми во время обеденного перерыва, о чем с удивлением рассказывали наши пленные после русско-японской войны.

Заповедь «не убий» также имеется в Христианстве, на Западе, и в Буддизме, на Востоке, но в быту у народов [она] осуществляется по-разному. В мирной жизни уголовных преступлений с убий-

ством больше на Западе, чем на Востоке. Кто жил среди народов Востока, тому было легко заметить эту разницу.

История Запада – это история войн между собой, а краткие интервалы между собой – суть приготовление к следующим войнам, потому военные пользуются почетом и уважением. Восток же не знает таких частых международных войн. Поднятые 700 лет тому назад Чингис-ханом великие войны постепенно улеглись под этическим влиянием Буддизма. Внук Чингис-хана, Хубилай-хан величайшей в мировой истории Монгольской империи, принял Буддизм в толковании Зонкавы (т. е. Ламаизм)¹.

Когда все буддисты приняли Буддизм, оставив шаманизм, тогда как раз начинается падение военной мощи монголов и распад их империи. Одной из главных причин этого нужно видеть во влиянии буддизма на монголов, воинствующий пыл которых заменился религиозным пафосом, в результате чего теперь Монголия без преувеличения представляет страну монастырей. 45% мужского населения Монголии – монахи².

Так, Монголия, бывшая некогда военным лагерем, владевшая 4/5 старого света, теперь стала монастырем. Вместо топота коней и звона кривых сабель там теперь слышится благоговейное причитание молитвы: «О мани падме-хом», – да будет благоденствие всему живущему в мире.

Под пацифистским влиянием Буддизма в Азии военная профессия считается одной из немногих «неприличных» профессий: туда идет (по найму) элемент преступный и отчаянный, у которого нет Бога в душе, кроме высшего командного состава, который через них преследует свои особые или национальные цели.

И Христианство, последовательно проведенное в быт, должно было дать подобные же результаты в Европе. И оно запрещает убивать, безразлично враг он или нет, и его заповедь «люби ближнего,

¹ Далай-лама подобно Папе признается ламаитами заместителем Будды на земле.

² Женские монастыри не существуют.

как самого себя» аналогична буддийскому «да будет благоденствие всему живущему в мире».

Разве не искажение учения Христа в быте, когда во время войны православные прибегают [к лозунгу]: «За веру!». Когда молятся в церквях о подавлении врагов, о даровании [победы] «христоролюбивому воинству», и даже бывали случаи, например, в русско-японскую войну, шествия священников с крестом в руке, идущих в атаку на неприятеля. Это скорее похоже на исполнение учения Магомета – «око за око, зуб за зуб», что более соответствует быту Европы, чем учение Христа: «Люби ближнего, как самого себя».

Остановимся несколько подробнее на «бытовом исповедничестве» Конфуцианства в течение тысячи лет более чем 400 милл[онным] китайским народом, чтобы познакомиться с духовной культурой Азии, узнать в чем ее сила и почему она так устойчива¹.

Конфуционизм в быте – это единственное величайшее историческое явление такого строгого проведения в быт в грандиозном масштабе и со времен глубокой древности одного учения, не претендующего называться религией.

Когда северный Буддизм в 65 году стал официальной религией Китая, то он шел вразрез со старой китайской культурой. Только благодаря беспримерной способности к ассимиляции Буддизм так слился с китайским мировоззрением, что весь китайский народ был увлечен буддийскими идеями. Китайцы сами говорят: «Три учения – Конфуцизм, Тонцизм и Буддизм – одно учение, дополняющее друг друга».

В то время как Конфуцианство учило, как надо жить на земле и управлять государством, Буддизм явился его продолжением и учил, как избавиться от страданий и указывал пути избавления от них. Правила жизни Конфуция, жившего пять веков до Р. Х., глубоко реальны и приведены в быт 400 милл[ионного] китайского народа, хотя он не был пророком, а его учение не было религией.

¹ Излагается по данным [Н. Ф.] Бунакова «Пути России» и отчасти [Ф.] Гельвальда «Средневековая культура Азии» (*примеч. автора*).

Мало того, он не создал ничего нового, он только собрал учения древних и передал потомству для проведения их в быт. «Когда не знаешь, что такое жизнь, – говорил он, – как узнаешь, что такое смерть?». «Чему может научить тот, кто не опирается на учения древних? Я передаю учения древних и не сочиняю ничего нового и верю древним, и люблю их».

На этих устоях древности стоит Китай и поныне, то пышно расцветая, то увядая, более четырех тысяч лет, не зная европейских революций до 20 века. И эта завершившаяся революция не социальная, а национальная, социальные устои и быт в религии остаются те же и теперь. Социалист-революционер Сун-Ятсен заявлял: «Моей постоянной целью было восстановление старого Китая».

Учение Конфуция глубоко мудро и реально, проникнуто глубоко моральным и религиозным чувством. Так оно отвечает душе китайского народа, что с тех пор и поныне весь он живет его учением. Другие народы создали учения более высокие, но ни один народ так не слился со своим учением и не воплотил его в жизнь свою, как китайский народ учение своего Конфуция.

В чем же мудрость Конфуция и святых мужей древности? Они учат: мир един и целостен. Тао – основа мира. Тао – божественный разум, управляющий миром, вечный порядок мира и мирное его течение. Тао являет себя в смене времен. Путь мира – праведная середина. Смысл мира – вечная гармония. Государство – форма человечества. Вести государство могут только совершенные люди. Земля подчиняется небу, а государство управляется небесной волей, возвещаемой через избранников, сына неба, сидящего на троне, называемого также Богдо-ханом, ему поклоняются, как сыну неба. Начальник служит царю, как тень следует за телом. Подданные повинуются царским начальникам, как эхо отвечает голосу, но в лице нет выражения величия и силы, а смирение и терпеливость. Сознание безграничной власти подавляется сознанием безмерной ответственности, а ответственность его велика, он должен осуществить Тао неба на земле, должен управлять государством в созвучии с мировой гармонией, он должен вести людей к

счастью и совершенству. Он боится нарушить Тао Мира. Он говорит самоунижение: «Я последний из людей, я слабый, как малое дитя», в противоположность гордым западным государям, заявлявшим: «Государство – это я, воля государя – высший закон»¹.

Можно с уверенностью сказать, что отношение китайского народа к своему Богдо-хану осталось таковым же и по отношению к своему президенту республики теперь, так как оно имеет глубокие корни в быте народа.

По Конфуцию, задача мудрого управления государством заключается в том, чтобы народ без принуждения, по внутренней склонности подчинился воле правителя, а это возможно, когда народ воспитан и дисциплинирован, правитель же морально совершенен, чтобы он мог любовью или примером указывать путь народу. Главная задача власти – не законодательство, суд и управление, как понимают в Европе, а молитвы и жертвоприношение, поучение и проповеди, церемонии, правила поведения и музыка.

Кодекс обязанностей личных, семейных, государственных известен каждому гражданину с малых лет, воспринявшему от родителей и окружающей его среды, и он ему следует как закону природы. «Ли» – правила морали, доброго поведения, обряды, церемонии – вот главное в жизни даже простого китайца. Вежливость в обращении с людьми и гостеприимство – эти чисто восточные черты характера вырабатываются этими правилами доброго поведения и приводятся в жизнь.

Эти черты находятся в подсознательном психическом мире каждого китайца, японца, монгола, индуса, даже свойственны дикарям, между тем как в Европе этой черты вежливости и гостеприимства в народной массе, даже у «высококультурных» народов нет, а в высших классах эта вежливость вырабатывается после долгого периода воспитания через посредство гувернанток, бонн и школ. Только тогда европеец становится культурным, вежливым и «воспитанным» человеком. Гостеприимство же распространяется только на друзей и его приятелей, и то стараются пригласить

¹ Бунаков Н. Ф. Пути России. (Примеч. автора).

гостей не на дом, а в ресторан. В то время, как в Европе нельзя сделать шагу без денег в кармане, в Азии, например, в Монголии или у калмыков в Европе можно объехать всю страну без гроша в кармане вдоль и поперек, так как там сочтут за оскорбление, если европеец или вообще путник предложит деньги за ночлег и пищу. Никто там не откажет в ночлеге, потому там не существуют рестораны и гостиницы.

Когда правила поведения народом усвоены и применяются в жизни, когда добрые поучения – как жить – изучены народом, тогда он совершенен, а роль правителя и управление малозаметны. Поэтому «Ли», проведенный в быт, – орудие управления более тонкое, чем грубое орудие законов и наказаний. На Востоке жизнь утверждалась не правовыми нормами и уголовным кодексом, как на Западе, а священными книгами. Компромисс, середина, равновесие – пути китайского управления.

«Если спросить европейского политика, можно ли на этих условиях мудрости построить большое благоустроенное государство, он, не колеблясь, ответит отрицательно, ибо знает «душу» своего человека: «личный интерес», «любовь к себе, к материальным богатствам»; он знает, что вне этой страсти нельзя человека побудить к упорному и напряженному творчеству, он знает, что для того, чтобы эта страсть не перелила через край и не привела всех против всех, нужны плотины – право, законы конституции и сильная власть для охранения этих плотин. И он прав, ибо душа западного человека такова и с таковой душой иной государственности построить нельзя» (Бунаков. Пути России).

Западный человек, считающий себя носителем высшей общественной культуры, уверен, что его душа нормальна и ее черты свойственны всем, между тем, как он не знает «душу» восточного человека и вообще человека, которая совершенно не похожа на его «душу» и иначе построена. Он не знает Востока вообще и не понимает его культуры и государственности, потому Восток кажется Западу смешным и таинственным призраком.

В то время как социальное здание Европы построено (даже при демократии) пластами один под другим, китайский народ одно-

слойный и эгалитарный, возглавляется он аристократией духа, его интеллигенцией, равной которой по духовной мощи и социальному значению не знает история. Китай управляется отбором лучших – это правящий отбор – духовная ее аристократия. Она получается путем государственных экзаменов и знаний наук и священных книг – только немногие лучшие люди напряженной духовности, даровитости и таланта успешно кончают [их], и они только имеют право быть министрами, генерал-губернаторами и на прочих высоких должностях государства, так как священные книги учат, как управлять государством. Только такие ученые имеют доступ на высшие должности в государстве и тем самым на высшую оплату их труда.

В Европе высшие места получают главари политических партий, партийный билет заменяет все: и ученость и квалификацию. А ученые в Европе «голодают», не находя применения своему труду, который в лучшем случае низко ценится. Китай единственное государство, где ученые ценятся так высоко и их труд оплачивается так щедро, как нигде на свете. Громадная масса не выдержавших экзаменов заполняет должности в самоуправных частных учреждениях, ряды своеобразных профессий и рядовой интеллигенции. На здании академии в Пекине написано: «Здесь научаются управлять государством». Цель этой школы – достичь совершенства, стать «высшим, благородным, царственным человеком». Китайская интеллигенция действительно ведет свой народ к достижению неосознанных и неоформленных массой народной целей и задач, в то время как западная демократия с ее парламентом находится на услужении прихотям толпы, ее корпуса «голосующих», находящихся под командой и обработкой «штабов» различных партий, почти всегда субсидируемых капиталистами.

И в самом деле, китайские ученые, «эти ходячие энциклопедии», производят на европейцев впечатление самых культурных и совершенных людей в мире, а китайскому интеллигенту европейские образованные люди кажутся духовно незрелыми и нравственно мало воспитанными. Вот почему китайская интеллигенция, влюбленная в свое учение, пользуется авторитетом, как ни одна интеллигенция в мире, а китайская бюрократия, составленная из верхов

интеллигенции, из «отбора лучших», несмотря на свой численно ничтожный состав и отсутствие аппарата принуждения, встречается со стороны населения безусловное подчинение и с легкостью, непостижимой для Запада, управляет 400 милл[ионным] народом. Это – не европейское народовластие, а народоводительство, не их демократия, а демотия.

Из европейских учений только евразийцы впервые провозгласили эти принципы, освященные древней культурой Востока. Практическая целесообразность их бесспорна, ибо из всех строев человеческого общества эти принципы оказались самыми долговечными и устойчивыми. Современный Запад устремлен вперед, окунается в неизвестное будущее, всегда потрясаемое революциями. Китай устремлен назад, упирается в ясное прошлое – оттого он неизмеримо устойчивее Запада. Революции ему неизвестны [а теперь? – *Ред. ж.* «Вольное казачество»]. Смуты, восстания, смены династий бывают, а порядок остается тот же.

Этот устойчивый и долговечный порядок в Китае создан великим строителем человеческого общества Конфуцием. Успех его учения объясняется тем, что оно глубоко реально и создано большим знатоком человеческой души, т. е. учителем жизни. Конфуций не проповедовал возвышенные, но неисполнимые догмы религии: он не учит воздавать добром за зло, говоря: «если вы воздадите добром на зло, чем вы воздадите на добро? Надо воздавать справедливостью на зло и добром на добро». Учение Конфуция отличается не только своей моральной высотой, но еще больше оно поражает своей практической мудростью и жизненным реализмом. Китайцы реалисты и практики.

Зачем провозглашать высокие истины, когда они не применимы в жизни? И как их применять в жизни, если они непонятны среднему человеку, из коего состоит народ?

Праведный путь для народа должен быть прост и легок, но зато обязателен – к тому стремится китайская мудрость. «Любовь к ближнему» трудна, непонятна и отвлеченна, но зато близка и реальна любовь к ближним по крови и жизни. Люби отца и мать – основная заповедь китайской морали. Следующая заповедь: люби

детей своих, братьев, друзей. Дальше – сыновняя и братская любовь распространяется на соседей, сограждан и, в конечном стремлении, на все человечество.

Основное ядро Китая – семья. Она связана нерасторжимыми узами. Она самое в себе маленькое государство. Если разрушится государство и его общественные связи, но если сохранится семья, Китай будет жив. Каждый китаец до 30 лет должен жениться, а девушка до 20 выйти замуж, иначе платит налог. Существует семейный суд. Судит глава семьи и семейный совет. Юрисдикция семьи почти неограниченна. Самое большое преступление – сыновняя непочтительность.

Такова Азия, озаренная внутренним духовным сиянием и устремленная ввысь, к вечному.

1930 г.

ТУПИКИ И ИСХОДЫ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ¹

I

Прежде чем приступить к изложению исходов революции, постараюсь вкратце обрисовать те ее тупики, из которых не выходили с начала революции ее две крайности – реставраторы и коммунисты, чтобы тем яснее и резче были видны и логически понятны новые пути, намеченные бывшей России закономерностью развития народов.

¹ Помещаемая здесь статья д-ра Э. Хара-Давана носит некоторый отпечаток евразийского учения, которому, сколь нам известно, автор уделяет много внимания. Некоторые встречающиеся в статье утверждения являются индивидуальными мыслями автора, согласиться с которыми мы не можем целиком или отчасти. Несмотря на это, мы с удовольствием помещаем эту статью, т. к. она дает пример довольно своеобразных исходных точек и новых путей в подходе к утверждению конечной программы нашего журнала (*примеч. ред. журнала «Вольное казачество». 1930 г.*).

А. Тупик «красный»

Мы видим, как маятник революции из крайне правого политического положения – самодержавия, этого наследия монгольского ханата XIII в., откочнул до большевизма, этого духовного детища XIX в. европейской культуры.

Амплитуда колебания маятника революции в ее крайних точках поистине громадна, и теперь он, упершись в них, после двенадцатилетнего «русского опыта» стремится остановиться где-то между ними, на путях освобождения угнетенных народов и их национального возрождения.

Идейный взлет революции с ее «немедленным социализмом» в мировом масштабе сопровождается падением ее в пучину бездны «чекистского подвала». Гроза революции обнажает, выводит наружу подлинный «цвет и аромат» души русского народа во всем блеске ее силы и во всей тусклости ее слабостей, во всем благоухании лучших черт народного характера и во всем смердящем дуновении диких страстей и пороков.

Революцию 1917 г. пыталась возглавить за время «от февраля до октября» российская демократия, но она оказалась не имеющей корней в народе (оторванность от него российской интеллигенции была, впрочем, известна и до революции). Вместо действий она говорила. Вся Россия за то время была как бы загнипнотизирована болтавшимся над Россией «большим красным языком» Керенского, пока из этого оцепенения не вывел страну матрос-коммунист Железняк, грубым окриком разогнавший мертворожденное Учредительное Собрание, считавшееся основным завоеванием революции (без протеста с ее стороны).

Все думали и верили, что революция идет буржуазная, а одна небольшая, но сплоченная группа энергично и самоуверенно заявила: «Нет, она социальная!» и вырвала руль власти из слабых неуверенных рук российской демократии. С тех пор интеллигенция, это единое наследие периода европеизации России, растерянная, мудрствующая, многоголовая, бессильной щепкой понеслась по

воле волн. Она сумела подготовить революцию, работая нелегально и «подпольно», но работать явно, «при свете солнца» и вести за собой революцию не ей было суждено.

Пока русская демократия обнаруживала полную свою неспособность к действию и занималась «уговариваньем», российские Павлы и Иваны, «себе на уме», слушали ораторов и усиленно сорили землю российскую семечками. Их желание угадал один вождь революции, выкинув знамя с лозунгами «воткни штык в землю» и «грабь награбленное». Ленин сыграл на утомлении войной и на максимализме русской природы, искони склонной к бунтарству (проявленному и до того в разные периоды истории: Смутное время, пугачевщина и т. д.).

Большевики имели, кроме дерзаний, свою идеологию, хотя утопичную, но понятную массе: имели пафос идейный на своих верхах и фанатизм верующих в низах народных. Ни пафоса, ни идеологии, близкой душе народной, не было у их противников «белых», которые имели все признаки упадочного периода. А новые идеи и религии пробивают косность массы, взбудораживают ее и вербуют себе последователей главным образом своими фанатиками: не столько оружие, сколько фанатизм побеждает в гражданской войне. Наступившим упадочным периодом объясняется то паралитическое состояние сдававшихся красным больших центров, как Москва, Киев, Одесса, где было, как говорили очевидцы, одних офицеров больше, чем взявших город красных солдат.

Большевики для осуществления «немедленного социализма» воспользовались мобилизованной для обороны страны промышленностью и стали декретами вводить «военный коммунизм».

Но путь «военного коммунизма» быстро оказался ложным путем, пускающим весь поезд революции «под откос». Спасает временно Ленин, выдумав полустанок «нэп» (новая экономическая политика), который является поворотом от коммунистического тупика назад к государственному капитализму и частной мелкобуржуазной стихии. На этом полустанке большевики должны были дожидаться «мировой революции», но она после двенадцати лет теперь дальше, чем была в 17 г.

Это главный тупик русской революции, которая в самом начале заявила устами Ленина, что коммунизм может жить только при мировой революции и торжестве коммунизма в передовых странах Европы. После многократных неудачных попыток революции на Западе большевики попытались зажечь мировой пожар с Востока, но потерпели окончательный крах в Китае к 10-летию своему юбилею. «Ударность» их верхов принадлежит прошлому: «Укатали Сивку крутые горки».

Ставку ва-банк был у них октябрь, приведший к Брест-Литовску, аннулированному Версалем. Второй ставкой ва-банк был военный коммунизм, приведший к нэпу. Третьей ставкой была попытка пробиться сквозь Польшу к жаждущей реванша Германии, чтобы вместе зажечь мировой пожар революции – она довела до Риги.

Ночь революции прошла. «Свет исходит с востока» багряной зарей новой эпохи освобождения возродившихся народов с их самобытной культурой, которая на хорошо удобренной и глубоко перепаханной революцией родной почве даст пышный расцвет.

Этих тупиков русского максимализма слева вполне достаточно, чтобы поставить прогноз его будущего – прогноз ликвидации.

Б. Тупик «белый»

Не меньше таких тупиков имеют и максималисты справа – реставраторы. Начнем с указания на то, что все, вплоть до некоторых великих князей, великую «бескровную» революцию встречали с радостью. К удивлению революционеров, революция не встретила никакого физического отпора даже со стороны старого правящего класса: бюрократии, дворянства и буржуазии, т. к. он сгнил раньше, еще до революции, и теперь наступил период упадка его.

Пора признаться откровенно, что ядро, центр России, Великороссия, сознательно или бессознательно, но добровольно приняла советскую власть; с первых же шагов с большей частью офицерства и интеллигенции способствовала ее установлению и укреплению.

Сопротивление и отчаянную борьбу встретила советская власть только на периферии, на окраинах государства.

На юге борьбу вели казаки, инородцы, украинцы; на западе у Юденича «инородцы» (эстонцы) с русскими, в Сибири – чешские легионы, казаки и опять «инородцы»; русских (великороссов) было сравнительно мало. Большей частью движения эти возглавлялись присоединившимся к ним великорусским офицерством с высшим командованием и их старыми общественными деятелями. Этот противоестественный союз разных по содержанию, противоречивых по идее элементов при бесталанности политического и военного водительства «белых» дал победу красным. Пафосу и идеологии, хотя бы утопическим, красных «белые» не могли противопоставить ни программы, ни пафоса, кроме стыдливо скрывааемых целей реставрации имущественной и политической.

Лозунг ген. Деникина «единая, неделимая» не встречал сочувствия у борцов с окраин, которые мечтали одни об автономии, другие о федерации, а третьи о национальном самоопределении и государственной самостоятельности по программе Вильсона. Решение национальной проблемы «белыми», таким образом, оказалось неприемлемым для окраин. Против этого лозунга белых красные выкинули – «самоопределение народов вплоть до отделения». Хотя целиком они этого не дали, но осуществили в обрешанном виде кое-где еще в процессе борьбы, а не откладывали до «Учредительного» или «Земского Собора», как это делали белые.

Белому движению возглавители его хотели придать характер патриотический, упуская из виду, что патриотизм не связан с формой правления или с социальным устройством страны. Патриотизм уместен только в борьбе против притязаний иностранцев: во время гражданской войны генералы Брусилов, Гутор и Клембовский у красных, ген. Деникин у белых одинаково призывали к патриотизму.

Белое движение, начатое в августе 17 г. с большой искренностью ген. Корниловым, было задушено в самом начале не красными, а белым же Керенским при пассивности либеральной россий-

ской буржуазии и враждебности революционной демократии. Уже тогда собственно пал пафос дальнейшего белого движения.

Русская буржуазия не проявила жертвенности в лице помещиков, банкиров и промышленников. Организованная под названием «московский центр», она отказалась давать деньги на белую армию (прислали ген. Алексееву всего 5.000 рублей в обесцененных революцией бумажках!), в то время как московский купец Савва Морозов пожертвовал до революции огромное свое состояние на дело помощи русским революционным организациям.

Имущие классы пытались без всяких жертв завладеть тем, за что «белые» отдавали свою жизнь. Отказываясь добровольно отдать часть своего достояния белым, они без сопротивления отдали все по требованию коммунистов.

Белое движение было погублено теми, кто стремился к защите своих классовых интересов под прикрытием национальных идей, а вожди белых исходили не из факта революции, а из непризнания ее, почему и оказались оторванными от народных масс и их желаний; поэтому белые, встречаемые хлебом-солью до Орла, когда уже надеялись услышать «звон московских колоколов», повернули назад, провожаемые проклятиями и выстрелами в спину, пока не «опрокинулись в море» у Новороссийска и в Крыму.

Белые вожди искали поддержки в среде той либерально-демократической общественности, которая заполняла ее тыл и обозы, но она сама оказалась не имеющей органической связи с народом и потому не могла одухотворить, дать идеологию и пафос белому движению, оказавшемуся «худосочным»; вообще эта общественность сама оказалась изжитой в революции за время «от февраля по октябрь 17 г.».

В гражданской войне сила лежит не столько в боевой мощи, сколько в способности привлечь на свою сторону активные элементы населения, своей идеологией заставить красные части повернуть штыки против коммунистов; вместо же этого в период Деникина пытались левыми (ка-де) людьми проводить правые мероприятия, а в период Врангеля правыми людьми хотели вести ле-

вую политику. Не было искренности, а без нее нет пафоса борьбы, а для победы в войне, в особенности гражданской, нужен пафос, энтузиазм массы народной; эти элементы играют большую роль, чем количество бойцов.

Остатки белых «по команде» сели на пароходы и рассеялись в эмиграции. Терпеливо вот уже 10-й год ожидают они новую команду «слушай, поход», которая вновь снабдит их отобранном оружием, посадит на суда и отправит в обратный путь. В ожидании этого приказа и нужно было оставаться в составе «армии», продолжать повиноваться «вождю» и как-нибудь дожить до «возвращения».

Пережила эмиграция серию «весенних походов», каждый раз с большими разочарованиями, чем раньше. Пережила и «американские пароходы» ген. Краснова с образцами животных для разведения на «опустошенной красными родине», подобно Ноеву ковчегу. Пережила эмиграция также ставку «на истощение и голод», т. е. на «мертвую Россию», признанную теперь монархистом В. Шульгиным, ездившим в Советскую Россию, чрезвычайно вредной. Также пережила ставку на диктатуру в борьбе с диктатурой.

Враждебное отношение к «приспособившимся» культурным работникам и «спецам» теперь сменилось благожелательным отношением, как видно из письма ген. Деникина «туда», краскому.

Дольше всего переживает эмиграция возможность иностранной интервенции, поделившись в этом вопросе на два лагеря – за и против. У крайне правых ставка на интервенцию, а от б[ывшего] Главковерха Керенского до б[ывшего] главкома ген. Деникина, стоящих на линии примиренчества, ставка на эволюцию большевизма.

Когда правая эмиграция увлеклась «интервенцией», левая начала увлекаться способами мирного возвращения на родину путем соглашения с советской властью, появились «сменовеховщина», «пошехоновщина», «кусковщина» с ее лозунгом: «засыпайте ров гражданской войны» и вообще «возвращенство», также ни к чему не приведшее.

На требование неполитической части эмиграции, рядового беженства, об объединении всей политической эмиграции была

устроена попытка в виде Зарубежного съезда, но туда не пошли левые, начиная от Милюкова, а из собравшихся правых стали уходить группы одна за другой, так что вместо объединения получилось доказательство полного разъединения.

Эмиграция политическая объединиться может (и то с большим трудом) на одной только отрицательной программе: на свержении советской власти, для последующего же времени у каждой из разбитых революцией партий, вернее у бежавших за границу «штабов старых партий», имеются у каждого свои рецепты для устройства России, поэтому все они готовятся вступить в жестокую борьбу между собой там, на родине, после освобождения ее от большевизма.

Заграничные штабы разбитых революцией российских партий, надеющиеся или на сохранение чистоты партийных риз своих приверженцев на родине, или на старое мировоззрение оставшихся там, упускают из виду то, что великие революции бывают ознаменованы духовной встряской, не оставляющей камня на камне в прежнем мирозерцании и мироощущении как «верхов», так и «низов» народных. В этом смысле великие революции, как русская, сходны с эпохами зарождения новых мировых религий или учений.

II

Революции в истории народов являются периодически, а социальные революции, как русская, знаменуют собою переход в новую эпоху.

Чтобы более верно наметить пути соврем[енного] СССР, обратимся к аналогичным явлениям и признакам во всемирной истории.

Позволю себе предварительно сделать одно заявление относительно изучения судьбы русской национальности. Русская история изучалась очень долго, точно какой-то своего рода процесс в самом себе, независимый от всего окружающего мира, со своими особыми законами существования. Одновременно и по той же причи-

не образовывались все нити, которыми русская история связана с историей других народов.

Между тем Россия по своему географическому положению находится между античными культурами Востока и Запада, на великом пути переселения народов, и она не могла быть изолированной от влияния других народов. Однако русская история никогда не трактовалась как составная часть всемирной, между тем как на самом деле она очень характерная и крупная часть всемирно-исторического круга событий.

Историческая закономерность судеб великих империй тождественна в своих общих чертах, хотя ни один из исторических примеров целиком не совпадает с данными, как это и следует в истории, в которой нет буквальных повторений.

Сперва рассмотрим случаи расцвета и гибели двух величайших империй античного мира – Греческой и Римской, и приведем исторические аналогии, выявившиеся в истории двух позднейших великих империй: средневековой Монгольской и современной Российской.

Все эти империи характеризуются тремя крупными периодами развития в их истории. Первое – накопление потенциальной энергии национальности и формирование однонационального государства; второй – период империализма с колониальными войнами и присоединением чуждых им по крови и культуре народов, это период полного расцвета национальности, который у всех очень недолог; третий – период упадка господствующей национальности, ее культуры и распадение империи на свои составные национальные части, когда угнетенные нации освобождаются и встают на путь национального возрождения.

Две древнейшие нации античного мира – греческая и римская – при всем различии данных испытали, в конце концов, одинаковую судьбу. Греческая культура была культурой знания, идеал ее – мудрец; культура же римская – культура права, идеал ее – гражданин, герой. Героический период у греков сосредотачивается около борьбы с персидской империей и олицетворяется в лице

Александра Македонского; для римлян – около войн Пунических. Под влиянием внешней грозной опасности эти нации развертывают необычайное богатство сил, неслыханную боеспособность. В разных областях государственного строительства, военной техники и литературных созданий нации эти обнаруживают величайшую самоуверенность, быстро и нервно изобретают, если и заимствуют, то не чувствуют себя обязанными учителю, а применяют заимствованное точно свое, гордятся своей национальностью превыше меры, весь остальной мир трактуя как варварство.

Вот характерные черты первого периода развития этих империй.

Затем наступает для этих наций второй период – эпоха империалистического расширения. Империализм составляет видимое продолжение национализма, это своего рода полет на крыльях национальной энергии, но его результаты – ослабление этой энергии, растворение национальности, исчезновение ее нервной, ее духовной мощи.

Этот факт особенно заметен в судьбе греков и римлян так же, как у монголов и великорусов. С расширением их империй вторгаются чужие люди, костюмы, вкусы, обиход жизни. Появляется великий спрос на чужие обряды, верования. Литература и школа принимают оттенок космополитический. Все иностранное, иноверное начинает казаться милее, интереснее родного, отечественного; своего патриархального, традиционного стыдятся, свое презирают.

Конечно, очень много значит в этом падении национальности факт внешнего физического растворения. Рождаемость нации далеко не поспевает за ростом территории в Империи, в колониях, которые завоевывает господствующая нация; она разрежает свой состав. Нация перестает быть плотным единым телом; смешанные браки изменяют ее состав. Правда, она много навязывает покоренным, она ассимилирует другие малые нации, она достигает больших эффектов распространением государственного языка, привитием своей школы. Но еще больше, может быть, господствующая нация берет у подчиненных, еще больше она варваризуется, денационализируется, а затем важную роль играет переход завоевателей на мирную ногу.

Воители и странствующие торговцы превращаются в землевладельцев и бюрократов. Само общество глубоко видоизменяется одновременно с ростом империи. Это изменение мы называем демократизацией, уравниванием сословий; оно выражается в исчезновении старых корпораций, разных сословий, привилегий и преимуществ рождения. И в Греции, и в Риме самый выдающийся факт из этой области – это гибель наследственной аристократии (служилого класса), соответствующей нашему дворянству (в Греции – всадничество, в Риме – нобилитеты, в России – служилое дворянство), и только тут в момент гибели этой старинной корпорации становится видно, какую существенную роль она играла в образовании и защите национального государства.

Теперь посмотрим, что происходит во время упадка в области духовной и материальной культуры. Несомненно, выше и тоньше становится техника, военные сооружения, но ко всей блестящей внешности не хватает вдохновения. Общественные нравы падают, храбрость, самоотверженность и честность уступают место трусости, эгоизму и взяточничеству. Исчезновение национальной терпкости и остроты, космополитическая интернациональная вялость расслабляет и парализует деятельные силы нации.

Как будто эти два процесса, культурный и национальный, идут параллельно, но противоположным ходом: один вверх, другой вниз. Ничего национально-греческого и национально-римского нет в беллетристике и философии эпохи. Когда-то господствовавшие великие нации начинают исчезать; в должностях в управлении, в военном командовании, в литературе выдвигаются инородцы, как в России – немцы, у монголов – персы, китайцы и татары. В эпоху Константина и Феодосия ни греков, ни римлян уже не существует как национальности. Здесь перед нами картина безвозвратной гибели национальности.

Но некоторые народы, мы видим, могут возрождаться и вновь. Персия два раза возрождалась. Если их первой эпохой расцвета считать время Ахеменидов VI и V в. до Р. Х., то после разгрома, после македонского и парфянского чужеземного владычества

в течение 5 веков с лишком происходит второе возрождение при Сасанидах в III в. по Р. Х. Новоперсидская империя существует 4 века. Затем происходит второе завоевание, вторая гибель персидского национального государства под натиском кочевников – степных арабов, – которые им приносят ислам.

Пятисотмиллионный Китай, насчитывающий около пяти тысяч лет своей исторической жизни, пережил много периодов своего расцвета и упадка, когда им завладевали немногочисленные монголы в эпоху своего расцвета.

Монголия при Чингис-хане и его наследниках пережила 2 века своего расцвета и вот уже переживает 6 веков своего упадка. И только теперь мы видим признаки ее пробуждения вместе с народами Азии.

В истории монголов мы видим процессы, аналогичные с выше приведенными из истории Греции и Рима. Когда Чингис-хан объединил все кочевые племена Азии в одно государство, единое по крови, культуре и быту, нам казалось бы целесообразнее дальше этого не идти, но историческое развитие народов имеет свои неуловимые законы, подобно тому, как человек должен пережить свое детство, юность, зрелость, чтобы впасть в дряхлую старость.

Монголия выходит из своих этнографических границ, переживает свой период империализма, завоевывает чуждые ей по крови и культуре народы Востока и Запада, сама в них расплываясь и денационализируясь. В Китае они, начиная с Кубилай-хана, китаизируются; в Персии наследники Чингис-хана подпадают под влияние чуждой им культуры и принимают мусульманство; в Золотой Орде чингисханиды и монголы отатарились и приняли мусульманство. Победоносные воители перешли на мирную жизнь, налаживая государственный аппарат в обширных своих колониях, подвергаясь расслабляющему действию старых культур китайцев и персов. Нет пафоса борьбы, замедлился пульс национальной жизни, наступают сумерки... Как следствие этого мы видим упадок национальности и разложение монгольской империи, занимающей 4/6 Старого света, и распадение на отдельные

свои составные национальные государства. Монголы после блестящего своего расцвета сошли с исторической сцены и впали в упадок, но после себя оставили два великих наследия: на востоке – впервые ими объединенный Китай из дотоле трех независимых, но однопациональных государств Тангут, Цзинь и Сун, а на западе – Московскую Русь.

Московская Русь Ивана III и [Ивана. – Ред.] IV представляла из себя впервые объединенное самостоятельное государство одной русской национальности. И здесь повторяются те же аналогии, приведенные выше, из истории Греции, Рима и Монголии. Московская Русь не хочет ограничиться этим и начинает свой империалистический период. Иван Грозный завоевывает чуждые ему по национальности и культуре остатки Золотой Орды – Царства Казанское и Астраханское. Знать татарская неудержимо вливается широкой волной в русскую правящую аристократию. Один татарин, Борис Годунов, доходит до русского престола, а принц Ордынский, потом св. Петр, причислен к лику православных святых. Татарская – более высокая культура, чем русская того времени, широко влияет на Русь. Здесь не место говорить об этом подробно (о влиянии монгольского ига см. книгу автора «Чингисхан и его наследие»). Завоевательные колониальные войны перебрасываются за Волгу и Урал.

Период расцвета русского государства, его героический период, когда империализм достиг своего апогея – это время Петра I, а в особенности Екатерины II. Петр сам, а у Екатерины ее «орлы», с Суворовым во главе, расширили границы империи до максимума. После этого в первой половине XIX века наблюдается некоторый застой. Во время войн с поляками в 30-х годах и во время венгерской кампании в 40-х годах мы видим «отсутствие воли к победе», отсутствие пафоса борьбы, которыми обладал период Екатерининский. С 70-х годов XIX в., а именно со времени Крымской кампании обнаруживаются признаки упадка: вышесказанные отрицательные качества обнаруживаются рельефно, и начинаются «сумеречные десятилетия» для русской армии, по выражению Салтыкова. В то время, когда войска одержали победу

в Балканской войне, русское правительство упадочного периода остановило свои войска у ворот Константинополя у Сан-Стефано, испугавшись ультиматума и флота английского, чтобы заключить на Берлинском конгрессе позорный для себя мир.

Самые яркие примеры упадка Россия выявила в японскую войну, когда маленькая Япония, но в периоде своего национального расцвета, разбила великую Россию, находившуюся уже в периоде упадка. В европейскую же войну выявились черты полного развала великой империи. Говорят, война рождает героев, я добавил бы – во время национального расцвета. Так, екатерининские войны дали плеяду полководцев во главе с Суворовым, а все войны, начиная с 30-х годов XIX в. до сих пор, не дали ни одного подобного ему полководца.

Полнейший развал государства подтверждает то, что достаточно было перебросить из-за границы около 200 голодавших там эмигрантов-большевиков, чтобы без попытки к сопротивлению со стороны бывшего правящего класса дворян, бюрократии, землевладельцев и банкиров они могли взять государственную власть при помощи уставших воевать солдат.

Мы здесь видим аналогичные явления, которые мы констатировали при упадке национальности и культуры греческой, римской и монгольской империй.

Принято говорить, что русская культура до Петра I была «самобытной». Позволю себе с этим согласиться лишь относительно. На заре русской культуры мы видели, что в ее создании участвовали варяжские князья со своими дружинами, хотя это была скорее культура «гостинного двора и наемников караванов»; затем – византийское православие и около 300-летнее владычество монголов, давшее Руси свою великодержавность и ханат (самодержавие). Монголы влияли на русский быт, характер и обычаи, с ними кровно сливаясь настолько, что по своему биохимическому коэффициенту она ближе и родственна к коэффициенту крови монголо-тюркских народов (1,5), чем к коэффициенту крови южных и западных славян (2,5), которые ближе к коэффициенту романо-германских на-

родов (3,5). Эти открытия медицины устанавливают, что «родство славянской крови» – миф¹.

Из татарской школы вышло царство Ивана Великого, как птеник из яичной скорлупы на широкую дорогу великодержавности и национальной «самобытной» культуры.

Недолго продолжалась эта самобытность блестящего государства Ивана III и [Ивана] IV, она рушится не от внутренних причин, а под давлением западноевропейской техники, хотя бывшей в руках слабых наций, – поляков и шведов. После смуты московские политики пытались модернизировать свое национальное государство на новый лад и тем стали на путь упадка. Все больше у них вырабатывается пренебрежение к своей культуре и преклонение перед одолевшим их Западом. Восстановленная держава при уменьшенных средствах организуется по европейскому образцу с бюрократией, бюджетом, постоянным войском, для чего понадобился кадр иностранцев-спецов, а в качестве одной из бюрократических форм утверждается до сих пор незнакомое Востоку и сложившееся под влиянием капитализма – крепостное право.

Теперь посмотрим, что мы видим в области духовной культуры.

Петр I был неистовый «западник», со слепой верой в их машину и в их указку. Наплыв чуждого просвещения заставляет забыть все свое, старинное.

Постепенно бюрократизированные государственные верхи отделяются от народной массы; в то же время образованное общество привыкает смотреть на государство как на внешнюю постороннюю силу. Этого разобщения общества и государства, интеллигенции и народа не было в XVII в. Странно звучит на первый взгляд, если сказать, что Курбский и Грозный были по вкусам, складу понятий, образу жизни ближе к простолюдину своего вре-

¹ Одно из весьма спорных утверждений евразийцев, т. к. понятие «славянства» не исчерпывается близостью или отдаленностью наличия биохимических коэффициентов (*Примеч. ред. журнала «Вольное казачество»*).

мени, чем в наш демократический, но сильно европеизированный век товарищ-комиссар из полуобразованных горожан к крестьянину. «Окно, прорубленное в Европу» Петром I, превратилось в широкую дверь, куда сильно подул вольный ветер нигилизма, атеизма, социализма, интернационализма и прочих «духовных ценностей Запада», пока он не превратился в революционную бурю коммунизма, этого последнего детища европейской культуры. Русская революция есть прямое последствие периода копирования европейской культуры Россией, начатого Петром и доведенного до ее логического конца Лениным.

Подобно тому, как война рождает героев только во время национального расцвета у данного народа, а во время упадка его дает трусов или изменников, точно так же художественная литература отражает, как в зеркале, свою эпоху в ее характеризующих чертах. Во время национального расцвета она изображает в беллетристике и воспевает в поэзии национальных своих героев и героинь, а во время национального упадка литература отражает в себе лишь отрицательные черты своего народа. Расцвет русской поэзии олицетворяется А. С Пушкиным и М. Ю. Лермонтовым, после них больше не рождаются им подобные поэты. Беллетристика же дала лучших своих художников в лице таких мастеров слова, как Л. Толстой и [И.] Тургенев, но они изображают мастерски, главным образом, отрицательные черты своего народа эпохи начавшегося национального упадка, подобно тому, как талантливые художники могут верно и яркими красками передавать на полотне гниль и развалину.

Если взять всех русских классиков, то увидим, что самые лучшие и выдающиеся произведения их производят типов с отрицательными чертами, а не положительных национальных героев или героинь, подобно, например, Орлеанской Деве во французской литературе.

Не странно ли, что русская литература, которую мы привыкли считать высокогуманной, проникнутой высокими общечеловеческими идеалами, могла породить дикое варварство русской революции (во много крат превзошедшей азиатский деспотизм)

коммунистической власти. Ведь русский интеллигент-большевик – воспитанник русской литературы. Мы имеем несколько позднее признание и раскаяние в этом в печати Е. Чирикова.

Русская литература виновна не только в создании аморальных и бездушных авантюристов и диких фанатиков, правящих теперь в СССР, но также виновна и в воспитании бессильной, безвольной, мягкотелой русской интеллигенции, без авторитета и связи со своим народом. Безысходная лень Обломовых, неспособность ни к какой плодотворной работе Онегиных, Печориных, Райских, Кирсановых и пр., имя же им легион, нигилизм Базаровых, Волоховых; Карамазовщина, Смердяковщина – вот «герои» упадочного периода нации, изобилующего типами гнили и разложения. Ничего способного к созиданию, ничего светлого, сильного сознающего смысл и радость жизни.

«Русский интеллигент, – пишет Достоевский, – в огромном своем большинстве есть не что иное, как умственный пролетарий, нечто без земли под собою, без почвы и начала, международный межеумок, носимый всеми ветрами Европы».

В императорский период Россия старалась всем аппаратом государственной власти «обрусить и оправославить» все свои 106 инородческих наций. Эта задача не только не достигла своей цели, но имела обратное действие, потому что сам господствующий великорусский народ представлял из себя и своей империи лишь одну треть: из 180 милл[ионов] населения их было только 60 милл[ионов].

Родственные же великоруссам народы и племена – украинцы, белорусы и даже казаки, были урезаны в своих политических, культурно-национальных правах и мерами власти русифицировались наравне с другими инородцами. Этот винегрет оказался слишком большим и неудобоваримым, чтобы он мог перевариться в русском желудочном соку.

По принципу, что всякое давление вызывает сопротивление, а угнетение вызывает пробуждение национального самосознания, мы видим после русской революции сильные центробежные

стремления и у многих народов бывшей Российской Империи, вместо централизма выявляется сепаратизм. Те народы, которые были уже к этому подготовлены, успели еще в 1917 г. отделиться: Финляндия, Эстония, Литва, Польша, а те народы, которые к этому не были подготовлены и революция застала их тогда врасплох, готовятся к этому теперь: Украина, Кавказ, Казакция, Ср[едняя] Азия и Дальний Восток.

Единый плод двухсотлетней обрусительной политики – это обрусение инородческий интеллигенции, приобщившейся к европейской культуре через русскую призму. Потому мы видим интересное для данного времени явление, в то время как инородческие народные массы бывшей Российской Империи, как менее обрусевшие, живо ощущают потребность в свободе, их успевшая обрусеть интеллигенция поделилась на две части. Одна из них слышит «звук времени» и смело идет со своим народом к освобождению от многовекового угнетения, с пафосом, верой и горячей любовью к возрождающемуся своему народу, а другая чувствует в своей душе пустоту и переживает упадок русского народа вместе с ним.

Но, видимо, перелом произошел. Украинские коммунисты обвиняются своими московскими товарищами в сепаратизме, на Дальнем Востоке, Кавказе, Туркестане – то же самое. До недавнего времени в рядах русских эсеров около Керенского был видный общественный деятель Туркестана Мустафа Чокаев, пока он не заявил в печати, что становится сепаратистом. Он стоит теперь за независимость всех 30 милл[ионов] тюркских народов за Волгой, Каспием и в Средней Азии, по требованию этих народов с родины.

В «штабах» бывших российских партий, программы которых давно изжиты русской революцией, мы замечаем интересное явление, в психологии называемое «выпадением событий». Несмотря на то, что российские демократы изжили свою программу, имея в своих руках власть от февраля до октября 17 г., социал-революционеры пережили уже свою революцию, а их и социал-демократический социализм изживается уже 12 лет «русским опытом», никто из них свои программы и не думает менять.

Бывшие вожди также мечтают принести домой нетронутыми свои заветы, 10 лет храня их в консервированном виде в эмиграции, не желая знать, что они если и заветы, то уже ветхие, что они изжиты революционным периодом, а теперь ясно выявилась потребность в новых заветах.

Пора осознать, что там произошла не только политическая, а и социальная революция; она, подобно катаклизмам, бывший верхний слой народа или уничтожила, или спустила вниз, а бывший нижний слой подняла вверх, разрушила старые мировоззрения и понятия и создала новые.

Когда русская эмиграция вернется домой со своими застывшими на 1917 г. мировоззрениями, то значительной части ее не поймет там народ, мировоззрение которого прошло все стадии, хотя недолгого, но богатого своим содержанием революционного периода, 10 лет которого равняются столетию мирного периода. Эмиграция будет походить на шлиссельбургских узников, вышедших после 25 лет заточения и не узнавших Петербурга, намного видоизменившегося внешне, а в своих беседах с интеллигенцией того времени они не понимали их, у них произошло «выпадение событий» 25-летнего периода. Эти революционные вожди своего времени за 1/4 века отрыва от жизни мирного времени принуждены были представлять интерес только для историков, а не для современности.

Нельзя не отметить особенного сходства в судьбе римлян и великорусского народа. Рим во главе староритальянцев существовал как могучая нация в эпоху Сципионов, в эпоху Пунических войн, когда боролся за право самостоятельного существования и вместе с тем могущественно стремился к расширению. В эпоху Нерона и Адриана римляне были чиновники-откупщики, составляли привилегированное сословие «граждан», они прилаживались в качестве орудий громадного державного механизма, но уже не были нацией, у них уже не имелось необходимой для национальной жизни цепкости, жажды расширения, воинственности, резкого отгораживания себя от других.

Эту же разницу придется отметить между великороссами XVI и XIX веков. Катастрофа нашего времени, без сомнения, составляет отдаленное последствие упадка национальной культуры. В XIX в.

стерлись окончательно старинные традиции, развилась подражательность, утратились самобытные цели, и ослабел пульс жизни... События 1917 г. – апогей национального падения. На сцене современных событий были видны все нации Европы, кроме одной, самой многочисленной, великорусской, которая уже 12 лет покорно подчиняется нигде небывалому террору половине миллиона большевиков.

Мало того, что национальное чувство пало, но мы видим признаки глубокого морального падения в повседневном быту эмиграции, в особенности среди бывшего правящего класса аристократии и бюрократии. Никто из них не встал в свое время на защиту своего царя, никто не дал свою голову за него. Вернейшие слуги царя явили случай поражающего морального падения. Не говоря о многих случаях поведения штатских, упомянем несколько случаев из жизни военных. Генералы Слащев, Добровольский предались к большевикам, *будучи уже в эмиграции*; их примеру последовали начальники штаба ген. Кутепова, сперва ген. Доставалов, затем ген. Монкевич, предав несколько офицеров, посланных ими же в Сов[етскую] Россию для террористических актов.

Как представить возрождение нации в наше время? Когда дело идет о маленькой и однонациональной стране, как Ирландия, Финляндия и Эстония, то как будто дело ясно: на первом месте вопросы самоуправления, самобытной школы, печати. Но что бы значило возрождение государства, занимающего 1/6 часть света со 150 миллионами жителей, из 106 наций с 366 разными языками по статистике 1922 г.? Как восстановить «единую и неделимую Россию», когда ее народы уже с 1917 г. хотят жить каждый своей национальной жизнью? Опять возвращение к только что развалившемуся империализму? Но ведь у всех инородцев и подчиненных народов уже пробудилось заснувшее под российским гнетом национальное чувство, они уже предвкушают всю сладость и счастье своей свободы.

Возможно, что отделившиеся части б[ывшего] целого будут ссориться между собой, обособляться, отделяться. Лишь постепенно освободившиеся народы образуют тесные группы и союзы, основанные на почве своих национальных, экономических

или военных интересов. И только тогда из свободного соединения мелких союзов в союзы крупные получится нечто похожее на лигу народов Востока или нечто вроде соединенных штатов свободных народов.

Наперекор закономерности исторического развития, русская эмиграция мечтает о начале возрождения единой России через 2 — 3 года, хотя, правда, многие более трезво смотрят на это, многие «надолго» устроились за границей или поприняли иностранные подданства.

Из исторических аналогий здесь подойдет превращение античных римлян, эллинов и средневековых монголов и персов в итальянцев и новогреков, в современных монголов и персов.

Надо заметить, что продолжение распада Русской Империи и освобождение ее народов не будет только локальное, местное явление — это знамение времени мирового характера, нашедшее свое выражение после европейской войны в Версальском договоре.

Австро-Венгрия, Германия и Россия, распадаясь, освободили из себя Чехию, Польшу, Финляндию, Эстонию, Латвию, Румынию и Югославию. В Азии судорожно добиваются своего освобождения 350 милл[ионная] Индия и около 500 милл[ионный] Китай.

Слишком малочисленны господствующие нации, уже пережившие свой расцвет и склоняющиеся к упадку. Слишком велика правда за многочисленными угнетенными нациями, с пафосом и настойчивостью стремящимися к своему национальному возрождению, чтобы не поверить в окончательное торжество справедливости и человечности в этом мире.

1930 г.

О КОЧЕВОМ БЫТЕ

Кочевой быт обуславливается не дикостью или варварством данного народа, как принято думать, а есть совершеннейшее приспособление к почвенно-географическим условиям степи, непригодной для земледелия. Быт этот сопряжен с чисто скотоводческим

хозяйством. Скотовод принужден менять пастбище, вытравив подножный корм в данном месте. Перекочевывать должен со своими стадами как природный кочевник великой евразийской степной полосы, простирающейся от Волги до Китайской стены и гор Маньчжурии, так и американец в прериях далекого запада. Вот почему великая евразийская степь около 3000 лет (за этот период обозрима для нас ее история) обуславливает чисто скотоводческий кочевой образ жизни народов, ее населяющих.

Принято думать об оседлом мире, что жизнь кочевника – скучное и жалкое прозябание, а жить не в доме, а в кочевой кошемной кибитке – по меньшей мере, страдание. Кочевник же, попав в почти герметически закрытое помещение со спертым воздухом, называемое домом, задыхается и не может переночевать даже одну ночь без чистого воздуха кибитки, где происходит постоянный его обмен; вследствие этого кочевник при переходе на оседлость заболевает почти всегда туберкулезом, в то время, как живя в кибитках, кочевники дают очень незначительный процент реакции Пирке на туберкулез, доходящий у европейцев до 100 процентов среди людей старше 25 лет.

Вообще кочевой образ жизни и сопряженная с ним верховая езда имеют тренирующее значение для здоровья кочевника. В кибитке – постоянный обмен чистого воздуха. Пища – мясо и молочные продукты, как неземледельцы кочевники растительной пищи не употребляют никогда, вот чем объясняется то, что у них не бывает аппендицита (воспаления слепой кишки), столь распространенного в городах. Затем также не бывает порчи зубов, столь частой у европейцев. Это объясняется тем, что кочевник ест пищу не в переваренном и приготовленном виде, как европеец, а в твердом виде. Мясо варят столько, чтобы не было крови. Губчатые кости не принято бросать с костным мозгом, они разгрызаются зубами, отчего зубы крепнут и очищаются. Всегда у смуглого кочевника вы увидите снежнобелые крепкие зубы, хотя их щеткой не чистят. Столь доходная профессия зубных врачей среди кочевников не найдет никакого применения. У кочевника развиты зубы; как особенность у них имеются так называемые волчьи зубы, которыми

они могут разгрызать кость, это обуславливает развитие жевательные мышцы и вообще челюсти.

Даже среди глубоких стариков не приходится видеть плешивых, так как малыми детьми они до 10 – 12 лет не носят головного убора, подвергая голову благотворному действию солнца и ветра, отчего крепнут корни волос. Вследствие этого кожа головы хорошо питается кровью и дает крепкие толстые волосы, не только не падающие сами, но даже и при драке, когда обычно волокут друг друга за длинные волосы.

Узкие глаза кочевника, обращающие на себя внимание других народов, зависят от равнинности окружающего пространства – степи, где горизонт далек и ровен. Глаз кочевника дальнорейкий, куда бы он ни посмотрел, глаз устанавливается на далекий горизонт, на даль, в таких случаях глаз, как диафрагма объектива, суживается, у городского или горно-лесного жителя горизонт близок, и его глаза большие, но близорукие. В очках кочевника видеть не приходится. Дальнорейкость кочевника как высшая ее степень установлена учеными окулистами.

Слух у кочевника развит в такой же высокой мере, как и зрение. Кочевник должен быть на страже не только во время поездок, но и дома, когда он бережет свои стада от воров и зверей, в особенности ночью. Как известно, стада кочевника ночуют всегда на открытом и незагороженном месте, а табуны лошадей целую ночь пасутся. Каждый подозрительный шорох, каждое движение стад кочевник должен своевременно услышать и предупредить опасность, если же проспит, не услышит и не увидит опасности, мародеры угонят его стадо, а погоня всегда опасна и малоуспешна. Поэтому кочевник должен быть бдительным, чутким. Старые и дети спят в кибитках, расположенных в круг, внутри – стада, молодые спят около стад.

Шея у кочевника короткая, с развитой мускулатурой, на что влияет верховая езда. Длинная, тонкая шея не дает устойчивости голове во время верховой езды. Короткая и развитая шея, наоборот, вполне отвечает этому требованию.

Мускулатура тела у кочевника сухая, жилистая, упругая от верховой езды, которая развивает мышцы всего тела и препятству-

ет отложению жиров, что свойственно оседлому жителю. Среди кочевников жирных не бывает. Туловище – длинное и развитая грудная клетка, что зависит от здоровых условий и тренирующего влияния кочевой жизни в кибитке; ноги короткие и кривы, так как кочевник не ходит пешком, а исключительно ездит верхом, – куда ни пойдешь – расстояние в 5-10 верст от хотона (одной группы в 5 – 10 кибиток) до другого хотона. Ноги кривы от верховой езды – принимают форму ребер коня.

Как особенность кочевника должен отметить, что от постоянной верховой езды (и женщины ездят верхом с малых лет) у них *musculus sartorius*, сжимающий бедра (также называющийся портняжной мышцей у мужчин, а у женщин он называется *musculus custodiis virginis*: мускул – хранитель девственности) развит чрезвычайно, мало того, он автоматически сжимает бедрами коня и не дает упасть кочевнику даже, когда он засыпает на коне, в походе или когда скачет пьяным. У табунщиков от натягивания накинутого на коня аркана на бедре имеется профессиональная мозоль в косом направлении чрез все бедро.

Кожа кочевника закаляется на солнце и ветру; с детства до 7 – 8 лет принято летом ходить голыми. Кожных болезней поэтому почти у них не бывает.

Руки у кочевников довольно нежны, так как они физическим трудом не занимаются; на труд земледельца кочевник смотрит свысока.

Надо заметить, что у кочевника, кроме всего перечисленного, чрезвычайно развито чувство ориентировки в местности как у истинного сына природы. Быстрая ориентировка даже в неизвестной местности служила одним из главных залогов победы в походах Чингис-хана и его славных полководцев. Разведчики монгольской конницы знали по характеру местности, какие травы должны были расти, и в какое время года они достигали наивысшей своей питательности. Знали по характеру местности, в какое время года можно иметь довольно воды и проч. (см. монгольские летописи и исследования историков).

КАЛМЫЦКИЕ СТУДЕНТЫ-ПИОНЕРЫ

Политика России [по отношению] к своим «инородцам» была известна и скопирована с принципа древних римлян – «разделяй и властвуй», натравливай их друг на друга, держи в темноте, стараясь их русифицировать, оправославить, и за эти методы управления она справедливо получила название «тюрьма народов».

Такова была политика и к калмыцкому народу. Разделен и разбросан он был повсюду и понемногу: на Урале, под Оренбургом, на Тереке, у Волги, на Дону, в Ставрополье. Школ почти не было, если и были, то очень мало. Например, на 10.000 населения северной части малодербетов была одна начальная школа на 25 мальчиков. Весь калмыцкий народ имел в Астрахани одно калмыцкое двухклассное училище на 50 учеников с исключительной задачей выпускать столь необходимых в деле управления калмыками переводчиков, так как русские чиновники считали ниже своего достоинства изучать язык того народа, которым управляли.

Над всем калмыцким народом была учреждена попечительская власть, подобно тому, как ставят попечителей над малолетними глухонемыми сиротами или слепыми. Это было тем более печально, что «попечительство» было установлено над потомками тех монголов, которые дали блестящую эпоху в мировой истории и помогли создать из удельно-вечевой, раздираемой на клочки [территории] Русское Московское царство Иоанна Грозного.

Так скудно было поставлено народное образование почти у всех калмыцких групп, и это не потому, что не хватало средств, ибо школьные расходы делались из калмыцких общественных сумм, а потому, что просто запрещалось открывать школы без разрешения русской власти, а разрешения давались скупое. Несколько лучше было положение в отношении начальных школ у донских калмыков, благодаря их казачьему положению. Но здесь было одно странное явление: начальных школ было достаточно, поступающим в Сальское городское училище из станичных сумм давалось пособие в размере квартирной платы, но как только дело доходило до

средней школы, то помощь оказывалась слабее или совсем не оказывалась, а учащимся или желающим учиться в высших школах почти совсем нельзя было получить помощь. Высшее образование могли получать только за свой счет, следовательно, немногие состоятельные или имеющие связи для получения правительственных стипендий. Прибавлялось к этому еще и отрицательное отношение к русским школам и самой темной массы народа, видевшего в русских школах первым долгом русификаторские мероприятия.

«Зачем так долго учиться, все равно дальше писаря в улусном управлении не пойдешь, помощником попечителя все равно не будешь», – говаривали часто калмыки. В этом была доля правды. Никто из окончивших высшее учебное заведение не мог найти устройства, поле деятельности, службу среди своего народа. Только мне удалось составить исключение только потому, что я – врач.

Это тоже был известный принцип русского правительства. Поляку не давали службу в Польше, литовцу в Литве, украинцу на Украине, а казаку в своих войсках, за исключением воинских частей в отношении казаков. И наряду с этим в административном аппарате по управлению калмыцким народом не было ни одного человека с высшим образованием.

Главным попечителем над калмыцким народом был человек, окончивший городское училище (Овечкин), и лишь в последнее время стали появляться люди с высшим образованием. А попечителями и помощниками попечителя чаще всего бывали люди с «домашним» образованием, да к тому же еще всякие отбросы центра: взяточники, пьяницы, грубияны, драчуны, нередко и проворовавшиеся чиновники.

Трудность доступа в высшие школы, создаваемая дальностью и связанными с этим большими расходами, несознательное отношение к делу образования со стороны народной массы, отрицательное отношение русской власти, – вот те трудности, которые приходилось преодолевать калмыкам-юношам, пожелавшим получить доступ к среднему и высшему образованию.

Калмыцкие студенты-пионеры появились у астраханских, ставропольских и донских калмыков одновременно в 1906 году. Студент-юрист Бадма Уланов, курсистка высших женских курсов Данара Уланова из донских калмыков; студент-политехник Ефим Чонов из ставропольских калмыков; студент-юрист и ученик консерватории Петрограда, талантливый виолончелист, к сожалению, умерший, не окончив школы, Дорджи Манджиев, студент-юрист Б. Муцаганов, также «старшие», уже окончившие студенты Восточного факультета Номто Очиров, Гаря Хонгоров и Бадма Сангуров, студент-юрист Санджи Баянов и студент-медик Эренжен Хара-Даван – из астраханских калмыков. Все перечисленные пионеры были в Петроградском университете, политехнической, Военно-медицинской академиях. Кроме них в Казанском ветеринарном институте были Санжа Тимошкаев, П. Кутузов и Абуша Цебеков.

Выбор Петербургского университета всеми, кроме трех ветеринаров, объясняется тем горячим стремлением к большому научно-культурному центру, где были сосредоточены лучшие научные силы, а пионеры поистине жаждали знания и света, чего, казалось, невозможно было получить в провинции.

Надо принять во внимание, что мы окончили средние школы после первой русской революции 1905 года. Нас захватила общая волна освободительного движения в русской общественности. Эта волна сильнее всего была именно в среде петербургского и московского студенчества. Известно, что русское студенчество было самой идейной и радикальной частью этого движения.

Очутившись в Петербурге, мы сразу оказались в центре этого притяжения. Нас подхватила общая идейная волна студенчества того времени. В первое время робко, после гимназических скамей с их классными надзирателями и строгими учителями, а затем все смелее и смелее мы стали посещать в разных местах то в университете, то на Васильевском острове, то в политехникуме на Лесной

или в инженерном институте лекции разных знаменитостей того времени на самые различные темы.

В первый учебный год у нас буквально времени не хватало. Надо аккуратно посещать лекции, хотя не всегда интересные, больше по усвоенной в гимназии привычке не пропускать уроки, а затем бегать по длинному коридору, рассматривая все объявления и афиши о лекциях, кто, где и что читает, а потом сесть на конку, чтобы не пропустить.

В наших сердцах, как и вообще студентов того времени, помимо профессоров, насыщенных научными доктринами, завидное место занимали и разные политики, члены Государственной Думы, часто выступавшие с публичными докладами на разные «животрепещущие» темы, главным образом с критикой абсолютистского строя. Видные представители русской общественности с трибуны Думы, с университетских кафедр и вообще, где только можно, как сговорившиеся, жесточайшим образом, на разные лады поносили «проклятое» самодержавие, будоража горячие головы российской учащейся молодежи.

В наших головах происходили сдвиги, шла быстрая переоценка ценностей. Нам казалось, что стоит только уничтожить «проклятое» самодержавие, как начнется по необъятной Российской империи райская жизнь.

Когда каждый из нас в достаточной степени напитался этими настроениями, у нас, у студентов-калмыков, назрела необходимость всем собраться, обменяться мнениями.

Инициативу созыва взял я и однажды пригласил всех студентов-калмыков к себе. В кратких словах мною была выражена мысль о потребности калмыкам-студентам сорганизоваться. Тут же были выработаны цели и задачи нашей будущей национальной организации. Конечно, теперь нельзя точно вспомнить, кто и что говорил и предлагал на этом первом собрании первых пионеров калмыцкой интеллигенции в европейском смысле этого слова. Поэтому я буду передавать о том, что нами обсуждалось, без упоминаний имен, насколько мне запомнилось как участнику. Не помню точную дату собрания. Это было зимой 1906 года около Рождества.

В начавшихся оживленных прениях выявились следующие бесспорные для каждого из нас положения:

1. Нам, немногочисленным студентам-калмыкам, нецелесообразно разбрасывать свои силы, входя в разные многочисленные российские политические партии.

2. Все пришли к заключению, что нам надо заложить национальную организацию, каковую решили назвать «Улан Залата».

3. Организация имела цель – освободить калмыцкий народ от попечительской власти русских и передать таковую самому калмыцкому народу.

4. Установить всеобщее бесплатное народное просвещение.

5. Провести меры к поднятию животноводческого хозяйства с рациональной его эксплуатацией как главной основой тогдашнего калмыцкого народного хозяйства.

6. Решено было немедленно приступить к собиранию книг и изучению истории и литературы своего народа.

Этот пункт был принят после того, как нами было констатировано, что власть сознательно держит нас в неведении в смысле познания своей истории, чтобы не пробудилось у нас национальное самосознание, что неизбежно повело бы к попыткам национального возрождения, что не было в интересах русификаторской политики.

Соответственно с обстановкой того года, когда самодержавие, хотя и значительно расшатанное «пробной» революцией 1905 года, все же торжествовало победу, подавив все вспышки революции, наши требования не шли дальше национально-территориальной автономии. Нам представлялось, что с установлением демократической власти исчезнут все нежелательные для нас мероприятия русской центральной власти и народу нашему будет дано все, что в интересах его экономического и культурного прогресса.

Внутренняя же жизнь калмыцкого народа представлялась нам также демократической, опирающейся на волю национального народного съезда, составленного из аймачных и улусных представителей.

После принятия такой программы «Улан Залата» шли обсуждения о способах осуществления, каковая часть, в целях конспи-

рации, не вносилась в программу. Конечно, выяснилось, что мы можем достичь своих целей только через революцию, которая свергла бы самодержавие и установила бы демократическую форму правления, «демократическую федеративную республику». С этой целью нам надо было работать вместе или в контакте с теми партиями, которые в своих программах соответствовали этим нашим требованиям. Отсюда следовало, что мы должны идти на сближение с левыми партиями. Отдельные члены «УЗ» посещали даже конспиративные собрания нелегальных партий, хотя никто не входил в их состав в качестве членов.

Были среди нас и так называемые «белоподкладочники» (те, которые носили установленный форменный мундир на белой подкладке), симпатии которых, однако, нашли только с-д. [*социал-демократы?*], но подавляющее большинство явно тяготело к социалистам. При этом должен отметить, что о принадлежности того или иного нашего члена к той или иной партии можно было делать заключения лишь на основании личного впечатления, но никак не из собственных признаний, так как в то время, когда шло торжество «черной реакции», не принято было задавать друг другу столь деликатные вопросы, и каждый держал свои убеждения как бы в конспирации, чтобы арест одного не повлек за собой ареста и других.

Собраний «УЗ» было всего несколько. Путем совещаний мы пришли к выводу, что «УЗ» есть нелегальная национальная организация и что, если власть обнаружит наши собрания или устроит у кого-либо обыск, то нам угрожает минимум – лишение наших стипендий, хотя они шли из калмыцких общественных сумм, а может быть и ссылка или Бутырка.

Было решено, что ни один из нас не имеет морального права идти этим путем, чтобы не рисковать бесполезно национальными силами. Мы должны были окончить наше образование, а потом идти служить своему народу.

Поэтому ввиду особенно участвовавших обысков у студентов и в связи с трудностями, возникающими с нашими собраниями, на одном собрании было решено перевести «УЗ» на «свернутое

состояние» до наступления более благоприятных условий. По тем же соображениям конспирации у нас не было и президиума, программы и другие документы решено было сжечь, что и было мною исполнено, так как они хранились у меня.

В качестве компенсации этой нашей принужденной пассивности мы решили усиленно приняться за изучение родного народа. Так как нам не были известны источники для этого, то мы познакомились и просили указаний у профессоров-монголоведов – Котвича, Руднева и Рамстедта. Но и они не дали нам нужного, как вижу теперь. Так, например, они не дали нам познакомиться с историей монголов Рашид-ад-Дина и «Сокровенным сказанием монголов», с которыми я познакомился уже здесь из библиотеки проф. Котвича при составлении своего труда о Чингис-хане.

Тем не менее мы, члены «УЗ», путем членских взносов собрали небольшие средства и на них закупили у букинистов старые книги о калмыках. Всего было собрано около десятка книг. Главным образом, это были сочинения разных путешественников: академ. Палласа, Нефедьева, труды ученых: Ковалевского, Голстунского и бывшего «попечителя» Костенкова. Между прочим была найдена у одного букиниста редкая и ценная книга – «Кумо-Манычская экспедиция ген. Жилинского в пятидесятых годах», исследование Калмыцкой степи в геологическом отношении и ее флоры и фауны. Вырытые этой экспедицией колодцы в безводных степях отчасти сохранились и до сих пор.

Таким образом, студенты-пионеры обратили всю свою энергию на путь самоизучения, самопознания. Кто какой отраслью интересовался, тот тем и занимался. Я лично интересовался аграрным вопросом как отраслью наименее у нас развитой, но которой суждено стать одним их жизненных факторов народного хозяйства. Здесь я убедился, что самым важным в земельном вопросе является необходимость остановить русскую колонизационную волну, которая постепенно вытесняла наш народ на худшие земли, захватывая все более или менее годные части.

Изучение и других отраслей, знакомство с политическими и экономическими вопросами неизбежно приводило всех членов

«УЗ» к необходимости остановить русификаторскую политику в отношении нас. С этих пор вопросы политического характера стали довлеть над всеми другими. В дальнейшей жизни наше студенчество в этом направлении развивалось каждый самостоятельно, вплоть до окончания высшей школы.

Нельзя не упомянуть, что в то время многие не только студенты, но и учащиеся в средних школах, наши последователи, во многих случаях заболели в новых условиях городской жизни туберкулезом, бросали школы или, не окончив, умирали. О причинах такого явления я буду говорить особо в одной из будущих своих статей. Из наших товарищей, упомянутых пионеров, умерли от чихотки: Дорджи Манджиев, Муцаганов, Гаря Санзыров и из младших Харманджиев.

Благополучно окончившие высшие школы: брат и сестра Улановы, С. Баянов, Н. Очиров, Е. Чонов, Э. Хара-Даван. Тимошкаев умер, уже будучи ветеринарным врачом. Из них Н. Очиров оставался под большевиками. Е. Чонов вернулся отсюда, остальные до сего дня в эмиграции.

1932 г.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В РАЗРЕШЕНИИ РУССКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

По советской переписи 1926 года в Советской России имеется 106 народов, не считая мелких, насчитывающих менее 10.000 душ, и 366 живых национальных языков. Эту Вавилонскую башню народов русские социалисты справедливо называли «тюрьмой народов».

По советской конституции оставшиеся в пределах России народы Северного и Южного Кавказа, Украины, Белоруссии, Казакии, Туркестана, Зап. Сибири и Дальнего Востока получили права на образование национальных республик и автономных областей, которые сейчас находятся в формально «самоопределенном состоянии», едва удерживаемые в пределах России железной коммуни-

стической диктатурой, в этом отношении с успехом заменившей самодержавие Романовых.

Но мы живем в эпоху разрушения многонациональных и создания национальных государств, а в Азии мы наблюдаем ныне картину пробуждения от многовекового сна некоторых народов (манджуров и монголов), ведущих борьбу за национальную свободу и независимость.

В такое время для угнетенных Россией народов национальный вопрос принимает реальную форму и [вызывает] жгучий интерес. Поэтому им необходимо выработать для себя научно и исторически обоснованный взгляд на национальную проблему, а также изучить, как разрешают национальный вопрос русские политические партии как представители общественной мысли того самого народа, который на территории бывшей Российской империи претендует на руководящую роль в устройении государственной жизни.

Все дореволюционные и пореволюционные русские политические партии как социалистические, так и демократические, не говоря уже о правых, стояли и теперь стоят на принципе «единой и неделимой России» с сильной центральной властью, хотя номинально она была бы и федеративной. Исключением была небольшая, хотя с большим удельным весом, группа социалистов-революционеров во главе с В. Черновым и Гуревичем, которые защищали принцип «Лиги народов Востока Европы» на основе свободных соглашений. Но за это вольнодумство партия исключила их из своего состава, а все остальные партии сошлись на дружном их осуждении.

За свободный союз свободных народов стоит пореволюционная партия «утвержденцев». За федеративную Россию по советской конституции, но «с сильной центральной властью» стоят евразийцы, но когда разберем, что из себя представляет советская конституция, тогда увидим, насколько евразийцы и примыкающие к ним пореволюционные партии в эмиграции удовлетворяют нужды народов, закабаленных Россией. Все это настолько неудовлетворительно, что оно только сильно препятствовало бы правильному разрешению национального вопроса, но к счастью этих народов все дореволю-

ционные партии раздавлены и изжиты в процессе революции, их сторонники на родине или ликвидированы, или переменили свой партбилет на коммунистический. От них остались лишь выбравшиеся в эмиграцию «штабы разбитых армий», представляющие теперь скорее анахронизм, чем реальную политическую силу.

Что же касается дореволюционных течений, то они еще очень молоды, разработка многих важнейших вопросов еще не закончена, цели и задачи зачастую смутны и вбирают в свой состав весьма незначительное число последователей. Наиболее активная партия младоросская пыталась сделать некоторые шаги в сторону положительного разрешения национального вопроса, но шаги их в этом вопросе не отчетливы, параграфы не ясны и двусмысленны. Поэтому в разрешении национального вопроса всем угнетенным народам на территории бывшей империи надо исходить из современного состояния народов под Советской Россией.

В национальном вопросе коммунисты вначале оказались прямолинейны, решительны и последовательны. Ни одна русская партия не провозглашала то, что провозгласили они. Их вождь Ленин по прибытии в Россию объявил «дезаннексию» всех, когда-либо аннексированных национальных территорий. В этот список входили: Финляндия, Польша, Эстония, Курляндия, Украина, Армения, Дагестан, Туркестан и Бессарабия.

Русские социалисты и демократы старались воспрепятствовать этому, желая обмануть национальности, утверждая, что «в интересах революции необходимо России не ее распадение по национальностям и даже не создание слабо федерированных самодевуляющих областей, а более тесные экономические, политические и культурные отношения независимо от национального состава населения». Они стояли лишь за проведение уравнивания прав национальностей, широкой территориальной автономии для областей, которые отличаются по национальному составу и условиям экономической жизни.

Они стоят на этом и теперь, несмотря на то, что мы после этого пережили 15 лет революционной эпохи, одно десятилетие ко-

торой равно столетию мирного периода. Это показывает лишь то, что бывшие вожди русских политических течений явно отстали от исторического хода событий и представляют лишь интерес для историков и [являются] анахронизмом для современной политической жизни.

Но Ленин был неуступчив и не поддавался обману, через неделю после захвата власти большевики объявили за подписью Ленина и Сталина «Декларацию прав национальностей России», в которой признавались:

1. Права и суверенитет народов России.
2. Права народов России располагать собой вплоть до отделения и образования независимых государств.
3. Отмена всех и всяких национальных и религиозных ограничений.
4. Свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих Россию.

Ясно, что декларация эта многими угнетенными народами была радостно встречена и сыграла свою полезную для большевиков роль в их последовавшей борьбе с контрреволюционерами. Только потом, уже при Сталине, когда все внутренние фронты были ликвидированы, народы увидели, что такая широковещательная программа обнародывалась лишь потому, что фактически ничего по ней не предполагалось выполнить, что прямую и очевидную диктатуру русского народа решено было заменить более хитрой и скрытой диктатурой компартии, ведущей в национальном вопросе ту же русскую империалистическую политику.

Таким образом, русские «инородцы» трижды были обмануты русской центральной властью. Первый раз, когда царское правительство отобрало обратно некоторые права, данные в результате революционных вспышек 1905 года, и выгнало инородческих депутатов из Государственной Думы по «закону 3 июня».

Второй раз, когда русские социалисты и демократы имели власть в своих руках после революции 1917 года «от февраля до октября» во Временном правительстве Керенского и Милюкова, несмотря

на то, что до революции русские социалисты шли с войнами угнетенных народов под общим лозунгом «за нашу и вашу свободу». Когда же свобода долгожданная была получена, то социалисты сошлись с представителями буржуазной демократии за «единую и неделимую Россию» и вместе с ними вместо того, чтобы бороться с большевиками, вели борьбу с национально-освободительными движениями народов России: с Украиной, казачеством и др.

И третий раз, надеемся, последний, обман большевицкий. В этом систематическом обмане сошлись императорская, демократическая и коммунистическая власть России. Что они сулили – не исполняли, что давали одной рукой – отбирали обратно другой.

Можно ли после всего этого доверять им, надеяться, что новая Россия создаст для нас, угнетенных народов, новое, лучшее положение и можно ли мыслящим слоям этих народов спокойно ждать?.. По моему глубокому убеждению, как большевицкая «Декларация прав национальностей России» превратилась в фикцию при террористическом способе правления единопартийной диктатуры, так и всякая другая власть, будь то какая-нибудь «идеократия» в виде «единой и единственной партии евразийской» или тому подобной вернется на тот же излюбленный путь – путь обмана.

Эти великодержавнические течения с единопартийным способом правления имеют успех в однопациональных государствах, как фашизм в Италии, гитлеризм в Германии, что также видим в Турции, Польше, Венгрии.

В многонациональной же России власть одной партии неминуемо превращается в диктатуру одной и той же по программе чисто великорусской партии, т. е. в диктатуру русского народа над суммой других. Власть одного лица-самодержца в этом случае заменяется диктатурой коллективной. В самом деле, чем разнится власть Сталина от власти Николая II?.. То же, но похуже. К национально-политическому гнету царских времен прибавился гнет экономический, социальный и культурный.

Но нет худа без добра. От всех этих жестоких уроков пошло более ускоренным темпом пробуждение национального самосо-

знания всех закабаленных Россией народов, все они убедились, что единственный путь спасения это – самостоятельность, самостоятельные поиски выхода из положения, ориентация на самих себя. За эти 15 лет «русского опыта» они вполне приготовились к самостоятельной национальной жизни, разобрались в обстановке, нашли свои места, научились делать национальную политику.

Полное самоопределение уже политически, дипломатически и культурно заблаговременно подготовившихся народов – поляков, латышей, финнов, литовцев и эстонцев послужили для них также хорошим показательным уроком. Угнетенные Россией народы уже прошли суровую школу и теперь готовятся к экзамену на право жизни.

Современное печальное положение этих народов в СССР, где единое управление верных центру коммунистов превратило все эти «национальные республики, автономные области» в миф, созданный для втирания очков европейским политикам, наивным публицистам и иным путешественникам, где сидящие при центрах нац[иональных] образований особые секретари от компартии действуют хуже царских жандармов, накладывая вето на все негодные им решения местных властей, где по доносу этих секретарей может быть арестован весь местный исполком, заставляет все эти народы еще более интенсивно готовиться к первому удобному случаю, чтобы отвоевать свои национальные права.

Несмотря на коммунистический гнет, национальные движения в СССР проходят известные фазы развития и оформления. Все прежние вожди и руководители национальных движений из среды закабаленных русскими народами отошли от работы, скрылись, сосланы, посажены в тюрьмы или эмигрировали. Все дореволюционные формы национальных движений были объявлены на 10-м съезде компартии буржуазными выдумками, совершенно излишними при коммунизме. Как уступка национальным движениям был образован «наркомнац», где были представители национальностей, но умысел при создании этого учреждения ничего общего не имел с желанием удовлетворить потребности угнетенных

Россией народностей. В нем, наряду с представителями этих народов, сидели латыши, финны, эстонцы, чехословаки, болгары и югославы. Таким образом, это скорее был рассадник вождей для будущей всемирной коммунистической революции, и «наркомнац» действительно занимался больше пропагандой идеей Коминтерна.

К 1926 г. этот «наркомнац» издал 12 миллионов печатных брошюр на 15 разных языках. Потому 10-й съезд РКП нашел подобную «эластичность федерализма» чрезвычайно для себя удобной и целесообразной. Но угнетенные национальности через своих коммунистов, заменивших прежних национальных вождей, подняли голову после гражданской войны и периода военного коммунизма.

На 12-м съезде в апреле 1923 г. они вновь подняли национальный вопрос, несмотря на то, что 10-й съезд РКП объявил нац. вопрос в СССР разрешенным. Этот (12-й) съезд утверждал: «...недостаточно найти ключ к решению, надо еще конкретно провести в жизнь практическое решение; этому мешают остатки империалистического шовинизма, в которых отражается прежнее привилегированное положение великорусов. Эти пережитки живы еще в головах советских служащих как в центральных, так и местных учреждениях. Благодаря им, потребности национальных республик обслуживаются русскими чиновниками тупо-бюрократически».

С другой стороны, съезд констатирует также наличие «...остатков национализма также и у национальностей, еще не освободившихся от прежнего чувства национальных обид и продолжающих не доверять русским. Причиной этого недовольства национальностей было полное игнорирование прав автономных республик и областей, централизм, порабощение их единопартийной властью и игнорирование результатов, достигнутых прежними национальными движениями и национальным самосознанием».

Против всего этого возмутились, главным образом, союзные республики: Украина, Белоруссия, Закавказье и Восточная Сибирь, которые в декабре 1922 года вынесли постановление, чтобы, наконец, созданы были высшие союзные учреждения, до того времени отсутствовавшие в этом ложном «союзном государстве», и чтобы была разграничена компетенция центральных властей от местных.

10-й съезд советов (1922) принял соответствующее решение, а через год обнародована была «конституция союза», сводящая на нет все права национальностей и устанавливающая диктатуру единой партии, даже политбюро, сводящееся к диктатуре одного лица, лидера этой партии, сперва Ленина, потом Сталина. Чтобы убедиться в этом, достаточно познакомиться с предисловием к упомянутой «конституции союзной республики». Эта конституция формально отбирает у мнимо независимых национальных государств даже такие хозяйственные права, которые сохранялись в неприкосновенности царским правительством.

Правда, в центре, согласно конституции, наряду с союзным советом, был учрежден особый «совет национальностей», но, так как он был организован таким способом, что большинство голосов в нем принадлежало не 5 союзным республикам, как должно было бы быть, а одной великорусской республике (РСФСР), и он был фиктивным учреждением, прикрывающим опять-таки диктатуру русских. Это было достигнуто тем, что в этот совет допущены с одинаковыми правами голоса представители 10 мелких автономных областей, входящих в состав РСФСР.

Любопытно также и то, что в «президиуме центрального исполнительного комитета», в этом высшем органе гос[ударственной] власти, «совет национальностей» имеет только 7 членов, остальные 14 членов выбираются «союзным советом» на общем заседании обеих палат, где сотня с небольшим членов «совета национальностей» тонет среди 400 членов «союзного совета». Этого мало, всероссийский ЦИК и его президиум могут отменять все решения всех органов государства и контролировать все проекты их мероприятий, тогда как его собственные меры обязательны на всей территории СССР. Как легко отсюда видеть, права национальностей в СССР скрыты под тремя замками. В РСФСР нет никакой федерации, как в СССР нет никакого союза республик. Вот почему мое утверждение о трех обманах русской центральной властью угнетенных ею народов не выдумка, а факт, и вот почему [я] думаю, что эти народы больше обману не поддадутся.

II.

Констатируя факт систематического неудовлетворительного разрешения национального вопроса всеми русскими политическими партиями и выражая надежду, что все угнетенные народы будут искать иных выходов из положения, мне хочется дополнить свою статью характеристикой будущих путей, по которым, вероятно, пойдет проблема национального вопроса в многонациональных государствах¹.

Наука учит, а опыт мировой истории от половины 19 и 20 ст[олетия] подтверждает, что создание однонационального государства есть основное условие жизни каждого народа для полного выявления всех качеств, свойственных лишь ему. Вне же этого, например, подчиненная нация не может развить свою самобытную культуру и тем не может внести свое национальное творчество в сокровищницу общечеловеческой культуры, которая представляет не что иное, как сумму всех национальных культур. У закабаленных народов, как мы видим из истории, подавлен дух, нет или весьма ограничено национальное творчество.

Наш век, как я упоминал уже выше, идет под знаком распада многонациональных и создания и возрождения национальных государств. Оно началось освободительными итогами Французской революции и сказалось после того, вплоть до наших дней, в освобождении или объединении Италии, Германии, Греции, Болгарии, Югославии, Чехословакии, Польши, Румынии, России, Литвы, Латвии, Финляндии, Монголии и Манджурии. Общественным мнением цивилизованного мира овладел принцип Канта и Фихте: «Нации не есть мертвый объект, которым распоряжаются другие, нации есть субъект – носитель воли и принципа Руссо «добрая воля»».

¹ Национальная проблема подробно разработана мною в моем труде «Национальный вопрос», выдержки из которого и отдельные главы печатаются в журнале «Вольное Казачество», начиная с номера 128 (*примеч. автора*).

Великая европейская война кончилась освобождением многих угнетенных народов, и освободительные принципы были сформулированы президентом САСШ Вудро Вильсоном под лозунгом «самоопределение народов».

До мировой войны в Европе были два многонациональных государства: Австро-Венгрия и Россия. Первое в результате мировой войны распалось на свои национально-составные части полностью. Распадение же России произошло только отчасти, благодаря тому, что коммунистическая власть сумела своевременно приостановить процесс освобождения других народов: украинцев, казаков, грузин и др. Она в этом отношении с успехом продолжает дело императорской власти.

Существующие в настоящее время многонациональные (в виде колоний) государства, как Франция и Англия, держатся благодаря более умелой, справедливой политике в отношении колоний, в результате чего инациональный гнет в колониях не так ощутителен, а во-вторых, и потому, что некоторые из этих колониальных народов еще не успели окончательно национально проснуться и организованно отстаивать свою национальную свободу. Но нет никаких сомнений, что Индия добьется положения равноправного члена в семье Великобританских доминионов, что равносильно освобождению; постепенно и вполне разумно улучшают положение в своих колониях и французы.

Нам известно в мировой истории, что великие исторические народы в своей исторической жизни переживают периоды возрождения и упадка. Во время своего возрождения в своей экспансии они выходят за пределы своей естественной этнографической границы, как река во время весеннего разлива, завоевывают иные народы и создают многонациональные государства. А потом, во время своего упадка, словно истощив запас сил и энергии, они распадаются на свои составные части по народностям, если таковые не успевают погибнуть во время владычества завоевателя, в результате жизнь и больших и малых народов направляется по своим естественным руслам, образуются самостоятельные государства.

Такова была участь известных нам античных империй Римской,

Греческой, средневековой Монгольской, современной Турецкой, Австро-Венгерской, отчасти уже и Российской.

Россия в этом отношении идет несколько замедленным темпом, неизбежный процесс своего распада она переживает несколькими этапами. Московское царство Ивана Грозного вначале было национальным государством. С завоеванием Казани, Астрахани и Сибири оно вступило на путь империализма и превратилось в государство многонациональное. С тех пор «инородцы» в России в течение 400 лет находились под политическим, экономическим и культурным гнетом.

Началом пробуждения самосознания у покоренных Россией народностей можно считать факт наличия в Государственной Думе представителей всех национальностей, которые, как сказано выше, были потом изгнаны, вероятно, потому, что они поднимали вопросы своих наций, а не только выражали верноподданнические чувства к монарху.

Следующим этапом этого процесса [стало] развитие национального вопроса после революции 1917 года, когда так или иначе центральной власти пришлось провозглашать лозунг «самоопределение народов вплоть до отделения», который также был аннулирован.

Но народы эти все же потенциально находятся в самоопределившемся состоянии в своих лжеавтономных областях и квазисвободных республиках. После долгой спячки и упадка за время лишения национальной независимости, в течение которого не переставал теплиться священный огонь национального самосознания лишь у ограниченного числа лиц из интеллигенции, народные массы накопили «потенциальную энергию», которую пробудила революция, которая показала им пылающее зарево свободы, которое прикрито ныне коммунистическим мраком. Но надо быть уверенным, что небывалый в истории коммунистический гнет над этими народами [не] отбил у них охоту к свободе и независимости, наоборот, именно этот гнет в конечном результате даст еще больше импульса для скорейшего освобождения из-под губительной неволи под русским народом.

Отсюда самое верное и радикальное разрешение национального вопроса на территории бывшей Российской империи будет образование национальных государств: Великороссии, Белоруссии, Украины, Крыма, Казакии (казачье государство), Кавказской федерации, Туркестанской и присоединение подсоветской Монголии к своей самостоятельной части. Подобным путем шло разрешение национального вопроса во всех многонациональных государствах, не составив исключения и империя Российская.

Само собой разумеется, что эти освободившиеся народы, на принципе свободного стовора, могут заключать между собою всевозможные виды межгосударственных союзов, даже учреждать конфедеративные или федеративные государства в зависимости от национальных интересов и взаимного доверия.

История нас также учит, что именно такие государственные организмы, т. е. такие, которые составлены на основах свободного соглашения и взаимной гарантии от попыток установления одним членом союза гегемона над другими, были прочны, всестороннее развитие коих шло нормальным порядком в ходе общечеловеческого прогресса.

1933 г.

ЗАРЯ ВОСТОКА

Азия – колыбель человечества и мать всех религий. Поистине это так.

В духовной жизни Востока сейчас совершаются сдвиги, могущие иметь мировое значение. В то время, как Европа стоит перед хаосом с ее неразрешимыми кризисами и крахом всех ее конференций, Азия как будто становится на путь возрождения и находится перед новой эрой Майдера – Грядущего Будды. Для европейца это имя – пустой звук, для самого простого азийца-буддиста – священное имя, которому он с детства привык молиться и горячо желать, чтобы ему было суждено в следующем перерождении жить в счастливой стране Шамбалы во времена эры Майдера.

В данной статье я широко пользуюсь сведениями, почерпнутыми из трудов академика Н. Рериха, в 1922 – 27 гг. объехавшего Индию – Тибет – Монголию и обратно Тибет – Индию – Гималаи, где теперь и живет постоянно, а также сведениями, почерпнутыми мною из бесед с учеными бакшами-калмыками.

В отличие от всех путешественников по Азии, в том числе самых знаменитых, Н. Рерих своей чуткой и ищущей душой понял душу и сердце Азии, что дало ему возможность дать правдивое описание совершающихся там духовных сдвигов. Мало того, он сам проникся глубоко этим духовным движением с пафосом и с верой сильных, ищущих душ.

Мы со времени революции и до сих пор совершенно отрезаны от нашего духовного центра, Тибета, и основной нашей родины – Монголии. Потому сведения, данные Рерихом как раз за этот период времени, особенно для нас интересны и дороги. Наши страдания в эмиграции велики, души наши ищут спасения и невольно мы неоднократно обращались к своим бакшам с вопросом: «Скоро ли наступит эра Майдера?» На это неизменно получали от них ответ: «Еще так далеко, нет никаких знаков». Конечно, они сами, оторванные от духовных центров, не могли иначе ответить. Но знаки скорого пришествия Майдера даны в Индии, Тибете и Монголии.

Будда-Гаутама учил, что он лишь один из длинной серии Будд, которые время от времени появляются в свет и учат одной и той же системе, соответствующей данной эпохе, данному духовному развитию мира. После смерти каждого Будды учение его процветает в течение некоторого времени, а затем приходит в упадок, пока, наконец, не забывается совершенно и на земле не наступает царство зла и насилия. После этого в мире появляется новый Будда, который снова проповедует утраченную истину.

До нас дошли названия 34-х из этих Будд, предшествовавших Гаутаме, жизнь коих описана в книге «История Будд». «Когда религия Гаутамы забудется, – сказано в священных книгах, – новый Будда снова откроет людям двери Нирваны, а имя его будет Майдер-Будда, Будда доброты».

По этому пророчеству дух доброты, из которого проистекают все добродетели и силою которого буддизм еще раз восторжествует, победит всякий грех и неверие, будет олицетворен в Майдере-Будде. Это учение составляет часть системы Хинаяна (учение Питак. Рис-Девидс). Надо заметить, что различие между буддами и бодисатвами заключается в том, что первые пришли на землю, олицетворившись в плоть и кровь человека, дали свое учение для спасения человечества, а вторым еще это предстоит в отдаленном будущем истории человечества.

Будда сказал, что подобно тому, как сияние золотой статуи блекнет от пыли веков, его учение через тысячелетие потеряет свое значение и забудется. Тогда придет Майдер и восстановит забытую истину, и он сам даст основные черты будущего учения. На вопрос, почему он не дает сам, был ответ, что его учение соответствует его времени, состоянию развития и сил человечества, оно исполнимо при данных условиях. Учение же Майдера неосуществимо при данных условиях развития человечества, оно предполагает человечество на более высокой степени развития, потому это учение много выше и труднее исполнимо. Это учение должно соответствовать тому времени, той эпохе и тому умственному развитию человечества. В этом лежит залог успеха грядущего учения Майдера – буддийского Мессии.

Вкратце, выражением сущности буддийского учения считаются «четыре святые истины», предмет первой проповеди Будды в священном городе Бенаресе, они суть:

1. Существование есть страдание (т. е. в жизни больше страданий, чем счастья).

2. Источник существования – жажда жизни.

3. Уничтожением жажды жизни уничтожается существование (в смысле дальнейшего перерождения)

4. Жажда жизни уничтожается вступлением на путь, который состоит из восьми частей: истинной веры, истинных стремлений, правдивой речи, доброго поведения, честного способа добываний [средств] к жизни, истинного старания, верной памяти и истинного размышления.

Толкованию четырех истин и восьмеричного пути, применению их в жизни посвящены многие сочинения и проповеди Будды. В основе их – священные канонические тексты трех Питак южных буддистов, установленные в IV веке до Р. Х. Они по объему превосходят, по Спенс Гарди, все западные писания, а по Рис-Девидсу они в два раза превосходят Библию, свыше двух миллионов слов. У северных буддистов основа учения Будды изложена в Ганджуре из 108 томов и его толкования Данджура из 216 томов. Они издавна печатаются, еще до появления вообще печати в Европе, ксилографическим способом, деревянными буквами.

Нужно объяснить, что понимается под Нирваной – идеалом буддиста. У европейских ученых [она] вызвала много кривотолков, благодаря неверному переводу оригинального текста. Особенно этим грешат русские буддологи. Английские же ученые-буддологи и научное общество по изучению древнейших палийских источников, т. е. оригинальных источников буддизма, стоят на правильном толковании, а именно, что Нирвана не ничто, а все – Сверх-Человек, нравственный идеал.

Будда говорит: «Я всецело посвящаю себя нравственному воспитанию, чтобы достичь высшей степени нравственного покоя, высшей Нирваны». «Нирвана именно такова, среди страданий нет Нирваны, а в Нирване нет страданий». «Нирвана – нравственное состояние, которое должно быть достигнуто здесь, в сем мире, при жизни». «Нирвана – не погашение, отрицание существования, а погашение страдания, перерождения и отсутствие трех огней страсти: вожделения, ненависти и заблуждения».

Макс Мюллер, лучший знаток буддизма, говорит: «Если разобрать в Дхаммепаде каждое предложение, в котором упоминается Нирвана, то окажется ни одного, в котором этому слову необходимо было бы придать значение слова «уничтожение», в то время как большая часть их, если не все, стали бы понятны, если бы мы признали за Нирваной такое значение». То же самое следует сказать относительно других частей Питак, текст которых объявлен и переведен на английский язык.

После этого небольшого отступления перейдем к нашей главной теме. Прежде чем говорить о Майдери – Грядущем Будде, вспомним о понятии Мессии, распространенном среди разных народов Азии, но которые при своей разнообразии сливаются в одно великое ожидание будущего. Хорошо известны Палестинские устремления к Мессии. Известны ожидания великого пришествия Моста Миров. Народ знает и белого коня, и огненный меч, как хвост кометы, и сияющий лик Великого всадника. Ученые раввины и знатоки Каббалы, распространенные по Палестине, Сирии, Персии и по всему Ирану, скажут вам многое замечательное по этому вопросу.

Мусульмане Персии, Аравии, Туркестана торжественно хранят легенды о Мунтазаре, который в ближайшем будущем положит основание новой эре Пророка Правды. Высокие ученые-японцы открыто говорят о грядущем Аватаре. Образованные брамины, черпая мудрость из Вишну Пурана и Деви Бхагавата Пурана, скажут прекрасные тексты о Калке Аватаре.

В крупных азийских центрах, где священные понятия произносятся уже со стыдливой оглядкой и в безбрежных пустынях монгольской Гоби и ее ковыльных степях слово о Великой Шамбале или таинственной «Калапе» индусов звучит как символ великого будущего. Между тем вы остаетесь при произнесении этого священного слова «Шамбала» безучастны. Ни уму, ни сердцу вашему оно ничего не говорит. Вы также будете безучастны и при произношении громоносного для азийцев имени владыки Шамбалы – Ригден-Джапо. В этом, конечно, нельзя винить европейца, ибо сведения о Шамбале в западном мире так скудны, нет ни одной книги, посвященной этому краеугольному понятию Азии. А в сказаниях о Шамбале, в легендах, преданиях и песнях заключается, быть может, наиболее значительная весть Востока. Кто ничего не знает о значении Шамбалы, не может похвалиться, что он изучал Восток и знает пульс современной Азии.

Ученый бурят проф. Барадин в своем недавнем труде о монастырях Монголии и Тибета сообщает, что в последнее время в Тибете,

главное в Монголии, основываются новые монастыри в честь Шамбалы, а в уже существующих монастырях учреждаются особые отделы Шамбалы, т. н. Шамбалинские дацаны. Для случайного читателя это сообщение будет звучать метафизически, а европеец со своей материальной культурой примет его за предрассудок, суеверие.... Но для азийца и знатока положения – европейца эти сообщения звучат как рог призыва, получают значение реальности.

Что нам говорят буддийские пророчества? В старых писаниях находятся указания о новой сужденной эре – Майдере, которая придет для поднятия спящего человечества. В Санскрите, Индустане, на китайском, калмыцком, монгольском и тибетском языках выражены те же мысли относительно будущего.

Эти учения несравненно древнее христианского мессианизма, и они связаны не столько с представлением о личности, а именно с идеями о новой эре Майдера, вооруженной мощными силами космических энергий. В учении Будды уже можно усмотреть намеки на будущие достижения человечества. Под символом железного змия, окружающего землю и перевозящего тяжести для человечества, можно угадать железные дороги, а под символом летящих железных птиц можно понять аэропланы.

В указаниях на жизнь на разных планетах, на разные состояния человеческого существа вы можете распознать те самые проблемы, которые только недавно с поразительной медлительностью подтверждаются наукой. Жизнь на планетах, открытия в области астрального мира только очень недавно вышли из пределов насмешки игнорантов. Действительно, как страшно узнавать объединительные знаки между древнейшими традициями Вед и новыми формулами Эйнштейна. Не должны мы забывать, что Будда придет, чтобы поднять падающую и извращенную культуру и указать на тончайшие космические энергии. Недавно в области Карачи и Лагора найдены остатки древних городов от 5 – 6 тысяч лет, показывающие на высокую древнюю культуру в Индии.

Казалось бы, что общего имеет старый буддизм с ранним христианством? Современное знакомство Европы с Азией начинае-

ся со времени прихода монголов, после чего отправились впервые в Азию Платон Карпини, Рубрук и Марко Поло. Между тем теперь мы знаем, что Азия с Европой общалась и обменивалась своими культурными ценностями по древнему караванному пути, названному «шелковым», из Китая по долине реки Тарима и Индии к бассейну Средиземного моря, где процветала античная культура греков и римлян. Самое цветущее время буддизма, как мы знаем из Библии, Иисус Христос провел в Азии. Лишь придя оттуда, он начал проповедовать свое учение. Макс Мюллер говорит, что на восток от Палестины Иисус Христос мог пойти по вышеуказанному караванному пути и там знакомиться в течение 16 лет с буддизмом, находящимся в то время в полном расцвете. Теперь путешественник академик Рерих находит следы его пребывания в буддийском монастыре, и легенда о нем жива по сие время в Азии под именем Иса. Этим и можно объяснить то многое общее в этих двух великих религиях.

Был постоянный обмен духовной и материальной культурой между Западом и Востоком. Голландский миссионер Хух в своем путешествии описывает, как он со спутниками был удивлен, когда они заметили столько общих обрядов между христианством и буддизмом. Крест, митра, далматика и остальное на одежде Далай-ламы, которую [он] носит во время совершения обрядов вне храма, служба с двумя хорами, псалмы, изгнание духа нечистого, кадильник с пятью цепями, благословение лам с вытянутой правой рукой над головой молящихся, литургия, культ святых, процессия, святая вода, – все это, говорит Хух, аналогия между христианством и буддизмом.

До недавнего времени некоторые ученые, как французский Сенар, пытались доказать, что Гаутама-Будда никогда не существовал и что Будда есть не что иное, как солнечный миф. И это несмотря на неоспоримые факты огромной буддийской литературы, несмотря на надписи на древних колоннах царя Асоки, урну с датированной надписью с частью золы и костей Будды, найденную в Непальском Тирае, другую историческую урну с реликвией Будды,

положенную царем Канишкой и найденную около Пешавара, – все это определенно свидетельствует о смерти Великого Будды. Последняя находка была найдена на основании записей древних китайских путешественников.

Древние индусские пророчества говорят: «И будут временные монархи на земле, цари сварливые, жестокого нрава, прилежащие ко лжи и ко злу». Вишну Пурана говорит о конце этой цивилизации так: «Тогда варвары будут владеть берегами Инда. Они будут убивать женщин и детей. Они отнимут собственность подданных. Жизнь их будет коротка, и вождения ненасытны. Люди разных стран соединятся с ними. Богатство будет уменьшаться, пока не истощится весь мир. Имущество станет единственным мерилем. Богатство будет причиной поклонения. Страсть будет единственным союзом между полами. Ложь будет средством успеха. Женщины станут лишь предметом вождения. Богатые будут считаться чистыми. Роскошь одежд будет признаком достоинства. Таково будет падение. И тогда в конце черного века явится Калка Аватар (у буддистов Майдери). Он восстановит справедливость на земле».

Буддийское пророчество говорит: «Произойдут поразительные события. Многие зверские войны на земле, воде, под водою и в воздухе с летящими железными птицами, ядовитыми газами опустошат страны. Один из десяти тысяч спасется в горах и лесах, попутравленный газами, и не будет знать, как приготовить себе пищу и соорудить жилище. Разрушится много держав, а троны их царей будут валяться на земле и никто их не подымет. Подземный огонь потрясет земли. Далай-Лама сперва покинет Тибет (его бегство в Монголию от англичан), потом Панчин-Лама покинет Тибет (в 1923 году он бежал в Китай от Далай-Ламы). Этот 13-й Далай-Лама будет последним и Панчин-Лама вернется в Тибет и восстановит расцвет новой эры». Истинно уже наступает время Шамбалы.

Современный Тибет являет собой поразительное стечение противоречий: с одной стороны, мы видим глубокие знания и замечательное развитие психической энергии среди духовенства, а с другой – полное невежество и бесконечный мрак в народе. Мы ви-

дим преданность религии, хотя бы в условной форме, и утайку денег, пожертвованных на монастыри с ложной клятвой. Мы увидим уважение к женщине и нелепый для современности институт полиандрии. Если Далай-лама, глава светской и духовной власти, то Тайши-лама, духовный владыка Тибета, самое высокое духовное лицо в смысле совершенства, потому в такой религиозной стране, как Тибет, авторитет и уважение последнего превосходит первого. Тайши-лама считается как бы представителем в мире грядущей новой эры Майдери. Они могут приходить в священную Шамбалу, он же дает разрешение на посещение этой тайной страны. Он изображен около Майдери как его апостол. Он обладает высшими духовными силами. На Востоке многое, кажущееся странным для европейца, звучит совершенно естественно.

Н. Рерих в своих путевых записках в 1936 г. приводит следующие два случая волевых приказов, происшедших в этих священных для буддистов местах. «Во время пребывания Тайши-Ламы в Индии его спросили, правда ли, что он обладает какими-то особыми силами? Духовный вождь Тибета улыбнулся и не ответил. Но через несколько минут Тайши-Лама исчез из вида. Дело происходило в саду. Присутствовавшие бросились искать его, но безуспешно. В это время в сад вошел один новый человек и был поражен необычайной картиной. Тайши-Лама спокойно сидел под деревом, а вокруг него суетились тщетно искавшие его люди. А вот другой случай волевого воздействия. В поезде бенгальской железной дороги был обнаружен безбилетный Сатху, которого высадили на следующей станции. Сатху уселся на перроне недалеко от локомотива и остался недвижим. Дали звонок к отходу поезда, но он не трогался. Публика, недовольная высадкой «святого человека», обратила на это внимание. Поезд второй раз попытался тронуться в путь, но безуспешно. Тогда пассажиры потребовали пригласить Сатху в вагон и занять свое прежнее место, и он торжественно был введен обратно, после чего поезд тронулся».

Н. Рерих в 1926 г. шел по тому же пути, по которому в 1923 г. бежал Тайши-лама из Тибета в Китай, и он передает удивительный

случай. «Когда Тайши-лама бежал около озер северо-западной области, вооруженная погоня из Лхасы одно время почти настигла его. Тайши-ламе предстоял длинный обход еще незамерзшего озера, и смутились сопровождавшие Тайши-ламу. Но духовный вождь Тибета хранил спокойствие и указал, чтобы его караван на ночь остался по-прежнему на берегу озера. За ночь ударил сильный мороз, и озеро покрылось льдом, а затем запорошил [его] небывалый снег. Они перешли озеро по льду, чем и сократили свой путь. Между тем взошло солнце, лед ослабел, и погоня, скоро подоспевшая, была задержана на несколько дней. Нельзя не верить этому, зная про силу волевого воздействия Тайши-ламы, имя которого связывается с понятием Шамбалы».

Глубокий смысл раскола между двумя вождями Тибета Далай-ламой и Тайши-ламой заключается в том, что последний – представитель грядущей эры Майдери, а первый – уходящей современности. А современный буддизм, в особенности ламаизм, извратил первоначальное учение Будды до неузнаваемости. Тибет застыл. Грязь, ложь и лицемерие не завещаны Благословенным Буддой. Много в религии должно быть очищено и исправлено. Слышно, что Тайши-Лама сейчас в Монголии занят утверждением мандалы буддийского учения.

Шамбала не фантазия, а факт. Об этом мы знаем из тибетского манускрипта, переведенного проф. Грюнвелелем под названием «Путь в Шамбалу». Книга написана Тайши-Ламой третьим, одним из наиболее уважаемых святителей Тибета. Конечно, очень трудно европейцу, говорит Н. Рерих, разобраться в громаде символов, столь характерных для Востока и в сложных географических намеках. Пойдем через путевые знаки о Шамбале.

В монастыре Гум, на границе Индии и Непала, вы узнаете вместо центрального изображения Будды гигантское изображение Майдери, Грядущего Будды. Владыка Майдери сидит на троне, ноги его [не] скрещены, как у Будды, а спущены на землю в знак скорого его прихода. Монастырь этот основан около 20 лет тому назад ученым монгольским ламой, который долго учился в Тибете,

затем пересек Гималаи и Сикким, чтобы основать этот монастырь, посвященный новой эре Майдери. В 1924 г. ученый лама, ученик основателя, говорил Н. Рериху: «Истинно приблизилось время Великого Пришествия. По нашим пророчествам, эпоха Шамбалы начнется с 1936 г. Ригден-Джапо, Владыка Шамбалы, уже готовит свое победоносное войско для последнего боя. Все его сотрудники и вожди уже воплотились. Видели ли вы танку Владыки Шамбалы и его победу над злыми силами?» Он же добавил, что Тайши-лама при своем бегстве взял с собой только несколько изображений из картин Шамбалы. Тогда многие ученики покинули Таши-Лунпо. Исполнилось древнее пророчество. Пришло время Шамбалы.

Следуя примеру Тайши-ламы, из Тибета в Индию прибыл один из наиболее уважаемых гегенов – Геше-Ринпоче из Чумбы, которого тибетцы считают воплощением Тзон-Ка-Ва (Зонкава). Он в сопровождении нескольких лам и художников следовал по Сиккиму, Индии, Непалу, Ладаку, всюду воздвигая изображения Благословенного Майдери и возглашая учение Шамбалы. Геше-Ринпоче со своей многочисленной свитой посетил Рериха в его доме в Дарджилинге над Гималаями и прежде всего обратил свое внимание на изображение Ригден-Джапо, владыки Шамбалы, и сказал: «Вижу, что вы знаете о наступлении времени Шамбалы. Ближайший путь успеха через Ригден-Джапо. Если вы знаете учение Шамбалы, вы знаете будущее его».

С древних времен лишь в немногих особо просвещенных монастырях были учреждаемы школы Шамбалы. Так, в Тибете главным местом почитания Шамбалы считается Таши-Джунпо, монастырь-резиденция Тайши-Лам, которые и являлись распространителями учения Калачакры (Майдери). Они же выдают разрешение достойным на посещение Шамбалы, следовательно, не мифической, а реальной. В Лхасе особенно связывается с учением Шамбалы монастырь Морулинг, известный своей ученостью. Говорят, что время от времени некоторые ламы этого монастыря уходят в какое-то горное ущелье в Гималаях, где, по-видимому, находится Шамбала, откуда не все возвращаются обратно.

Имеется особый Дацан Шамбалы в Гумбуме, на родине самого Зонкавы и в китайском монастыре Утайшане, настоятель которого написал замечательную, еще не переведенную книгу «Крестный путь в Шамбалу». В монастыре Чумби сохраняется большое изображение последней битвы Шамбалы, где можно видеть множество воинов, спешащих со всех стран мира принять участие в великой битве духовной победы.

В «Шанхай Таймс», а затем во многих других газетах появилась длинная статья, подписанная доктором Лаодзин, о его хождении в долину Шамбалы. Он описывает многие подробности своего замечательного путешествия в сопровождении йога из Непала через пустыни Монголии, по суровым нагорьям в долину йогов, изучающих высшую мудрость. Он описывает библиотеки, хранилища, а также знаменитую семью. Эти описания поражающе совпадают с описаниями этого замечательного места у других, малодоступных источников. Описывает замечательные научные опыты волевых посылок, телепатии на дальних расстояниях, применения магнитных токов и различных лучей.

«Среди всех многообразных впечатлений и заключений какое понятие особенно явилось для меня воодушевляющим?» – спрашивает себя Н. Рерих и без колебания отвечает сам себе: «Шамбала». «Восходя на Гималаи, вы приветствованы именем Шамбалы, при спуске в долины то же самое великое понятие благословляет вас. Шамбала питает человечество духовною пищею познания великих энергий».

Проходя Транс-Гималаи, вы наблюдаете целую горную страну с причудливым узором хребтов, долин и потоков. Лишь побывав в этих лабиринтах, вы знаете о скрытых недоступных местах. Старые вулканы, гейзеры, горячие источники и радиоактивность дают здесь неожиданные и приятные находки. Часто рядом с леднистым хребтом можно видеть сочную растительность ближайшей долины, очевидно, напитанной горячими источниками. В пустынном нагории Дамбуре Рерих видел кипящие горячие источники с зеленеющей пышной растительностью, земляникой

и гиацинтами. Среди обнаженного нагорья 15 тыс. футов лежит плодоносная долина.

Все взоры азийцев теперь обращены туда, где превыше облаков вздымаются величественные белые вершины. Это – Гималаи, Пять сокровищ великих снегов. Почему так называется? Потому что сказано: «Придет время, когда голод (духовный) охватит весь мир. Тогда появится (отсюда) НЕКТО, кто откроет великие сокровищницы и напитает все человечество духовной пищей».

Вот самое эзотерическое изображение Шамбалы, в которой побывавшие узнают намеки действительности. Наверху Идамха, как знак стихийной помощи, и тот Тайши-Лама третий, который был в Шамбале и написал закрытую книгу «Путь в Шамбалу». В середине изображения снежные горы образуют круг. Узнаются три белые границы. В центре как бы долина со многими постройками. Можно различать точно два разреза, как бы планы башен. На башне Сам Он, свет которого сияет в сужденное время. Внизу – мощное воинство ведет победную битву и сам Ригден-Джапо – предводитель. Победа духа на великом поле жизни.

Другой вариант: Наверху изображено то же самое, как в предыдущем, а внизу собрались все народы Азии. По костюмам можно отличить индусов, китайцев, мусульман, ладакцев, монголов, калмыков и тибетцев. Каждый со своим сокровищем. Кто с книгой, кто с орудием, кто с цветами. Битва уже кончилась победой, и народы призваны к благоденствию.

Учение Шамбалы – это целостное учение о жизни. Как у индийских йогов это учение показывает, как обращаться с тончайшими энергиями, наполняющими пространство, и как эти энергии могут быть мощно явлены в нашем микрокосмосе. Ава[та]ры, великие махатмы, воинство Ригден-Джапо, многое из цикла Гессериады, Калачакра, Ариявата, откуда ожидается Калки-Авата индусов. Великие держатели Монголии, Субурган-Хотана, Священная долина посвящения Будды, Агнии Йоги, книга Утаншаня, Тайши-Ламы – все это сошлось в представлении многих веков и народов около великого понятия Шамбалы.

«Шамбала есть священное место, где земной шар соприкасается с высшим состоянием сознания». На Востоке знают, что существуют две Шамбалы, одна земная, другая невидимая. Много предположений высказано о местонахождении земной, Чанг-Шамбалы, т. е. северной Шамбалы. Во всех книгах о Шамбале, в устных преданиях местонахождение ее описывается в высоко-символических выражениях, почти недоступных для непосвященных. Понятно, почему нужен такой покров. Один из Махатм, спрошенный о причине их тайности, ответил: «Иначе бесконечные шествия со всех стран света наводнят наши уединенные места, куда без разрешения теперь никто не попадет и не потревожит наши занятия. И действительно это так. Отсюда, среди сутолоки города, невозможно представить, сколько людей стремится к учению Махатм. Образованный Лама, известный на Западе, говорит, что он много вопросов и писем получает из Франции, Англии и Америки с запросами, как войти в контакт с Махатмами (жителями Шамбалы) и как получить их учение».

Это не мессианизм, а новая эра могучих энергий и возможностей, выраженная в понятии Шамбалы. Ведантисты указывают, что эра Шамбалы, в отличие от прочих эпох, вместо постепенной эволюционности наступит стремительно, ибо стремительны завоевания последних лет. Сороковые годы нашего столетия определяются началом наступления новой эры, что подтверждают и другие древние источники. В Тибете, в Таши-Лунпо, резиденции Таши-Лам, бежавшим затем Тайши-Ламой, в 1921 году было торжественно освящено громадное изображение Майдери, Грядущего Будды, Спасителя мира. Эту идею приносит новый наступающий век тибетского летоисчисления. Тайши-ламой было тогда объявлено, что через 15 лет начнется эра Майдери, т. е. в 1936 году. Браминские даты – сороковые годы – и это буддийское исчисление – 36-й год – очень близки. Кто знает, может, и нам суждено присутствовать при начале этой эры, о которой мечтает каждый буддист. Только нам представляется, что мир перед этим будет охвачен ужасной самоуничтожающей войной, после которой останется один из десяти

тысяч – полуотравленный человек, как говорится в пророчестве, в котором почти все исполнилось, кроме этого места.

Под снеговыми вершинами Гималаев, по южному их склону, раскинулись 100 монастырей Сиккима. Их ламы во время третьей неудачной экспедиции на Эверест говорили: «Удивляемся, зачем пелингам-иностранцам принимать на себя такие трудности по восхождению. Им не достичь успеха. Многие из наших лам бывали на вершине Эвереста, только они были там в тонком теле (*надо понимать в астральном теле*)».

«Где же такое сверкание, такая духовная насыщенность, как не среди этих драгоценных снегов? Не только духовные возвышения сосредоточились в Гималаях, но и физические возможности в своем богатстве создали для этой снежной страны высочайшую славу. Гималаи – родина чудес и легенд» (Рерих). Индус поет: «Могу ли я говорить о величии Творца, если я знаю несравненную красоту Гималаев».

Путешественник в Азии всюду встречается со знаками пришествия Майдери. В Ладаке, Драсе на отвесной скале – гигантское изображение из старого неолита. Это – Майдери, благословляющий путников. В Маульбеке, наполненном развалинами, на старом караванном пути имеется величественное изображение Майдери, изваянное рукой индуса, на обратной стороне скалы – китайская надпись.

В Сосуде – древнее изображение Майдери 6-го века. Всюду в пустыне на скале в захолустном заброшенном монастыре мы увидим изображение будущего Будды-Майдери буддистов, Калка-Аватара браминов. Мунтазара мусульман, перед которым благоговейно молятся и радостно шепчут о скором его приходе для спасения мира.

Знаки о скором Пришествии Майдери явлены калмыкам карашарским, Монголии и бурятам. В этих странах психические силы очень развиты. Вокруг Хотана имеется много развалин старых буддийских храмов. Одна из этих древних ступ окружена сказаниями, что при наступлении времени Шамбалы от этой ступы бу-

дет излучаться таинственный свет. Этот свет уже видели. Много калмыков из Кара-Шара приходят оказать почтение этому месту. Кара-Шар является не только средоточием карашарских калмыков, но и последним местопребыванием «Чаши Будды» из разноцветных драгоценных камней и обладающей чудотворной силой. Она была перенесена сюда из Пешавара и затем исчезла. «Чаша будет снова найдена при наступлении времени Шамбалы» – так верят и ожидают в степях и пустынях Азии. Чаша Будды – это ладья жизни, чаша спасения, она источник неиссякаемой благодати. В Кара-Шаре духовный вождь калмыков Тайши-Лама воскликнул Рериху: «Истинно великое время пришло, вот вы приходите с Запада и знаете мудрость Востока. Мы все готовы пожертвовать все наше имущество, чтобы послужить на пользу Шамбале. Все всадники будут на конях, если благословенный Ригден-Джапо пожелает иметь их».

Около Урги, на берегу реки Иро, стоит большой монастырь, около которого в 1925 году родился удивительный ребенок. Не было ему еще и года, когда он сказал на монгольском языке замечательное пророчество о будущем, а затем ничего не говорил, как обыкновенный ребенок. Это его пророчество совершенно совпадает с пророчествами, слышанными Рерихом в Тибете. Однажды в Ургу пришел неизвестный монах и, купив, огородил место для будущего храма Шамбалы. Или: По улице Урги проезжает отряд монгольской конницы. Всадники с чувством поют какую-то песню. Это не бравурная военная песня, распеваемая обычно европейскими воинами, а песня о Шамбале. Эту песню сложил Сюке-Батыр, недавний герой Монголии, один из вождей монгольского национально-освободительного движения. Эта песня распевается по всем уголкам Внешней Монголии.

Итак, новейшее движение Монголии связано с именем Шамбалы, и новые знамена поднимаются в честь Шамбалы. В Урге говорят о посещении великим Махатмом, посланным по поручению из Шамбалы, двух старейших монастырей – Эрдни-Дзо на реке Орхоне и Нарабанчи-Гомбо. О посещении Нарабанчи есть литера-

тура, на месте же рассказывается так. Однажды в полночь группа всадников приблизилась к воротам этого монастыря. Видно было, что люди эти проехали долгий путь. Лица их были покрыты меховыми шапками. Их вождь вошел в храм. Он встал на главное место Богдо-Гегенга и открыл свой лик. Все присутствующие узнали в нем самого благословенного. Он произнес много пророчеств о будущем, затем все всадники повернули коней и так же неожиданно исчезли, как и появились.

Член Монгольского Ученого Комитета рассказал Н. Рериху о другом случае прибытия гималайского махатмы в Монголию. Лет 60 тому назад одному из великих лам было дано большое поручение. Он должен был выполнить его лично, а в случае приближения смерти миссию передать достойному, по его мнению, лицу. Случилось так, что лама успел только частично выполнить данное поручение, заболев, потерял сознание. В этом состоянии он не мог, конечно, передать поручение достойному преемнику. Великие Махатмы Гималаев знали о его затруднениях, т. к. поручение должно быть выполнено при земных условиях, т. е. не употребляя свою психическую мощь. Тогда один из Великих Махатм в величайшей поспешности отправился в утомительное путешествие от Тибетских нагорий в Монгольские степи. Поездка была так спешна, что Махатма оставался в седле 60 часов, но таким образом прибыл вовремя. Он своевременно вернул сознание больному ламе, и тот оказался в состоянии докончить вверенное ему поручение достойным образом. Вы видите, как Великие Махатмы помогают человечеству. Сколько самопожертвования и какие земные трудности они принимают на себя, чтобы помочь Великому Будущему.

«Встречаясь со скучною рутинностью ежедневности, встречая трудности, грубости и обременительные заботы в Азии, вы не должны сомневаться, что в самую обычную минуту у дверей ваших уже готов постучаться кто-то с самою великою вестью. Два потока жизни особенно различны в Азии, и потому пусть лик обыденности не разочаровывает вас. Легко можете быть награждены зовом великой правды, который увлечет вас навсегда».

«На монголов сейчас справедливо обращен глаз мира, – говорит Н. Рерих, этот вдумчивый наблюдатель, – ведь они те самые монголы, при имени которых жители средневековых туркестанских городов, покидая свои дома, в страхе оставляли записки: «Спаси нас, Бог, от монголов». Рыболовы в Дании боялись выходить в море, Западная Европа служила по приказу папы службу об избавлении от монголов. Настолько мир был наполнен именем страшных завоевателей. Теперь же вы там слышите вместо топота монгольской победоносной конницы торжественное и смиренное моление «о-ма-ни-пад-ме-хум» – «да будет благословенно все живое в 56 частях света (космоса) и вместе с ним я».

«В то же время теперь, когда вы посещаете монгольскую печатню в Урге, когда говорите с министром народного просвещения Бату-ханом и ученым секретарем Ученого Комитета Джамцарано, когда вы знакомитесь с ламами, переводящими на монгольский язык геометрию и алгебру, то вы видите потенциал народа, который справедливо оборачивается в свое славное прошлое... Для случайного прохожего Монголия явит внешний лик, поражающий богатством красок, костюмов, в которых сказывается многовековая традиция с широко обставленной обрядностью. Подойдя ближе, вы узнаете их вдумчивую ученую работу и внимательное исследование своей страны и желание дать своим молодым людям западноевропейское образование. Они едут учиться в Германию, Францию. Понятие Учителя только на Востоке возносимо с таким почитанием и достоинством» (Н. Рерих).

В Урге интеллигентный бурят, один из монгольских вождей, рассказал Рериху, как один бурятский лама после многих лет трудностей достиг Шамбалы и даже оставался там короткое время. Характерна следующая подробность: когда этот лама с проводником достиг уже границы священной долины, он заметил караван яков, груженный солью. Это были обычные тибетские купцы, которые в полном незнании проходили совсем близко от этого замечательного места. Другая маленькая подробность: когда этот лама возвращался из Шамбалы, ему пришлось проходить чрезвычайно

узким подземным ходом, где он встретил двух людей, ведущих с большим трудом породистого барана, нужного для ученых опытов, происходящих в этой чудесной долине.

На вершинах Сиккима, в Гималайских отрогах, среди аромата Гамо и цвета рододендронов лама, подобно средневековому изваянию, указал на пять вершин Кинчик-джунга и сказал: «Там находится вход в священную страну Шамбалу. Подземными ходами, через удивительные ледяные пещеры немногие избранные даже в своей жизни достигали священного места. Вся мудрость, вся слава, весь блеск собраны там». Другой лама красной секты говорил про чудесных азаров, жителей Шамбалы индусского вида, длинноволосых, в белых одеждах, иногда появляющихся в Гималаях. Эти мудрые люди знают, как управлять внутренними силами и как объединять их с космическими токами. Глава медицинской школы в Лхасе, старый ученый лама лично знал таких азаров и сохранял с ними непосредственные отношения.

«Стетсман», наиболее позитивная газета Индии, опубликовала следующий рассказ британского майора: «Во время странствований в Гималаях однажды еще до зари майор из лагеря вышел на соседний утес. Он наблюдал величественные картины снеговых великанов. Через пропасть от него в утреннем тумане возвышался другой утес. Велико было изумление майора, когда на противоположном утесе он явственно усмотрел очертание высокого человека с длинными волосами, почти нагого. Опершись на высокий лук, незнакомый наблюдал что-то по ту сторону скалы. Затем молчаливый страж точно заметил что-то. Мощными прыжками он бросился вниз по почти отвесному склону. В полном удивлении майор вернулся в лагерь и спросил местных слуг об этом странном явлении, но, к его большому удивлению, его вопрос был принят совершенно спокойно. Почтительно было отвечено ему: «Саиб видел снежного человека, который охраняет заповедную страну». Ламы объясняют, что очень редко можно видеть этих снежных людей. Они преданные хранители некоторых Гималайских областей. Там скрыты священные атрамы Махатм. Эти мудрые Махатмы в вечных трудах

направляют нашу жизнь. Они управляют внутренними силами и в то же время как совершенно обычные люди они появляются в разных местах, и здесь за океанами, и по всей Азии.

Величественные образы Махатм не проходят перед нашими глазами как призраки, но как великое существо [из] тела и крови, как действительные учителя высшего знания и мощи. Учение великих Махатм в Шамбале имеет объединительное понятие. Надо понять чувствительность ко всему астральному, которая видна из следующего случая. Жена Н. Рериха выразила ему на чуждом для туземцев языке свое горячее желание иметь старинное изображение Будды. Но они очень редки и достать их дело трудное, потому решили оставить это до лучшего случая. Но, к их изумлению, через несколько дней к ним подходит лама и с поклоном достает из-за пазухи отличное изображение Будды тибетской работы со словами: «Госпожа хотела иметь Будду. Во сне мне явилась Белая Тара и указала отдать вам изображение Благословенного с моего алтаря».

Другой случай с тем же Рерихом, который с друзьями ехал в автомобиле по горной дороге. Вдруг их шофер замедлил ход, на узком месте появился портшез, несомый четырьмя людьми в серых одеждах. В носилках сидел лама с длинными черными волосами и с необычайной для лам черной бородой. На голове была корона, а красное с желтым одеяние было необыкновенно чисто. Портшез поравнялся, и лама, улыбаясь, поклонился. Когда же расспросили местных лам, то, к своему удивлению, узнали, что во всем крае такого ламы нет и что в портшезе носят Далай-ламу, Таши-ламу и высоких покойников, что корона надевается только в храме. Этот лама был из Шамбалы.

«Во время эры Шамбалы языки будут понимаемы без слов и знаков. Мы будем слышать и понимать не внешним звуком и видеть не телесным глазом, но третьим глазом Браммы, это есть глазом всезнания. Мы будем в состоянии пользоваться великими скрытыми силами», – говорит пророчество.

Учение о жизни Махатм Гималаев в полном согласии с новыми проблемами науки намечает знаки изучения стихий и тончайших

энергий. То, что недавно называлось учением воли и сосредоточения, то Агни Йога вправляет в целую систему овладения окружающими нас энергиями. Через расширение сознания и упражнение организма среди условий современной жизни эта синтетическая йога строит счастливое будущее человечества. Йога как система говорит: «Не уходите от жизни, развивайте способности вашего аппарата и поймете великое значение психической энергии – человеческой мысли и сознания как величайших творящих факторов».

Йога говорит: «В нашей самоотверженности и в сознательном сотрудничестве будем стремиться к сужденной эволюции. Мы, прежде всего, пойдем радость труда, мужество ответственности». Йога отделяет действительность от «майи», она восстает против «чудес», вводя феномены в кругозор позитивного знания. «Нужно учиться организации психической энергии, будем искренни и отбросим предрассудки и суеверия, неприличные сознательному человеку, желающему научно исследовать и познавать», – смело говорит Йога.

«Люди совершенно разучились понимать и применять психическую энергию. Они забыли, что каждая энергия, приведенная в действие, порождает инерцию, которую почти невозможно остановить и которая продолжает свое воздействие по инерции. Можно лишь светлым сознанием управлять психической энергией, чтобы не засорять путь свой прошлыми посылками. Часто мысль случайная надолго мутит поверхность океана достижений». Здесь нет ничего отвлеченного, ибо психическая энергия заложена во всей природе и особенно выражена в человеке. Дело просвещения – научить человечество обращаться с этим сокровищем.

Космический луч Иелликана, относительность Эйнштейна, музыка сфер Теремина принимаются на Востоке совершенно положительно: древние ведические и буддийские традиции подтверждают это. Так, на верхах достижения встречаются Запад и Восток. Старые понятия Азии приветствуются Европой лишь в XX веке. Европа может и должна сойтись с Азией, подчинив свою материалистическую культуру ценностям духовной культуры. А до тех пор, пока

идеалом капиталистической культуры Запада будет миллионер, а идеалом духовной культуры Востока сверхчеловек (йог, Махатма, нирвана, бодисатва и Будда), не будет между ними общего.

Приведем некоторые отрывки из буддийских пророчеств:

«Огнем явлю моих посланных. Найдите ум встретить назначенное, когда в пятом году появятся вестники воинов Северной Шамбалы. Найдите ум встретить их и принять новую славу. Дам мой знак молнии... Благословенный Будда посылает вам любимого Майдери, чтобы вы могли приблизиться [к] Общине. Ваши пастбища протянутся на заповедную землю. Когда вы стережете стада, не слышите ли голоса в камнях? Это работники Майдери готовят для вас сокровища. Когда ветер свистит в ковыле, понимаете ли, что это стрелы Майдери летят на защиту? Желайте сердца омыть до прихода Моего. Каждый, узнавший о Моем желании, покроет шапку красным верхом и обернет налобник узды красною тесьмою. Смотрите пристально на кольца приходящих. Там, где моя чаша на кольце, там ваше спасение...»

«На горах зажглись огни, приходит новый год (эра). Кто проспит, тот более не проснется. Северная Шамбала идет. Мы не знаем страха, мы не знаем уныния. Подумайте чистыми мыслями, подумайте светлыми мыслями. Вижу три народа (избранных), вижу три книги. Первую – Самого Благословенного, вторую – явленную Асвагошею, третью – явленную Зонкавой. Вижу книгу прихода Майдери. Первая написана на Западе, вторая на Востоке, третья будет на Севере. Вижу три явления с мечом, законом и со светом. Вижу три корабля: на воде, под водою и над землею.

Когда шествие с изображением Шамбалы пойдет по землям Будды и вернется к Первоисточнику, тогда наступит время произнесения священного слова Шамбалы. Она изображается среди мечей и копий в непобедимом доспехе. Торжественно утверждаю – непобедима Шамбала.

В местах Будды и Майдери пронесено изображение Последнего, развернувшееся, как знамя. Обойдет знамя Шамбалы срединные земли Благословенного, признавшие его возрадуются и содрог-

нутя отвергшие. Отвергший его будет предан суду и забвению и пойдет воинство под знаменем Майдери и станет город Лхаса омраченным и пустым. Как кровь протечет знамя Майдери, земли нового мира для затемненных и как огненное солнце для понявших. Под камнем монастыря Гум лежит пророчество о священной Шамбале».

1933 г.

ОБРАЩЕНИЕ К МОЛОДЕЖИ

Обращаюсь к молодежи, потому что ей принадлежит будущее и потому, что настоящее, представляя рубеж двух эпох, затрудняет молодежи создание своего мировоззрения.

Старая эпоха с ее мировоззрением рухнула с наступлением мировых катаклизмов в виде мировой войны с последовавшими за ней революциями в России, Германии, Австро-Венгрии, Италии. Особенно глубок водораздел между двумя мирами, образованными русской революцией. Она перевернула жизнь, быт и сословия всех народов бывшей империи. На одном склоне этого водораздела, обращенном к прошлому, психологически уже безнадежно далеком, хотя по времени так близком, почитает старый мир. В этом обреченном мире вы не найдете единства. Здесь осколки штабов дореволюционных политических партий и мировоззрений; здесь вы найдете последних могикан всех развенчанных жизнью идей, опровергнутых теорий, запоздалых защитников проигранных позиций, разбитых стратегов и воинов. Через всех их прошло колесо истории, потому что они представляют теперь живых трупов. Но они еще сильны и опасны для неискушенной в политике молодежи, которой приходится, живя на переломе этих двух эпох, видеть крушение старого мировоззрения и зачатки возникновения нового.

Все сказанное здесь относится и к молодежи калмыцкого народа, которому пришлось пережить русскую революцию и все ее тяжкие последствия. Главная масса нашей эмиграции, конечно,

принадлежит старому поколению, подвергнутому процессу русификации. Потому среди этого поколения вы найдете сторонников почти всех бывших дореволюционных русских партий и течений. Имеются социал-демократы, социал-радикалы, кадеты, или РДО, и монархисты. Все они сторонники русской ориентации, несмотря на то, что вот уже 17 лет как нет той России, сторонниками которой они являются.

Вместо России там СССР – союзное государство народов бывшей империи; вместо царя с его бюрократией – Сталин со своей приччиной. Вместо всех партий – одна РКП. Думать, что после коммунизма все вновь вернется само собой, по меньшей мере, наивно. Так могут думать люди с ленивыми мозгами или те, которые не хотят сознаться, что их мировоззрение уже 17 лет тому назад рухнуло под ударами революции и что лишь грозное их тело скитается в эмиграции. Простое человеческое самолюбие не позволяет им признать свершившееся, а у некоторых не хватает духовных сил объективно разобраться во всем совершившемся и совершающемся путем ознакомления с тождественными явлениями в жизни других народов в другие времена. Как трудно человеку, уже пожилому, менять свои привычки, так и им не хочется менять свои старые убеждения, с которыми они так было свыклись. Главное, обидно им сознаться, что они столько лет жили, проповедовали, а теперь, оказывается, что они все время ошибались.

При создании своего мировоззрения молодежи надо помнить, что исторические события имеют свою закономерность, они не знают обратного хода, им известен только ход вперед, где одна эпоха сменяется другой, отличной от предыдущей. Так, до XVIII века миром владела монархия. XIX век сменил ее на век демократов с парламентаризмом (существующие монархии – Английская, Итальянская – суть только форма). XX век как будто несет крах демократам. После первой мировой войны и полдюжины революций демократию сменяет идеократия, т. е. фашизм. Несмотря на различие его у разных народов, суть его одна и та же. Эта новая форма власти одной и единой партии без парламента пока существует в СССР, Германии, Италии и Турции. Она пробивает себе путь и сре-

ди других современных парламентарных стран, среди выдохшихся старых политических партий, приведших в тупик стольких кризисов (экономический, финансовый, политический, моральный).

Учение фашизма в двух словах можно выразить как ярко выраженный национализм. Национальность была в забвении за период господства в XIX веке демократии и социализма. I, II, III Интернационалы хотели уничтожить нации, создать общечеловеческий рай на земле, но это оказалось ошибкой: нацию нельзя обезличить. Новая эпоха родилась, она создала новую психику, новые идеи, новую породу людей и во всем проникнута пафосом национального возрождения в форме фашизма. Потому-то фашизм родился в однопациональном государстве (Италия, Германия, Турция). Если же организаторы русского фашизма в эмиграции и им родственные течения рассчитывают на все народы бывшей империи, то это в корне ошибочно. В бывшей России 106 разных народов. Их всех в одну русскую нацию не смогла превратить царская Россия за триста лет своего существования. Каждый из этих народов есть соборная личность, вносящая свою, специфическую, ей только одной присущую долю духовной ценности в общечеловеческую культуру. Обезличить, обрусить их – значит обесцветить и сделать менее ароматным тот букет, который носит название культуры человечества.

Калмыцкой молодежи и всем национально мыслящим из старого поколения надо поставить крест над остатками дореволюционных русских политических партий и мировоззрений, надо осознать происходящее в нашу переломную эпоху, услышать звуки нашего времени. Основной же смысл совершающегося – нация, освобожденная от вековых своих оков и готовая идти к своему возрождению.

Долг лучших сынов народа, интеллигентных и сознательных, оформить и дать содержание национальному возрождению своего народа. Для этого нужно разбросанным там и сям калмыцким националистам организовать в одну крепкую, тесно спаянную национальную организацию с программой, могущей дать народу политическую свободу, национально-культурное возрождение и хозяйственно-экономическое благосостояние.

Небольшим, но крепко спаянным ядром такой организации вот уже несколько лет является национально-политическая группа «Хальмаг Тангачин Туг».

1934 г.

ДЕНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ И АССИМИЛЯЦИЯ НАЦИЙ

После периода зрелости и расцвета национальностей с сопутствующим их империализмом, когда национальное государство превратилось в многонациональное, начинается процесс денационализации и ассимиляции в этом национальном государстве. Вторгаются чужие люди, костюмы, вкусы, те или иные элементы быта. Появляется большой спрос на чужие обряды, верования. Литература и школа принимают оттенок космополитический. Все иностранное, иноверное начинает казаться милее, интереснее родного, отечественного; своего патриархального, традиционного начинают стыдиться, все свое презирать.

Конечно, очень много значит в этом падении национальности факт внешнего физического растворения. Рождаемость нации далеко не поспевает за ростом территории в империи и в колониях, которые завоевывает господствующая нация. Она разрежает плотность своего населения. Правда, она много навязывает и покоренным, она ассимилирует другие малые нации, она достигает больших эффектов распространением государственного языка, привитием своей школы, но еще больше, может быть, господствующая нация берет у подчиненных, еще больше она варваризуется, денационализируется.

Важную роль в этом процессе играет переход завоевателей на мирное положение. Завоеватели и странствующие торговцы превращаются в земледельцев и бюрократов. Само общество глубоко видоизменяется одновременно с ростом империи. Это изменение мы называем демократизацией, уравниванием сословий; оно выражается в исчезновении старых корпораций, разных сословий, привилегий и преимуществ рождения. И в Греции, и в Риме самый выдающийся факт из этой области – это гибель наследственной ари-

стократии, служилого класса, соответствующего русскому дворянству, в Греции – всадничество, в Риме – нобилитеты, в Монголии – степная аристократия, в России – служилое дворянство, и только тут, в момент гибели этой старинной корпорации, становится видно, какую существенную роль играла она в образовании и защите национального государства.

Теперь посмотрим, что происходит во время упадка в области духовной и материальной культуры. Несомненно, выше и тоньше становится техника, военные сооружения, но при всей блестящей внешности не хватает внутреннего вдохновения. Общественные нравы падают, храбрость, рыцарство и самоотверженность уступают место трусости, эгоизму, административной нечестности. Исчезновение национальной терпкости и остроты, космополитическая интернациональная вялость расслабляет и парализует энергию и творческую силу нации.

Как будто эти два процесса: культурный и национальный – идут параллельными, но противоположными ходами: один вверх, другой вниз. Ничего национально-греческого и национально-римского нет в беллетристике философии эпохи. Когда-то господствовавшие великие нации начинают исчезать: в должностях по управлению, в военном командовании, в литературе выдвигаются инородцы, например, в России – немцы, у монголов – персы, китайцы и татары.

Принято говорить, что русская культура до Петра I была «самобытной». Позволю себе согласиться с этим лишь относительно. На заре русской культуры мы видели, что в ее создании участвовали варяжские князья со своими дружинами, хотя это была скорее культура «гостиного двора и наемников караванов», затем византийское православие и 300 лет монгольского владычества, давшего Московской Руси свое великодержавие и ханат в виде самодержавия. Монголы неудержимо влияли на русский быт, характер и обычаи, крепко с ними сливаясь настолько, что по своему биохимическому коэффициенту (1,3) она ближе и родственнее к коэффициенту крови монголо-тюркских народов, чем к коэффициенту крови южных и западных славян (2,5). Эти позднейшие научные открытия приводят нас к заключению, что «родство» славянской крови – миф, лишь родство языка – факт.

Из татарской школы вышло царство Ивана Грозного; Русь Московская, как птенчик из яичной скорлупы, из Монгольского государства вышла на широкую дорогу великодержавности и национальной «самобытной» культуры. Но недолго продолжалась эта самобытность блестящего царства Иванов III и IV, она рушится не от внутренних причин, а под давлением западноевропейской техники, бывшей в руках, хотя и меньших по числу, но более культурных поляков и шведов.

После смуты московские политики пытаются модернизировать свое национальное государство на новый лад и тем неизменно стали на путь упадка. Все больше у них вырабатывается пренебрежение к своей культуре и преклонение перед одолевшим их Западом. Восстановленная держава при уменьшенных средствах организуется по европейскому образцу с его бюрократией, бюджетом и постоянным войском, для чего понадобился кадр иностранцев-специалистов, а в качестве одной из бюрократических форм утверждается до сих пор незнакомое Востоку и сложившееся под влиянием западного капитализма — крепостное право.

Не менее важные процессы совершились и в области духовной культуры. Петр I был неистовый западник со слепой верой в их машину и в их учение. Наплыв чуждого просвещения заставляет забыть все свое старинное. Постепенно бюрократизованные государственные верхи отделяются от народной массы. В то же время образованное общество привыкает смотреть на государство как на внешнюю силу. Этого разобщения общества и государства, интеллигенции и народа не было в 16 веке. Странно звучит на первый взгляд, если сказать, что Курбский и Грозный были по вкусам, складу понятий и образу жизни ближе к простолюдину своего времени, чем в наш демократический, но в этот сильно европеизированный век товарищ-комиссар из полуобразованных горожан к крестьянину.

«Окно, прорубленное в Европу» Петром I, превратилось в широкую дверь, куда сильно подул вольный ветер нигилизма, атеизма, социализма, интернационализма и прочих «духовных ценностей Запада», пока он не превратился в революционную бурю коммунизма, этого последнего детища европейской культуры. Русская

революция есть прямое наследие периода копирования европейской культуры. Это копирование начато Петром Великим и доведено до логического конца В. Лениным.

Вся российская интеллигенция, будучи детищем 200-летнего духовного оплодотворения европейской культурой России, сейчас не желает осознать всей пагубности влияния духовной (не технической) культуры Запада на Россию, так как это самопризнание было бы некоторым унижением, на что способны немногие. Все же Россия не стала Европой, и русские в Западной Европе чувствуют себя более чужими, чем в Азии. В России в сущности создались две нации, говорящие на разных языках, с разными понятиями, чуждые и часто враждебные друг другу; это – народ и небольшой европеизированный его слой (интеллигенция). Во время революции народный слой «скинул» с себя слой интеллигентный как ненормальное оплодотворение чуждой культуры, хотя позже опять попал в руки ее же питомцев – интернационалистов, большевиков.

Нельзя не отметить особенного сходства многих мест в судьбах России и Рима, русских и римлян. Рим во главе староитальянцев существовал как могучее государство, как сильная нация в эпоху Сципионов и Пунических войн, когда боролся за право самостоятельного существования и вместе с тем неудержимо стремился к расширению. А в эпоху Нерона и Адриана римляне были чиновниками и откупщиками, составляя привилегированное сословие граждан, они прилаживались в качестве орудий громадного державного механизма, но уже не были нацией; у них для национальной жизни уже не было цепкости, активности и воинственности, резкого отгораживания себя от других.

Почти эти же самые качества приходится отмечать и у русского народа, начиная с 18 века и до сих пор, все глубже и дальше. Катастрофа нашего времени представляет отдаленное последствие национальной культуры. В 19 веке стерлись окончательно старинные традиции, развилась подражательность, утратились самобытные цели жизни, ослабел пульс жизни...

В императорский период Россия старалась всем аппаратом государственной власти «обрусить и оправославить» все свои 106, считая и больших, подчиненных наций. Эта задача не только не

достигла своей цели, но имела обратное действие, потому что сам господствующий великорусский народ подвергся европеизации, а, кроме того, представлял из себя не больше половины населения империи. Родственные великорусам народы и племена, как украинцы, белорусы и даже так много сделавшие для империи казаки, были урезаны в своих политических, административных и культурных правах, они также, наряду с другими инородцами, русифицировались. Этот винегрет из народов оказался слишком большим и неудобоваримым, чтобы он мог перевариться за 300 лет в русском желудочном соку, и он разразился катастрофой в 1917 году. Ассимиляционные мероприятия совершенно не имели скольнибудь значительного успеха, а у иных народов даже вызывали обострение национального самосознания.

Денационализация в быте, вкусах, понятиях и верованиях завершается денационализацией духовной. Главную роль в этом играет язык. Народ отказывается от своего языка в пользу другого, более развитого, этим он становится на путь ассимиляции. Его участь печальна. Он должен выучивать чужие звуки, не им выработанные представления. Первоначально он становится в положение детей, обучаемых звукам, истинного смысла которых они не понимают. Если некоторые представления можно объяснить наглядно, то духовные понятия этому не поддаются. Для уразумения их надо обратиться к прошедшей истории народа, выработавшего эти представления, надо вникать в его идеалы, подчиняться его мирозерцанию. Вследствие этого духовная жизнь такого человека становится в зависимость от чужих представлений, она сводится к простому подражанию. Сила самобытного творчества иссякает, и роль языка как бы теряет свое прежнее значение, когда до смысла каждого слова нужно доходить при помощи толкований, каковой смысл доступен не всем, а для простого народа эти слова пустые звуки, не дающие никакого представления.

Духовное просвещение народа, говорящего чужим или варваризованным языком, чрезвычайно бывает затруднено, оно делается достоянием только небольшого слоя интеллигенции, которая духовно отрывается от своей народной массы и не влияет шлифующе на нее. Отсюда – разделение высших классов, как образованных,

от низших, как непросвещенных, и вот где надо искать причину трагического расслоения между русской интеллигенцией и русским народом. Общеизвестно, например, что язык русского интеллигента не понятен мужику.

Этот же самый процесс мы видим и в истории чешской, когда после Белогорской битвы в 1620 году чешский язык подвергся гонению, [был] запрещен в школах и учреждениях, перестала появляться на чешском языке литература, а интеллигенция, воспитанная на немецкой культуре, стала гнушаться своего языка, а некоторые писатели, как Ан. Коменский, писать на языке латинском. Приблизительно то же самое было и в Югославии. Даже теперь еще некоторые дома хорватов и словенцев употребляют в обиходе язык немецкий, а далматинцы итальянский. Такова картина денационализации – потеря своего национального и ассимиляция – одновременное усвоение чужого и приспособление к чужому.

Усвоение общечеловеческой цивилизации не предполагает отречения от своей народности, мы лишь против духовного обезличения народа, когда всех стригут под одну гребенку, мы против искусственных искривлений народного быта. Безусловно, Петр I делал тяжкое преступление против духа своего народа, когда мерами административной власти ломал весь народный быт, весь уклад его жизни, коверкал даже внешний покроем одежды, все родное и естественное заменяя чужим, когда скромных русских девиц силком погнал на публичные ассамблеи – дансинги, где сводили молодых людей обоего пола, когда старых почтенных бояр заставлял курить, насмехаясь над их чиханьем и кашлем.

Обычай народный весь составлен из мелочей, не имеющих по видимому большого значения, но ведь кременистые твердыни воздвигнуты из микроскопических остатков Эренберговых инфузорий. Из мелочных подробностей быта слагается громада обычая, единственная твердая опора народного и общественного устройства. Его важность еще недостаточно оценена. Обычай есть неписанный закон, но отличается от закона писаного тем, что последний [является] чем-то внешним, случайно примешивающимся к жизни, а обычай является силою внутренней, проникающей во всю жизнь народа, в мысль и совесть всех его членов. Цель всякого закона, его

окончательное стремление есть превращение в обычай, перейти в плоть и кровь народа и не нуждаться уже в письменных документах. Обычай есть не только старомодное, пережиток старины, он беспрерывно развивается вместе с жизнью, изжитые обычаи сами предаются забвению, а новые складываются. Значение и сила обычая именно в том, что он есть результат народного творчества в его преемственном развитии, что он опирается на всеобщее убеждение, а не на писанный документ. «Хороший закон перейдет в обычай» (Хомяков).

Национальная история должна быть историей народной жизни, совершающейся лишь при содействии государственного начала. Главный источник прогресса – в народной самодеятельности. Государство не должно брать на себя творческую роль, становиться на место живых народных сил, иначе перед нами будет не нормальное развитие народной жизни, а ломание ее, а сам народ, лишенный возможности своего массового творчества, начинает духовно хиреть и отставать. Типичным примером может служить жизнь русского народа, который привык уже все ждать сверху в порядке манифеста, декрета и приказа.

Поэтому только те культурные приобретения прочны, которые усваиваются свободно. «Все имеет настолько цену, насколько они делаются свободно и искренно». В особенности это надо применить к началам бытовым и культурным, в собственном смысле. Речь идет не против заимствований вообще, а против принудительного проведения их. Заимствование не убивает собственной оригинальности индивидуума, если оно прodelывается разумно с полным проникновением в глубокий смысл заимствуемого, когда заимствующий имеет возможность возвыситься до его принципов, отделить внешнюю, чисто случайную форму от сути и видоизменять эти формы применительно к условиям и потребностям местным.

Это же самое можно сказать не только о заимствовании индивидуальном, но и о заимствовании целым народом. Таким образом, слепое подражание и разумное заимствование – явления глубоко различные и по форме, и по своим последствиям; первое вредно, второе полезно. Мысль эта лучше всего выражена Киреевским: «Разумное развитие отдельного человека есть возведение его в

общечеловеческое достоинство, согласно с теми особенностями, которыми его отличила природа. Разумное развитие народа есть возведение его до общечеловеческого значения того типа, который имеется в самом корне народного бытия».

Национальное развитие должно быть преемственно, т. е. не разрывать связи с преданиями, потому что именно в них выражается народная индивидуальность, а в обычае заключается твердая точка опоры для самостоятельной критики всех реформ, заимствований и всякого рода шагов вперед. Поэтому общественные деятели всех угнетенных народов, ставших на путь национального освобождения и возрождения, в своей творческой деятельности, прежде всего, должны стараться не расходиться с духовным обликом родного народа, базироваться на его природном мирозерцании, а полезные и необходимые заимствования непременно приспособлять к быту и нраву родной народной массы.

Только в этом случае развитие и прогресс народа будет процессом внутренним и действительным, а не внешним, и потому мнимым.

1934 г.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ ЭРЕНЖЕНА ХАРА-ДАВАНА

1. *Хара-Даван Э.* Изучение способов и путей для культурного возрождения калмыцкого народа // Ойрат. Издание инициативной группы студентов калмыков в ЧСР / Отв. ред. Д. Н. Баянова. Издание д-ра Э. Хара-Даван. – [Белград], 1925. – С. 19 – 22.

2. *Хара-Даван Э.* К вопросу о национальном объединении // Ойрат. Издание инициативной группы студентов калмыков в ЧСР / Отв. ред. Д. Н. Баянова. Издание д-ра Э. Хара-Даван. – [Белград], 1925. – С. 5 – 8.

3. *Хара-Даван Э.* Евразийство с точки зрения монгола // Евразийская хроника. – Париж, 1928. – Вып. 10.

4. *Хара-Даван Э.* Чингис-хан как полководец и его наследие. Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII-XIV века. – Белград, 1929. – 221.

5. *Хара-Даван Э.* Чингис-хан или Россия? (ответ на письмо калмыков-казаков) // Вольное казачество. – 1930. № 51 – 52. С. 18.

6. *Хара-Даван Э.* К полемике генерала Богаевского и Ш. Балинова // Ковыльные волны. Париж, 1930. № 1. С. 49 – 50.

7. *Хара-Даван Э.* Калмыки в Югославии // Информация КККР. 1930. № 1. С. 60.

8. *Хара-Даван Э.* О наших национальных задачах // Ковыльные волны. 1930. № 1. С. 20 – 23.

9. *Хара-Даван Э.* Пути развития национальной проблемы // Улан Залат. – 1930. № 3. С. 33 – 35.

10. *Хара-Даван Э.* Религия в быте Запада и Востока // Вольное казачество. 1930. № 61 – 62. С. 14 – 16; № 63 – 64. С. 11 – 13.

11. *Хара-Даван Э.* Тупики и исходы русской революции // «Вольное казачество». 1930. № 56. С. 11 – 13; № 57. С. 7 – 9; № 58. С. 9 – 10.

12. *Хара-Даван Э.* О кочевом быте // Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Париж, 1931. Кн. 7. С. 63 – 66.

13. *Хара-Даван* Э. Калмыцкие студенты-пионеры // Ковыльные волны. 1932. № 5. С. 26 – 31.

14. *Хара-Даван* Э. Национальный вопрос в разрешениях русских политических партий // Ковыльные волны. 1933. № 6. С. 4 – 10.

15. *Хара-Даван* Э. Заря Востока // Ковыльные волны. 1933. № 7. С. 12 – 24.

16. *Хара-Даван* Э. Обращение к молодежи // Ковыльные волны. 1934. № 9. С. 91 – 92.

17. *Хара-Даван* Э. Монгольское национальное движение и национальные проблемы в Азии // Ковыльные волны. 1934. № 4. С. 2 – 6.

18. *Хара-Даван* Э. Основа и цель национального государства (отрывки из труда автора «Национальный вопрос») // Ковыльные волны. 1934. № 9. С. 8 – 12.

19. *Хара-Даван* Э. Проект новой калмыцкой орфографии // Ковыльные волны. 1934. № 8. С. 29 – 31.

20. *Хара-Даван* Э. Объяснительная записка к новой калмыцкой азбуке // Борисенко И.В., Горяев А.Т. Очерки истории калмыцкой эмиграции. Элиста, 1998. С. 213 – 214.

21. *Хара-Даван* Э. Национальный вопрос // Вольное казачество. № 128.

22. *Хара-Даван* Э. Чингис-хан как полководец и его наследие. Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII – XIV вв. 2-е изд. / Послесловие Л. С. Бурчиновой. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 321 с.

23. *Хара-Даван* Э. Чингис-хан как полководец и его наследие. Предисловие Л. Гумилева, В. Ермолаева. Алма-Ата: Изд. Крамус Ахмед Ясави», 1992.

24. *Хара-Даван* Э. Чингис-хан как полководец и его наследие // Русь монгольская. Чингис-хан и монголосфера. М.: Аграф, 2002. 320 с.

25. *Хара-Даван* Э. Чингисхан. Великий завоеватель. М.: Вече. 384 с.

26. *Хара-Даван* Э. Сод жанжин Чингис хаан, түүний үлдээсрэ өв. Предисл. Н. Ням-Осора. Уланбаатар, 2002. с. 264.

III. ПРИМЕЧАНИЯ

I. ЕВРАЗИЕЦ ЭРЕНЖЕН ХАРА-ДАВАН

Чингис-хан как полководец и его наследие

Статья опубликована в журнале «Информация Калмыцкой комиссии культурных работников в Ч.С.Р.». Прага. 1930. № 1. С. 70 - 71.

Ответ правления Калмыцкой комиссии культурных работников на «письмо калмыков-казаков» с «протестом» на труд д-ра Хара-Давана, опубликован в газете «ПН» («Последние новости»). В защиту работы Э. Хара-Давана выступили Председатель КККР Б. Уланов, зам. Председател Э. Николаев, член Президиума Ш. Балинов и секретарь Э. Бурульдушов.

Л. С. Бурчинова. Послесловие

Статья кандидата исторических наук Л. С. Бурчиновой опубликована в виде послесловия в книге Э. Хара-Даван. Чингис-хан как полководец и его наследие. Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII – XIV вв. 2-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991.С. 211 - 218.

Л. Н. Гумилев, В. Ю. Ермолаев. Чингис-хан – неожиданный ракурс.

Статья опубликована в книге Хара-Даван Э. Чингис-хан как полководец и его наследие. Алма-Ата: Изд-во КРАМДС-Ахмед Ясави, 1992. С. 79 - 86.

Ю. В. Кузьмин. Книга из прошлого.

Статья опубликована в «BULLETIN. The IAMS News Information on Mongol Studies». Ulaanbaatar: The Secretariat of the International Association for Mongol Studies, 1993. № 2 (12), 1994. № 1 (13). С. 114 – 115.

Е. А. Антонова, Ш. Ф. Мухамедьяров. Евразийство с точки зрения калмыка.

Статья опубликована в книге «Казанское востоковедение: традиции, современность, перспективы». Казань: Казанский госуниверситет, 1997. С. 207 - 210.

Фумики Йонэсигэ. Евразийство на Дальнем Востоке.

Статья опубликована в «Japanese Slivic and East European Studies». Vol. 18. 1997. P. 11 - 34.

Арай Юкиясу. К истории японского перевода книги Э. Хара-Давана.

Статья опубликована в сборнике Материалы Международной научной конференции «Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее». Элиста: ЗАОР «НПП «Джангар», 2009. Ч. 1. С. 287 - 288.

Др. Тома Миленкович. О докторе Эренжене Хара-Даване.

Статья является выдержкой из книги. Миленкович Тома. Калмици у Србији. 1920 – 1944. Београд: Трасо, 1998. С. 43 - 50. Перевод с сербохорватского кандидата филологических наук, доцента кафедры русской и зарубежной литературы Калмыцкого госуниверситета Б. А. Кичиковой. 2010 г.

Д. Тараторин. Великий миротворец.

Статья опубликована в книге «Русь Монгольская. Чингис-хан и монголосфера». М.: АГРАФ, 2002. С. 5 –7.

А. Г. Дугин. Чингис-хан и монголосфера.

Статья опубликована в книге «Основы Евразийства». Москва: «Арктогея-центр», 2002. С. 766 - 780.

Е. С. Лазарев. Харизматическое бремя полярного мифа

Статья опубликована в книге. Э. Хара-Даван. Чингисхан. Великий завоеватель. М.: Вече, 2008. С. 5 - 26.

С. Б. Лавров. Кто такой Хара-Даван?

Статья опубликована в книге «Лев Гумилев. Судьба и идеи». М.: Айрис-Пресс, 2008. С. 39 - 456.

П. Э. Алексеева. Эренжен Хара-Даван и его книга о Чингисхане.

Статья главного библиотекаря научной библиотеки КИГИ РАН П. Э. Алексеевой публикуется впервые.

У. Б. Очиров. Политическая деятельность Э. Хара-Давана в период Гражданской войны.

Статья доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника КИГИ РАН У. Б. Очирова публикуется впервые.

С. Малышева. Евразиец Хара-Даван: казанская страничка.

Статья опубликована в журнале «Эхо веков». № 1 - 2 . Казань, 1996.
С. 146 - 147.

Р. Вахитов. Эренжен Хара-Даван и его взгляды по национальному вопросу.

Статья опубликована на сайте <http://www.gumilev-center.ru/?p=4480>

Н. Ням-Осор. О знаменитой книге Эренжена Хара-Давана и предпечтении доклада Хану Вселенной Чингису.

Статья написана ректором Монгольского Государственного университета доктором, профессором Н. Ням-Осором. Перевод с монгольского Б. Меняева. Июнь 2012 г.

II. ЭРЕНЖЕН ХАРА-ДАВАН О КУЛЬТУРНОМ ВОЗРОЖДЕНИИ НАРОДА

ИЗУЧЕНИЕ СПОСОБОВ И ПУТЕЙ КУЛЬТУРНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ КАЛМЫЦКОГО НАРОДА

Статья Э. Хара-Давана опубликована в журнале «Ойрат»: Изд-е инициативной группы студентов-калмыков в Чехословацкой республике / отв. ред. Д. Н. Баянова. Изд-е д-ра Хара-Давана. Белград, 1925. С. 19 - 22.

В январе 1924 г. на собрании общественности Калмыкии было принято постановление «признать заяпандитский алфавит устаревшим и приспособить к калмыцкому языку русский алфавит». Была сформирована комиссия по реформе письменности. В октябре 1924 г. ЦИК КАО утверждает новую «транскрипцию калмыцкого алфавита» и постановляет «провести ее в жизнь» (Номинханов Ц.-Д. Очерк истории калмыцкой письменности. М., 1976).

Все это и послужило поводом для того, чтобы Калмыцкая комиссия культурных работников (КККР), созданная в 1923 г. калмыками-эмигрантами, организовала запись и публикацию фольклорных материалов. Первый номер сборника «Хонхо» на «ясном письме» был издан в 1925 г. В предисловии к первому изданию председатель КККР Б. Н. Уланов пишет, что «без соответствующего кадра духовных, культурных работников не может быть естественных условий развития народа, необходимых условий его возрождения, его самоопределения. ...В создании этих условий

величайшая задача калмыцких общественных деятелей и всего народа как той части, которая находится в эмиграции, так и той, которая осталась на своих родных пепелищах» (Хонхо. 1925. Вып. I. С. VII - VIII).

Козлов П. К. (1863 – 1935) известный путешественник и исследователь Монголии и Тибета. Автор книг «Монголия и Кам» (1905 – 06), «Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото» (1923).

Владимирцов Б. Я. (1884 – 1931) – академик, востоковед, автор 70 научных работ по различным проблемам языка, литературы, культуры и религии монгольских народов. В 1922 г. в Берлине была опубликована его книга «Чингис-хан», которая была переведена на английский, французский, турецкий и др. языки.

Чингис-хан (1162 (?) – 1227) – величайший государственный деятель и полководец, основатель Монгольской империи.

Субедей-богатырь, Джебе-нойон – полководцы, руководившие монгольской армией во время завоевательных походов Чингис-хана.

Александр Македонский (356 – 323 до н.э.) – царь Македонии, один из выдающихся полководцев и государственных деятелей древнего мира. Основатель самого крупного государства древнего мира, простиравшегося от Дуная до Инда.

Наполеон I (1769 – 1821) – французский государственный деятель и полководец. В 1799 г. произвел переворот и захватил всю полноту власти в стране. Подчинил себе всю Западную (кроме Англии) и Центральную Европу. В 1814 году после вступления русской армии и союзных войск в Париж был отречен от престола.

К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНОМ ОБЪЕДИНЕНИИ

Статья Э. Хара-Давана опубликована в журнале «Ойрат»: Издание инициативной группы студентов-калмыков в Чехословацкой республике / отв. ред. Д. Н. Баянова. Изд-е д-ра Хара-Давана. Белград, 1925. С. 5 - 8.

Национальная интеллигенция в период конца XIX – начала XX в. настойчиво искала способы решения вопроса автономии калмыцкого народа. Активное участие в исторически обусловленных процессах того времени привело многих из них к тому, что они оказались в эмиграции. Попытка Э. Хара-Давана разобраться в исторических событиях, которые круто изменили судьбу его народа, приводят его к осмыслению и интерпретации происшедшего. Он публикует ряд статей по национальному вопросу на страницах эмигрантской печати, в том числе и статью «К вопро-

су о национальном объединении». Содержание статьи свидетельствует о том, что концепцию автономного будущего своего народа автор сформировал под влиянием основополагающих положений евразийства.

Алексей Михайлович (1629 – 1676) – русский царь, вошедший на престол в 1645 г. Воссоединил Украину с Россией (1654 г.) и вернул часть исконно русских земель – Смоленск, Чернигов и др.

Екатерина II (1729 – 1796) – российская императрица с 1762 г. Период ее правления отмечен важными законодательными актами, выдающимися военными событиями и значительными территориальными присоединениями.

Убаши-хан (17.. - 1775) – сын Дондок-Даши хана, последний наместник Калмыцкого ханства. В 1771 году увел большую часть калмыков в пределы прежнего отечества – Джунгарию.

ЕВРАЗИЙСТВО С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ МОНГОЛА

Статья Э. Хара-Давана опубликована в журнале «Евразийская хроника». Вып. X. Париж, 1928.

Евразийство как мощная историко-методологическая школа с идеей существования России-Евразии как особого историко-культурного региона, равно несхожего с Западной Европой, Ближним Востоком или Китаем, породила парадигму естественной исторической близости между разнообразными евразийскими народами. Э. Хара-Даван пишет, что евразийство как учение, возникло «не на заимствовании с Запада, какими были все существовавшие до сего времени учения, а на выходе России из рамок современной европейской культуры и обосновании ее на самобытности Евразии. Поэтому оно не есть партия в европейском смысле, но новое учение, появившееся как результат российских великих потрясений».

Трубецкой Н. С. (1890 – 1938) – один из основателей и теоретиков евразийства. Автор ряда основополагающих работ евразийской теории, в том числе «Наследие Чингис-хана», «О туранском элементе в русской культуре» и др.

Шпенглер О. (1880 – 1936) – немецкий философ, автор книги «Закат Европы» (1923 г.). Выдвинул концепцию культурно-исторических типов, в которой отверг существование единой общечеловеческой культуры и выделил восемь типов культур, каждая из которых за определенный цикл проживает переход к цивилизации, ведущей к смерти культуры.

Цезарь Гай Юлий (102 или 100 – 44 до н.э.) – древнеримский государственный и политический деятель, полководец и писатель.

Мечников И. И. (1845 – 1916) – русский ученый, биолог, эпидемиолог, один из основоположников сравнительной и эволюционной эмбриологии. В ходе комплексных экспедиций 1872 и 1911 гг. обследовал демографическую ситуацию и распространение туберкулеза в Калмыцкой степи Астраханской губернии.

Клементс Петер фон Пирке (1874 – 1929) – австрийский педиатр. Первым в 1907 г. предложил туберкулиновую пробу и ввел термин «аллергия».

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предисловие к первому изданию книги Э. Хара-Давана «Чингисхан как полководец и его наследие. Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII – XIV века». Белград, 1929. С. 3 - 4.

Евразийство принадлежит к числу наиболее сложных и дискуссионных явлений российской интеллектуальной мысли XX века. Среди основателей евразийства были представители различных направлений русской гуманитарной мысли: филолог Н. С. Трубецкой, философ Л. П. Карсавин, историк Г. В. Вернадский, врач и историк Э. Хара-Даван, географ и экономист П. Н. Савицкий, историк культуры Г. В. Флоровский, правовед Н. Н. Алексеев и др.

По мнению Э. Хара-Давана, ученые евразийского мировоззрения, изучая проблему русского самопознания, стали уделять внимание восточному влиянию на русскую историю, культуру и быт. Им, по его выражению, отчасти удалось разбить «предубеждения и предрассудки европеизма». Весомым вкладом в развитие идей евразийства стала работа Э. Хара-Давана «Чингисхан как полководец и его наследие. Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII – XIV века».

Котвич В. Л. (1872 – 1944) – известный ученый-востоковед с именем которого связана запись 11 песен калмыцкого эпоса «Джангар» у сказителя Ээлян Овла. В 1923 г. переехал в Польшу, где заведовал кафедрой восточных языков в Львовском университете. В эти годы он активно сотрудничает с правлением национально-культурной общественной организацией Калмыцкая комиссия культурных работников. Благодаря В. Л. Котвичу, удалось опубликовать «Калмыцкую хрестоматию» («Хонхо». Вып. 3), составленную учителем Короволукинской школы Александровского улуса Шургучи Болдыревым, единственный экземпляр которой хранился в личном архиве ученого. В 1929 г. КККР опубликовала работу В. Л. Котвича «Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка».

ЧИНГИС-ХАН ИЛИ РОССИЯ? (ОТВЕТ НА ПИСЬМО КАЛМЫКОВ-КАЗАКОВ)

Статья Э. Хара-Давана опубликована в журнале «Вольное казачество». 1930. № 51 - 52. – С. 18.

После выхода в свет книги Э. Хара-Давана в газетах «Последние новости» и «Новое время» появляются критические публикации, написанные от имени «калмыков-казаков». Собственно это не «ответ на письмо калмыков-казаков», а своего рода заочная полемика автора книги с теми представителями русской эмиграции, для которых евразийская концепция России-Евразии была неприемлемой. Э. Хара-Даван в статье «Калмыки в Югославии» пишет, что книга была встречена «сочувственно специалистами-востоковедами, а русским кругами, начиная от Милюкова – с большим неудовольствием».

Хутуга-беки – ойратский предводитель, который в 1208 г. признал себя сюзереном Чингис-хана и сохранил все свои властные полномочия.

Иловайский Д. И. (1823 – 1920) – русский историк, работы которого имели консервативный характер и были написаны с позиции защиты монархизма.

Покровский М. Н. (1868 – 1932) – советский историк, партийный и государственный деятель, академик АН СССР. Автор работ: «Марксизм и особенности исторического развития России» (1925), «Декабристы» (1927), «Октябрьская революция» (1929) и др.

Годунов Борис (1552 – 1605) – русский царь, сын боярина Федора Годунова (основатель рода мурза Чет, выходец из Золотой Орды, служил в Москве).

Карл Великий (742 – 814) – король франков с 768 г., император с 800 г. По его имени названа династия Каролингов. В результате многочисленных завоевательных походов расширил границы своего королевства, которое включало в свой состав различные племена и народности, находившиеся на разных уровнях общественного развития.

К ПОЛЕМИКЕ ГЕНЕРАЛА БОГАЕВСКОГО И Ш. БАЛИНОВА

Статья Э. Хара-Давана опубликована в журнале «Ковыльные волны». 1930. № 1. С. 49 - 50.

Полемика между одним из активных членов президиума Калмыцкой комиссии культурных работников Ш. Балиновым и последним атаманом Донского казачества генералом А. П. Богаевским развернулась вокруг строительства буддийского храма в Югославии. Представители калмыцкого казачества упрекали бывшего атамана в том, что он не прислал «их

святому делу хотя бы один динар из Донской казны». Э. Хара-Даван комментируя эту полемику, обращает внимание на ту позицию, которую занял генерал Богаевский, «принципиально» выступая против строительства буддийского храма, советуя представителям КККР «не тратить средства на ненужную работу (издание калмыцких книг, журналов, создание библиотеки и т. д.)».

Богаевский А. П. (1872 – 1934) – последний из выбранных атаманов в границах Всего Великого Войска Донского. В 1920 г. эмигрировал за границу. Из Югославии в 1923 г. переехал в Париж. Убежденный сторонник казачьей обособленности и казачьего единства. При нем была создана Донская историческая Комиссия, издавшая три тома «Донской летописи».

Мельников Н. М. (1882 – 1964) – при атамане А. П. Богаевском был председателем Донского правительства в эмиграции. Редактировал журналы «Вестник казачьего союза», «Родимый Край», «Казачество». Автор книги «Ермак Тимофеевич, князь Сибирский» (1961).

Балинов Ш. (1894 – 1959) – один из видных деятелей калмыцкой эмиграции, секретарь Калмыцкой комиссии культурных работников, автор перевода на калмыцкий язык работы Н.Н. Пальмова «Очерки истории калмыцкого народа», которая была опубликована в «Хонхо» (Вып. 5). Статьи, написанные им на различные темы, публиковались в журналах «Вольное казачество», «Ковыльные волны», «Казачий голос» и др.

КАЛМЫКИ В ЮГОСЛАВИИ

Статья Э. Хара-Давана опубликована в журнале «Информация Калмыцкой Комиссии Культурных Работников в ЧСР». 1930. № 1. С. 60.

Одно из первых документальных свидетельств о жизни той части калмыцкой эмиграции, которая находилась в Югославии. Активисты КККР старались поддерживать связь и информировать калмыцкие колонии (в Болгарии, Франции и Чехословакии) о текущих событиях. Для этого издавались различные журналы и книги. Была создана библиотека, которая к 1930 г. насчитывала более 1500 экземпляров. Сплоченность калмыцкой эмиграции проявилась при строительстве первого буддийского храма в Западной Европе. Как отмечает Э. Хара-Даван, «воля белградских калмыков иметь свой храм на чужбине» была горячо поддержанна всеми другими калмыцкими колониями за границей и в особенности во Франции во главе с бакшой Н. Нимбушовым.

Нимбушов Н., Нимбушов Дорджи, монашеское имя – Нам-Жал (1875 – 1944) – Багша хурула ст. Ново-Алексеевской (уроженец Гелендякиновского аймака). Во время эмиграции жил во Франции.

Миллюков П.Н. (1859 – 1943) – русский политический деятель, историк и публицист. Министр иностранных дел при Временном правительстве. С 1920 г. в эмиграции издавал газету «Последние новости».

О НАШИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЗАДАЧАХ

Статья Э. Хара-Давана опубликована в журнале «Ковыльные волны». 1930. №1. С. 20 - 23.

Одна из программных статей Э. Хара-Давана, раскрывающая евразийский подход к развитию федерализма в России – Евразии. Рассуждая об историческом развитии этносов, автор выделяет «законы круговорота истории обязательные для всех», состоящие из трех основных этапов: возрождение – империализм – угасание, «подобно тому, как человек должен пережить свое детство, юность, зрелость, чтобы впасть в дряхлую старость». В теории пассионарного развития этноса Л. Н. Гумилева этот процесс будет обозначен как четырехфазный процесс этногенеза: возникновение, подъем, упадок и смерть этноса.

Конфуций, Кун-цзы (551 – 479 до н.э.) – древнекитайский философ и гуманист, основоположник этико-религиозного учения, в основе которого лежит учение о «сыновней почтительности». Традиционная иерархия (старший – младший; отец – сын; мужчина – женщина) объявлялась идеальной не только для семьи, но и для устройства государства.

Вильсон Уилсон Томас Вудро (1886 – 1924) – 28-й президент США (1913 – 1921). В январе 1918 г. выдвинул программу мира, т. н. «14 пунктов». Однако результаты Парижской мирной конференции 1919 – 20 гг. оказались неблагоприятными для Вильсона. Сенат США отказался ратифицировать Версальский мирный договор 1919 г.

Ленин, Ульянов В. И. (1870 – 1924) – основатель Советского социалистического государства, разработавший теорию и принципы национального вопроса для объединения советских республик в единое многонациональное государство на основе добровольности и равноправия.

Батый-хан, Бату, Саин-хан (1208 – 1255) – монгольский хан, государственный деятель, полководец. Сын Джучи, внук Чингис-хана. Возглавлял поход по завоеванию Восточной Европы. В 1243 г. в низовьях Волги основал простиравшееся от Иртыша до Дуная государство – Золотую Орду со столицей в Сарай-Бату.

Хубилай-хан, посмертный титул Сэчэн хан, храмовое имя Ши-цзу (1215 – 1294) – пятый монгольский великий хан, внук Чингис-хана. В 1260 г. перенес столицу из Кара-Корума на территорию Китая.

Соловьев С. М. (1820 – 1879) – русский историк, член Петербургской АН. В молодости увлекался славянофилами, позже примкнул к западникам. Создал 29-томную «Историю России с древнейших времен» (1851 – 79 гг.), в который в противовес Н. М. Карамзину отказался от выделения «норманского» и «татарского» периодов в русской истории. Первым поставил процесс государственной централизации в тесную связь с борьбой против монголо-татарского ига.

Ключевский В. О. (1841 – 1911) – русский историк, в основе методологии и исторической концепции которого лежали позитивистские взгляды. Пытался доказать, что развитие общества зависит от сочетания целого ряда факторов – географических, этнографических, политических, экономических и социальных. Основным критерием при установлении периодизации для него были этапы колонизации русским народом Восточно-Европейской равнины.

Платонов С. Ф. (1860 – 1933) – русский историк, академик, представитель официально-охранительного направления в русской историографии. Главный его труд – «Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI - XVII вв.» (1899 г., посл. издание 1939 г.).

Петр I (1672 – 1725) – российский император, государственный деятель, полководец, дипломат. Провел крупные реформы во всех сферах общественной жизни, направленные на преодоление отсталости России от передовых стран Запада.

ПУТИ РЕШЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРОБЛЕМЫ

Статья Э. Хара-Давана опубликована в журнале «Улан Залата». 1930. № 3. С. 33 - 35.

Представляет собой краткое изложение основных положений, которые были опубликованы автором в его программной статье «О наших национальных задачах» в № 1 журнала «Ковыльные волны» за 1930 г.

Ллойд-Джордж Дэвид (1868 – 1945), государственный деятель Великобритании, лидер Либеральной партии. Один из главных участников Парижской мирной конференции 1919 – 20 гг. и авторов Версальского мирного договора 1919 г.

РЕЛИГИЯ В БЫТЕ НАРОДОВ ЗАПАДА И ВОСТОКА

Статья Э. Хара-Давана опубликована в журнале «Вольное казачество». 1930. № 61 - 62. С. 14 - 16; № 63 - 64. С. - 13. В ней Э. Хара-Даван дает сравнительный анализ буддизма, христианства, конфуцианства и даосизма с точки зрения «догмы, этики и культа», без которых, по мнению автора, «не мыслима никакая религия». Его «краткий обзор религии и быта с запада на восток» является свидетельством того, что с момента

своего существования евразийство часто обращалось в своих духовных поисках к религии.

Виттгофель Карл (1886 – 1988) – представитель немецкой школы сравнительной социологии, автор работ о китайском обществе. В 1925 г. вышел его труд «Пробужденный Китай», написанный под влиянием работ английского ученого немецкого происхождения, классика современного религиоведения М. Вебера.

Митрополит Антоний, Ведковский А. В. (1846 – 1912) – митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский, ректор Санкт-Петербургской духовной академии, доктор церковной истории.

Менгу-Тимур – хан Золотой Орды (1266 – 1271), внук хана Батыя. Вместе с союзными русскими князьями совершил походы в Византию, Литву, Кавказ. От его имени написан дошедший до нас ярлык об освобождении русской церкви от уплаты дани. В годы его правления в Крыму была основана генуэзская колония.

Узбек хан (? – 1342) – хан Золотой Орды. Ввел ислам как государственную религию и преследовал инаковерующих. В 1317 г. выдвинул на великое княжение Владимирское московского князя Юрия Даниловича. В 1327 г. жестоко подавил народное восстание с помощью московского князя Ивана Калиты.

Андрей, князь А. А. Ухтомский (1872 – 1937) – православный миссионер, церковный писатель, архиепископ Уфимский и Мензелинский. В 1920 – 37 гг. неоднократно арестовывался, осуждался на различные сроки заключения и ссылки. Расстрелян в тюрьме г. Ярославля в 1937 г.

Осока (Ашока) (268 – 232 до н. э.) древнеиндийский царь из династии Маурья. Государство, созданное им, занимало почти всю Индию (за исключением крайнего юга), области Афганистана и Пакистана. Как покровитель буддизма содействовал его распространению в Индии и за ее пределами.

Зонкава, Цзонхава, Цзонкапа (1357 – 1419) – религиозный деятель, ученый, проповедник, реформатор. Основатель школы Гелуг. Учение, созданное им, получает широкое распространение не только в Тибете, но и в Монголии, Бурятии и Калмыкии. Его программное произведение – «Ламрим чхенмо» («Ступени великого Пути»).

Сунь Ят-сен (1866 – 1925) – китайский революционер, основатель партии гоминьдан, выступавший за свержение маньчжурской династии. Находясь в эмиграции выработал «три народных принципа»: национализм (свержение маньчжуро-цинской династии), народовластие и народное благосостояние.

Бунаков Н. Ф. (1837 – 1904) – русский педагог, теоретик и практик начального образования. Создал своего рода социально-педагогический комплекс: школа – народный дом – амбулатория – библиотека – школа для взрослых. В 1902 г. за критику официальной школьной политики был арестован, лишен права заниматься педагогической деятельностью и выслан в г. Острожск Новгородской губернии.

Гельвальд Ф. (1842 – 1892) – известный этнограф, географ и историк. Автор ряда работ, часть из которых переведена на русский язык.

ТУПИКИ И ИСХОДЫ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Статья Э. Хара-Давана опубликована в журнале «Вольное казачество». 1930. № 56. С. 11 - 13; № 57. С. 7 - 9; № 58. С. 9 - 10.

По мнению редакции журнала «Вольное казачество», статья д-ра Э. Хара-Давана носит «некоторый отпечаток евразийского учения», но, несмотря на это, дает пример «довольно своеобразных исходных точек и новых путей» в осмыслении «исходов революции» и новых путей «закономерного развития народов».

Керенский А. Ф. (1881 – 1970) – глава Временного правительства. В 1918 г. эмигрировал во Францию, с 1940 г. жил в США.

Матрос Железняк, Железняков Анатолий Григорьевич (1895 – 1919) – балтийский матрос, член Центробалта. Во время Октябрьской революции и Гражданской войны командир бригады бронепоездов.

Юденич Н. Н. (1862 – 1933) – один из руководителей белого движения на северо-западе России. В своей политической программе, исходя из тактических соображений, провозглашал возможность предоставления культурно-национальной автономии и даже государственной самостоятельности малым народам, если они включатся в борьбу с большевиками.

Брусилов А. А. (1853 – 1926) – генерал-адъютант. В мае 1917 г. при Временном правительстве был верховным главнокомандующим. С 1920 года в Красной Армии. С 1923 – 24 гг. – инспектор кавалерии.

Гутор А. Е. (1868 – 1938) – дореволюционный и советский военный деятель, генерал-лейтенант. В ноябре 1917 г. перешел на сторону Советской власти.

Клембовский В. Н. (1860 – 1921) – генерал от инфантерии. С 1918 г. на военной службе в РККА. Автор нескольких работ по военным вопросам.

Деникин А. И. (1872 – 1947) – генерал, командующий Добровольческой армией, затем главнокомандующий Вооруженными силами на Юге России (ВСЮР). В эмиграции жил в Англии, Венгрии, Франции. Умер в США.

Корнилов Л. Г. (1870 – 1918) – генерал от инфантерии Генштаба, разведчик, путешественник-исследователь, военный дипломат. Активный участник белого движения. Погиб во время штурма Екатеринодара.

Алексеев М. В. (1857 – 1918) – генерал-адъютант. Активный участник белого движения. Верховный руководитель Добровольческой армии.

Морозовы – русские текстильные фабриканты-миллионеры. Родоначальник С. В. Морозов (1770 – 1862) – бывший крепостной, извозчик, наемный ткач. В 1797 г. приобрел собственное шелко-ткацкое заведение. В 1820 г. с четырьмя сыновьями выкупился на волю. Наиболее известен С. Т. Морозов (1862 – 1905) – выпускник Московского университета, по образованию – химик. Крупный меценат и спонсор учреждений культуры и политических партий.

Краснов П. Н. (1869 – 1947) – генерал, атаман Всевеликого Войска Донского. Активный участник белого движения. Эмигрировал в 1920 г. Во время Второй мировой войны активно сотрудничал с германским командованием. В 1945 г. был выдан английским командованием советской военной администрации и приговорен к смертной казни.

Шульгин В. В. (1878 – 1976) – политический деятель, один из лидеров националистов, монархист. Один из лидеров правого крыла 2-го – 4-го созывов Государственной Думы. Участвовал в создании белой Добровольческой армии. Жил в эмиграции. В 1944 г. арестован в Югославии и вывезен в СССР.

Константин I (285 – 337) последний император Восточной части Римской империи (Византии). В 330 г. перенес столицу в Константинополь. Поддерживал христианскую церковь.

Феодосий II (401 – 450) – император Византии. При его правлении Византия потеряла значительную часть своих территорий в Северной Африке.

Ахемениды (558 – 330 до н. э.) – династия царей древнеперсидской державы. В 330 г. до н. э. государство Ахеменидов пало под ударами армии Александра Македонского.

Сасаниды – иранская династия, правившая в III – VII вв. на Ближнем и Среднем Востоке. При Йездегерде III (время правления 632 – 652 гг.) государство Сасанидов было захвачено арабами.

Иван III Васильевич (1440 – 1505) – русский князь, при котором завершилось образование территориального ядра Русского централизованного государства, было свергнуто татаро-монгольское иго, развернулось большое строительство в Москве, Коломне и Туле.

Иван IV Васильевич (1530 – 1584) – великий князь, первый русский царь. В 1547 – 52 гг. в ходе военных походов присоединил Казанское и Астраханское ханства. Иван IV получил прозвище «Грозный», отразившее представление о нем как о могущественном правителе, царе-тиране, деспоте.

Суворов А. В. (1729 – 1800) – русский полководец и военный теоретик.

Крымская война (1853 – 56 гг.) России с коалицией Великобритании, Франции, Турции за господство на Ближнем Востоке закончилась поражением России и заключением невыгодного для России Парижского мирного договора 1856 г.

Орлеанская Дева, Жанна Дарк (1412 – 1431) – народная героиня Франции. Возглавила освободительную борьбу французского народа против англичан. Церковный суд Руана обвинил ее в ереси и колдовстве. Она была сожжена на костре.

Чириков Е. Н. (1864 – 1932) – русский писатель. В 1920 г. эмигрировал. Автор романа «Зверь из бездны» (1926 г.).

Чокаев Мустафа, Чокай, Чокай-оглы, Мустафа Шокай, (1890 – 1941) – видный казахский общественно-политический деятель, публицист, идеолог за свободу и независимость Единого Туркестана. После разгрома Кокандской автономии, созданной по решению Всетуркестанского конгресса в декабре 1917 г., эмигрировал во Францию. Издавал журнал «Яш Туркестан», на страницах которого разоблачал имперско-репрессивный характер политики большевиков.

Слащев А. Я. (1885 – 1929) – генерал-лейтенант, активный участник белого движения на юге России. После эмиграции жил в Константинополе. Вернулся в Москву и преподавал в Военной академии. Автор нескольких трудов по военным вопросам.

Добровольский С. Ц. (1881 – 1946) – генерал-майор, военный юрист, деятель белого движения и эмиграции. Автор мемуаров «Борьба за возрождение России в Северной Области» (1921).

Кутепов А. П. (1882 – 1930) – российский военный деятель, генерал от инфантерии, активный участник белого движения. С 1928 г. возглавлял Русский Общевоинский Союз (РОВС).

Доставалов Е. И. (1882 – 1938) – генерал-лейтенант Генштаба. После эвакуации армии генерала Врангеля из Крыма оказался в Греции. Вернулся в Россию, где в 1938 г. был расстрелян. Написанный им памфлет, основная тема которого – причины поражения белых армий, опубликован в журнале «Источник» (№ 3, 1994 г.).

Монкевич Н. – генерал, один из руководителей Русского Общевоинского Союза, доверенное лицо генерала Кутепова. По некоторым данным, был похищен советской разведкой и объявлен агентом спецслужб.

О КОЧЕВОМ БЫТЕ

Статья Э. Хара-Давана опубликована в журнале «Тридцатые годы. Утверждение евразийцев». Париж, 1931. Кн. 7. С. 63 - 66.

Евразийство противоречивым образом сочетало в себе обращение к религии с одной стороны и к географической среде бытования этноса («вмещающему ландшафту») с другой. Среди основателей евразийства были представители различных направлений гуманитарной мысли, в том числе географ и экономист П. Н. Савицкий. Предваряя статью Э. Хара-Давана, он пишет: «Ниже помещены заметки д-ра Э. Д. Хара-Давана о физическом типе и жизненных навыках кочевников-степняков, основанные на непосредственном знакомстве автора с кочевым бытом. В немногих строках он сосредоточил большое количество данных, свидетельствующих о том, насколько совершенной во многих отношениях школой физической культуры является кочевой быт... Печатаемые заметки – это всего лишь отрывок из более обширной работы д-ра Э. Д. Хара-Давана. Работа эта, нужно надеяться, появится в свет в ближайшее время особою книжкой».

КАЛМЫЦКИЕ СТУДЕНТЫ-ПИОНЕРЫ

Статья Э. Хара-Давана опубликована в журнале «Ковыльные волны». 1932. № 5. С. 26 - 31.

Ее можно назвать первой публикацией, посвященной истории становления калмыцкой профессиональной интеллигенции в начале XX века. Необходимость включения в социально-экономические преобразования российской действительности дала начало развитию образования в калмыцком обществе. Кроме улусных школ, открываются и родовые школы. Как отмечал один из лидеров калмыцкой эмиграции Б. Н. Уланов: «Появились русские министерские школы, калмыцкая интеллигенция с некоторым русским образованием. Но эти школы явились г.о., проводниками русификации и тем же в значительной степени явилась вышедшая из этих школ калмыцкая интеллигенция» (Хонхо. Вып. II. Ржевнице, 1926. С. XVI).

Овечкин В. – титулярный советник, исполнял должность улусного попечителя в Калмыцкой степи, Астраханской губернии.

Уланов Б. Н. (1880 – 1969) – уроженец станицы Ново-Алексеевской (Гелендякинского аймака) Сальского округа. Видный деятель калмыцкой эмиграции, председатель Калмыцкой комиссии культурных работников. Его статьи опубликованы в журналах «Улан Залата», «Казачья лава», «Казачий путь», «Тихий Дон», «Казачья мысль», «Вестник казачьего союза» и др.

Уланова (Баянова) Д. Н. (1890 – 1983) – уроженка станицы Ново-Алексеевской (Гелендякинского аймака) Сальского округа. Окончила Высшие Бестужевские медицинские курсы. Один из активных членов КККР, занималась переводами русской классики на калмыцкий язык («Капитанская дочка» А.С. Пушкина, «Тарас Бульба» Н.В. Гоголя).

Чонов Е. Ч. (1887 – 1927) – уроженец Бага-Бурульского аймака Большедербетовского улуса Ставропольской губернии. Выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета. Автор книги «Калмыки в русской армии XVII в., XVIII в. и 1812 год» (1912 г.).

Манджиев Д. М. (1889 – 1909 г.) – уроженец Богдын-Шебенерова рода Малодербетовского улуса. Отец Манджи Чанчаев, мать – Уласта Манджиева. Студент юридического факультета Санкт-Петербургского университета и одновременно ученик консерватории по классу виолончели. Умер от туберкулеза.

Муцаганов Б. – уроженец Малодербетовского улуса. Студент юридического факультета Санкт-Петербургского университета. Умер в 1916 г. от туберкулеза.

Очиров Номто (1886 – 1960) – выдающийся ученый и просветитель калмыцкого народа, осуществивший запись 10 песен калмыцкого эпоса «Джангар» у сказителя Ээлян Овла в 1909 г. В ходе двух научных экспедиций им были собраны образцы народного творчества и письменной литературы астраханских калмыков. После установления советской власти был обвинен в контрреволюционной деятельности и много лет провел в лагерях и ссылках.

Хонгоров (Мангутов) Гаря – студент восточного факультета Санкт-Петербургского университета.

Сангуров Бадма – выпускник восточного факультета Санкт-Петербургского университета.

Баянов Санджи (1884 – 1946) – уроженец Малодербетовского улуса. Отец – Баян Иляев, мать – Баянова Булгун. Студент юридического факультета Санкт-Петербургского университета (1906 г.). Завершил образование в Казанском университете (1912 г.). Эмигрировал в 1920 г.

Тимошкаев Санжа – выпускник Казанского ветеринарного института.

Кутузов Петр – учился в в Казанском ветеринарном институте, затем перевелся в Юрьевский университет.

Чебеков Абуша – выпускник Астраханского калмыцкого училища, выпускник Казанского ветеринарного института.

Паллас П. С. (1741 – 1811) – русский естествоиспытатель и путешественник. В 1768 – 1774 гг. возглавлял экспедиции по исследованию Юго-Восточных окраин России, Урала и Сибири. В 1769 г. побывал в г. Ставрополе-на-Волге, где жили крещеные калмыки. Детально описал их быт, религию и культуру.

Нефедьев Н. А. – автор книги «Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте Н. Нефедьевым» – СПб, 1854.

Ковалевский О. М. (1801 – 1878) – профессор, основатель кафедры монгольского языка в Казанском университете. Автор работ «Буддийская космология» (1837 г.), «Краткая грамматика монгольского языка» (1835 г.), «Монгольская хрестоматия» (1836) и др.

Голстунский К. Ф. (1831 – 1899) – профессор Санкт-Петербургского университета. В 1856 г. был командирован к калмыкам Астраханской и Ставропольской губерний, где им был собран огромный материал.

Костенков К. И. – главный попечитель калмыцкого народа, один из организаторов и участников Кумо-Маньчской экспедиции 1860 г. Результаты экспедиции были опубликованы отдельной книгой в Санкт-Петербурге.

Жилинский И. И. – генерал-лейтенант, руководитель Кумо-Маньчской экспедиции по комплексному обследованию Калмыцкой степи Астраханской губернии. Автор «Очерка работ экспедиции по орощению на Юге России и Кавказе». СПб. 1892.

Санзыров Бадма-Гаря – уроженец меркетова рода Эркетеновского улуса, выпускник Астраханского реального училища. Студент Санкт-Петербургского университета. Умер в 1907 г. от туберкулеза.

Харманджиев А. – один из калмыцких студентов, умерших от туберкулеза.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В РАЗРЕШЕНИИ РУССКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

Статья Э. Хара-Давана опубликована в журнале «Ковыльные волны». 1933. № 6. С. 4 - 10.

Высказанные Э. Хара-Даваном положения о будущей участи советского государства поражают исторической прозорливостью автора: «На тер-

ритории бывшей Российской империи будет образование национальных государств: Великороссии, Белоруссии, Украины, Крыма, Казаккии (казачье государство), Кавказской федерации, Туркестанской... Подобным путем шло разрешение национального вопроса во всех многонациональных государствах, не составит исключения и империя Российская».

Чернов В. М. (1873 – 1952) – политический деятель, один из основателей и идеологов партии социалистов-революционеров. Министр земледелия во Временном правительстве, председатель Учредительного собрания. В 1920 г. эмигрировал, жил в Эстонии, Германии, затем в Чехословакии и Франции. В 1941 г. переехал в США. Занимался общественно-политической, научной и литературной деятельностью.

Гуревич М. Л. (1866 – 192?) – социалист-революционер. В 1917 г. покинул ряды РСДРП (м). С 1921 г. работал в Институте Маркса и Энгельса в качестве главного редактора издательства института.

Николай II, Романов Николай Александрович (1868 – 1918) – последний российский император. В марте 1917 года отрекся от престола. Был арестован с семьей и сослан в Тобольск, а после в Екатеринбург. По постановлению Уральского областного совета все члены царской семьи были расстреляны.

ЗАРЯ ВОСТОКА

Статья Э. Хара-Давана опубликована в журнале «Ковыльные волны». 1933. № 7. С. 12 - 20.

Как было уже отмечено, евразийство противоречивым образом сочетало в себе обращение к религии, с одной стороны, и к эколого-географической среде, с другой. Такое противоречивое сочетание с самого начала составляло особенность евразийства. Не избежал обращения к религии в своих исканиях и Э. Хара-Даван. Кроме всего, именно в этот период начинается процесс увлечения на Западе эзотерическими учениями Востока, что послужило основой распространения буддизма в Европе и Америке.

Рерих Н. К. (1874– 1947) – ученый, художник, писатель, путешественник, один из самых заметных культурных деятелей XX века. В 1929 г. учредил Институт гималайских исследований (Институт Урусвати) в Западных Гималаях и сделал его своей постоянной резиденцией.

Рис-Девидс Т. У. (1843 – 1922) – известный английский санскритолог и исследователь буддизма. В 1881 г. основал в Великобритании Pali Text Society. В 1905 г. возглавил кафедру сравнительного религиоведения в Университете Манчестера.

Макс Мюллер (1823 – 1900) английский философ и филолог немецкого происхождения. Один из классиков современного религиоведения, применявший методы сравнительной филологии в области истории религии и лингвистики.

Барадин Б. Б. (1878 – 1937) – бурятский ученый, общественный и литературный деятель. В 1905 г. был командирован в Тибет по заданию Русского комитета при Академии наук по изучению Средней и Восточной Азии. С 1908 – 1917 гг. преподавал монгольский язык на факультете восточных языков Петербургского университета.

Плано Карпини (1182 - ?) – монах-францисканец, известный путешественник. Возглавлял миссию к монгольскому императору, отправленную папой Иннокентием IV. Во время его пребывания в Монголии состоялся великий курултай, который избрал ханом Гуюка, старшего сына умершего хана Утедея. Гуюк отправил с ним письмо с ответом папе.

Рубрук (1215 – 1293) – фламандский путешественник, монах. В 1253 – 55 гг. совершил поездку в Монголию во главе дипломатической миссии, посланной французским королем Людовиком IX. В отчете о путешествии содержится материал по истории, этнографии и географии тех территорий, которые он посетил.

Марко Поло (1254 – 1324) – итальянский путешественник и писатель. Совершил поездку в Китай, где, находясь на службе у хана Хубилая (до 1292 г.), посещал разные области страны. Его «Книга Марко Поло» – ценный источник по истории Армении, Грузии, Ирана, Китая, Монголии, Индии и др. стран.

Хук – голландский миссионер, аббат, путешественник. Совершил поездку в Тибет, где посетил знаменитый монастырь Гумбум.

Сенар Э. (1847 – 1928) – французский ученый, исследователь палийских текстов, один из основателей Pali Text Society (Общества палийских текстов). Пытался доказать, что Будда как историческая личность никогда не существовал и что его образ есть не что иное как отражение солнечного мифа.

Грюнведель А. (1856 - 1935) – немецкий востоковед, автор работ по буддийскому искусству – «Буддийское искусство в Индии», «Мифология буддизма в Тибете и Монголии». Возглавлял немецкую экспедицию в Синьцзян в 1902 – 1903 гг. и 1905 – 1907 гг.

Эйнштейн А. (1879 – 1955) – выдающийся физик, создатель теории относительности, один из создателей квантовой теории и статистической физики.

Теремин Л.С., Термен Л.С. (1896 – 1993) – русский изобретатель, создатель оригинального электромузыкального инструмента – термен-вокса (1920 г.), звуки из которого извлекались посредством приближения к нему на различные расстояния человеческих рук. В 1938 г. был арестован и сослан на Колыму. Затем переведен в Москву, где работал в закрытом КБ до 1958 г. В 1947 г. стал лауреатом Сталинской премии за создание подслушивающих устройств. После реабилитации работал в Московской консерватории, затем на кафедре акустики МГУ.

ОБРАЩЕНИЕ К МОЛОДЕЖИ

Статья Э. Хара-Давана опубликована в журнале «Ковыльные волны». 1934. № 9. С. 61 - 62.

В своем обращении к молодежи Э. Хара-Даван дает довольно точную характеристику социокультурной ситуации, сложившейся в русской эмиграции, и предостерегает ее от вредного влияния фашизма, который представляет собой, по выражению автора, «ярко выраженный национализм». Автор советует молодежи при «создании своего мировоззрения» помнить, что «исторические события имеют свою закономерность, они не знают обратного хода, им известны только ход вперед, где одна эпоха сменяется другой, отличной от предыдущей».

ДЕНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ И АССИМИЛЯЦИЯ НАЦИЙ

Статья Э. Хара-Давана опубликована в журнале «Казакция». 1934. № 2. С. 34 - 37.

По всей видимости она является отрывком из неизданного труда Э. Хара-Давана «Национальный вопрос», выдержки из которого и отдельные главы были напечатаны в журнале «Вольное Казачество».

Курбский А. М. (1528 – 1583) – русский политический и военный деятель, из рода ярославских князей. Участвовал в казанских походах (1545 – 52 гг.), во главе русских войск одержал победу в Прибалтике над рыцарями и поляками (1564 г.). В 1564 г., опасаясь опалы, бежал в Литву и обласкан польским королем. В 1564 г. возглавил одну из польских армий в войне против России.

Сципионы – одна из ветвей патрицианского рода в Древнем Риме, к которой принадлежал ряд крупных полководцев и государственных деятелей: полководец П. К. Сципион Африканский Старший (235 – 183 до н. э.), консул и полководец Л. К. Сципон Азиатский (брат Сципиона старшего), полководец и политический деятель П. К. Сципион Эмилиан Африканский Младший (185 – 129 до н. э.).

Нерон К. Ц. (37 – 68) – римский император из династии Юлиев-Клавдиев. Проводил политику репрессий и конфискаций, восстановившую против него не только знать, но и другие слои римского общества и наместников провинций.

Адриан П. Э. (76 – 138) – римский император из династии Антонинов. В своей внутренней политике опирался на всадников.

Эренберговь инфузории – немецкий натуралист-зоолог И. Г. Эренберг участвовал в путешествии А. Гумбольдта в Зап. Сибирь. Основные его труды посвящены главным образом инфузориям.

Хомяков А. С. (1804 – 1860) – русский религиозный философ, поэт, публицист, основатель славянофильства. В центре его воззрений – учение о «соборности», которая трактуется как общий метафизический принцип устройства бытия – множество, собранное силой любви в «свободное и органическое единство».

IV. ПРИЛОЖЕНИЯ

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Дано сие Малодербетевским улусным управлением ученику Астраханского калмыцкого училища Эренджен Даваеву в том, что в семейных списках простолюдинов калмыков Малодербетевского Улуса Бога-Бухусова рода, переписи 1876 года значатся записанными его родители отец простолюдин калмык Дава Аршиев и мать Хара-Кюкен Даваева, и что он Эренджен Даваев законный их сын, родившийся в 1885 году, вероисповедания ламайского. По неимению у калмыков метрических книг удостоверение это заменяет метрическую выписку.

Удостоверение это дано на предмет поступления Даваева в Астраханскую мужскую гимназию.

Малодербетевское улусное управление удостоверяет все вышенаписанное надлежащими подписями и приложением казенной печати.

Дано июля 31 дня 1898 года.

Попечитель улуса Соловкин
И. д. письмоводитель Михайлов

ЦГА РТ. Ф.977. Оп. Л/Д. Д.39300. Л.13, 13 об. Копия.

Копия

Государственный

Дело с. о. Магдальбергский евангелический Цир-
куль Управлением Уездной Канцелярии
с. о. Канцелярии Канцелярии Уездной
Заведения в том, что в настоящее
время имеется государственное каз.
земельное Магдальбергский евангелический Цир-
куль

№ 4387

Магдальбергский евангелический Цир-
куль

АТТЕСТАТЪ ЗРѢЛОСТИ

Дать сей Давиду Зрейдскому
Астраханскаго вѣроисповѣданія, сыну Камышева,
 родившагося въ Камышовской стѣнѣ
Астраханской губерши въ 1885 году,
 обучавшагося въ лѣтъ въ Астраханской гимназiи

№ 616

и пробывшему одинъ годъ въ VIII классѣ, въ томъ,
 ВО-ПЕРВЫХЪ, что, на основанiи наблюденiй за все время обученiя его
 въ Астраханской гимназiи, поведенiе его вообще было отличное,
 исправность въ посещенiи и приготовленiи уроковъ, а также въ исполненiи
 письменныхъ работъ хорошая, прилежанiе всегда хорошее
 и любознательность — съ довольно важнымъ интересомъ
занимался всеми предметами

и ВО-ВТОРЫХЪ, что онъ обнаружилъ нижеслѣдующiя познанiя:

Предметы гимназическаго курса	ОТМѢТКИ, ВЫСТАВЛЕННЫЯ	
	въ Педагогическомъ Сѣздѣ на испытанiи, происшедшiа основанiи § 74 правилъ, помѣсь <u>№ 6</u> по 318 обѣ испытанiяхъ <u>М.С.Л.</u> 1906 г.	
Законъ Божiй	"	"
Русскiй языкъ съ церковно-славянскимъ и словесность	<u>Хорошая (4)</u>	<u>Хорошая (4)</u>
Логика	<u>Хорошая (4)</u>	"
Латинскiй языкъ	<u>Удовлетворительная (3)</u>	<u>Удовлетворительная (3)</u>
Греческiй языкъ	"	"
Математика	<u>Удовлетворительная (3)</u>	<u>Удовлетворительная (3)</u>
Математическая географiя	<u>Хорошая (4)</u>	"
Физика	<u>Хорошая (4)</u>	"
Исторiя	<u>Хорошая (4)</u>	<u>Хорошая (4)</u>
Географiя	<u>Хорошая (4)</u>	"
Французскiй языкъ	<u>Хорошая (4)</u>	<u>Хорошая (4)</u>
Нѣмецкiй языкъ	"	"

На основании сего и выдать ему сей аттестат зрелости, предоставляющий ему все права, обозначенныя въ §§ 130—132 Высочайше утвержденнаго 30 июля 1871 г. устава гимназій иprogимназій. г. Астрахань 11/11/14 для 1900 года.

Примѣчаніе. Отбитка 5 — отличная познанія в усѣхъ отличные, 4 — хорошіе, 3 — удовлетворительные.

Директоръ Астраханской гимназіи

С. С. Сидоровъ

Инспекторъ

С. С. Сидоровъ

Завѣдующій

Классный наставникъ

В. В. Вильямс

Русскаго языка съ церковно-славянскаго,
словесности и логики

С. С. Сидоровъ

Древнихъ языковъ:

латинскаго
и
греческаго

С. С. Сидоровъ
С. С. Сидоровъ

Преподаватели:

Математики, физики и
математической географіи

С. С. Сидоровъ

Исторіи

и географіи

С. С. Сидоровъ
С. С. Сидоровъ

Новыхъ языковъ:

Французскаго

и немецкаго

С. С. Сидоровъ

С. С. Сидоровъ

Секретарь Педагогическаго Совѣта,
преподаватель

С. С. Сидоровъ

Гимназіи Астраханской

002179 - 23 MAR 1908

М. В. Д.

УПРАВЛЕНИЕ
КАЗЫЦКИМЪ НАРОДОМЪ.

Начальнику С.-Петербургской Военно-Медицинской
Академии.

Смола второй

12 Марта 1908 г.

г. Астрахань.

Def. of the
Иванов

Въ дополненіе къ отношенію отъ 18 Сентяб-
ра 1906 года, за № 5730, Управленія Казмыцкиа
Народомъ имѣть честь сообщить Вашему Превос-
ходительству, что студентъ Академіи Зренджемъ
Даваявъ, какъ нынѣ выяснилось, правильно дол-
женъ именоваться такъ: „Зренджанъ Хара-Даваявъ.“

Завѣдывающій

Казмыцкиа Народомъ

[Handwritten signature]

И. д. Столначальника

[Handwritten signature]

МВД
УПРАВЛЕНИЕ калмыцким народом

Стол второй
12 Марта 1908 г. № 1775 г. Астрахань

Начальнику С.-Петербургской Военно-Медицинской Академии

В дополнение к отношению от 18 Сентября 1906 года, за № 5730, Управление калмыцким народом имеет честь сообщить Вашему Превосходительству, что студент Академии Эренджен Даваев, как ныне выяснилось, правильно должен именоваться так: «Эренджян Хара-Даван»

Заведывающий
Калмыцким Народом

И. д. Столоначальника

ЦГА РТ. Ф.977. Он. Л/Д. Д.39300. Л. 8.

МАТРИКУЛЬ.

ИМПЕРАТОРСКИМЪ ЮРЬВСКИМЪ Университетомъ симъ удосто-
вряется, что

Эрендтсаянъ Давидъ ~~Арсениевичъ~~
Ара-Даванъ

нижеозначеннаго числа принять въ число студентовъ сего Университета
по следующему
факультету.

Сентября 30 дня 1908 года.

№ 22785

Чл. пр. Ректора Проректора Морозовъ

Чл. пр. Секретаря по студенческому делу Н. В. Мухоморовъ

М. Н. П.

ИМПЕРАТОРСКІЙ
ЮРЬЕВСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ.

МЕДИЦИНСКІЙ ФАКУЛЬТЕТЪ.

Юрьевъ.

Удостовереніе.

Декабрь 9-го дня 1909 г.

№ 1237.

Медицинскій факультетъ ИМПЕРАТОРСКАГО Юрьевскаго
Университета симъ удостовѣряетъ, что студентъ сего факультета

Бурлакинъ Давидъ-Артемьевичъ Хара-Даванъ
записывался на предметы медицинскаго курса въ теченіе
семи полугодій, *которымъ ему зачтены.*

На испытаніяхъ получилъ слѣдующія отмѣтки:

- Физика *пять (5)*.
Неорганическая химія *три (3)*.
Минералогія съ геологіей *четыре (4)*.
Зоологія *три (3)*.
Сравнительная анатомія *три (3)*.
Ботаника *пять (5)*.
Богословіе *—*.
Анатомія *четыре (4)*.
Практическія упражненія по анатоміи *пять (5)*.
Гистологія съ эмбриологіей *три (3)*.
Физиологія съ физиологической химіей *четыре (4)*.
Органическая химія *три (3)*.
Фармація съ фармакологіей *четыре (4)*.

П.

Качественный химический анализ *тпри (3)*
 Общая патология *тпри (3)*
 Фармакологию съ токсикологіей, ученіемъ о минеральныхъ водахъ
 и рецептурою *Гн П. Засета Сидманъ,*
 Патологическая анатомія *Гн П. Засета Сидманъ,*
 Практический курсъ патологической гистологии *Гн П. Засета Сидманъ,*
 Оперативная хирургія съ топографической анатоміей *Гн П. Засета Сидманъ,*
 Дезмуртъ *Гн П. Засета Сидманъ,*
 Врачебная діагностика *Гн П. Засета Сидманъ,*
 Теоретическій курсъ акушерства и женскихъ болѣзней *Гн П. Засета Сидманъ,*
 Общая хирургическая патология *Гн П. Засета Сидманъ,*
 Частная патология и терапия *Гн П. Засета Сидманъ,*
 Клиника хирургическая факультетская *Гн. Засета Сидманъ,*
 Клиника женскихъ болѣзней и акушерства *Гн. Засета Сидманъ,*
 Клиника терапевтическая факультетская *Гн. Засета Сидманъ,*
 Судебная медицина *Гн. часть Засета Сидманъ,*
 Практическія упражненія по оперативной хирургіи *Гн. Засета Сидманъ,*
 Гигіена *Гн. часть Засета Сидманъ*

Д Е К А НЪ

Засета

Основание Национального фонда 1997

Копия верна. Зав. печатью
Госархива

№ 139300, 16

И. П. А. П. Т.

Его Превосходительству Господи-
ну Ректору Казанскаго Унив-
ерситета

Студента Чурса мед.
Фак. Иркутска Кара-
Даванка, стипенди-
ата Калмыцкаго На-
рода

Прощение

Какъ уроженецъ Калмыцкой сѣмьи Амур-
ханской губ., гдѣ и получилъ гимназію,
я плохо перенесъ сырой и нездоровый
климатъ Калмыціи Петербурга, обука-
лся тамъ въ Военно-Медицинской
Академіи, потому я перевелся въ Цар-
евскій Университетъ, гдѣ климатъ мало
разнится отъ Петербургскаго и вредно
вѣдѣтъ на мое здоровье, переѣхавъ
къ концу калмыцкому, сухому климату
Калмыціи дѣло мое перенеслось
въ Казанскій Университетъ мед. фак.
Я покорнѣе прошу зачислить
меня на 8 семестръ въ январь 1909;
недоплатити экзаменъ по фармакологіи
я въ Иркутск не могу сдать, потому что
его сдать будетъ уже на Государственномъ
экзаменѣ, потому я прошу почитать
меня съ тѣмъ, что бы я могъ доплатить
экзаменъ сдать въ Казани.

Кому? :
Кому? :

Судимъ Д. Кара-Даванка
1909 г. 1 дек. Иркутск

Его Превосходительству Господину
Ректору Казанского Университета
Студента 4 курса мед. фак.
Эренжена Хара Давана,
стипендиата калмыцкого народа

ПРОШЕНИЕ

Как уроженец Калмыцкой степи Астраханской губ., где и кончил гимназию, я плохо переносил сырой и нездоровый для меня климат Петербурга, обучаясь там в Военно-медицинской академии, потому я перевелся в Юрьевский университет, где климат мало разнится от петербургского и вредно влияет на мое здоровье, привыкшее к континентальному, сухому климату, вследствие этого желая перевестись в Казанский университет мед. фак, я покорнейше прошу зачислить меня на 8 семестр в январе 1910 г.; недостающий экзамен по фармакологии я в Юрьеве не могу сдать, потому что его сдают один раз на государственном экзамене, потому я прошу принять меня с тем, чтобы я мог дополнительно сдать в Казани.

Адрес мой:

Астрахань, Калмыцкий пансион. Студент Э. Хара-Даван
1909 г. 1 дек. Юрьев

ЦГА РТ. Ф.977. Оп. Л/Д. Д.39300. Л.5.

12225
ИМПЕРАТОРСКІЙ
ЮРЬЕВСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ.

*Ваше
Имя
и отчество*

4

Ректоръ.

Господину Ректору ИМПЕРАТОРСКАГО
Казанскаго Университета

14
Юрьевъ,
14 декабря 1909 года

№ 8138

*Заявлено на
и ходят от
по имени
Судья*

Студентъ _____ медицинского _____ факультета Юрьевского
Университета Зрендзянъ Хара-Даванъ обратился ко
мнѣ съ прошеніемъ о переносѣ его въ Казанскій _____
Университетъ на 8 сем. того же _____ факультета.

Вслѣдствіе сего, препровождалъ при семъ (по особой описи на обо-
ротѣ) документы названнаго студента имѣю честь сообщить Вашему
Превосходительству, что Зрендзянъ Хара-Даванъ _____ вѣроисповѣданія
_____ ламаитскаго _____, родился _____ въ 18...85 г.
поступилъ въ Юрьевскій Университетъ въ сентябрѣ _____ мѣсяцѣ 19 08 г.
по _____ аттестату зрѣлости Астраханской гимназіи _____
_____ отъ « 1. » _____ іюня _____ мѣс. 1906 г. за № _____ 605.

Къ переходу просителя въ Казанскій _____ Университетъ
со стороны Юрьевскаго Университета препятствій не встрѣчается.

О послѣдующемъ съ Вашей стороны распоряженіи прошу не оставитъ
меня уведомленіемъ.

За Ректора,
_____ дѣлаемъ *Икрашевский*

Л. об Секретаря по студ.
дѣламъ *Шушарин*

Опись прилагаемых документовъ

студента Юрьевского Университета

- Эранджина Хара-Давана
- 1/ Метрическое удостоверение отъ 31 июля 1898 г. за № 4351
 - 2/ Аттестатъ свидѣтельство о среднемъ образованіи отъ 1 июля 1906 г. за № 605
 - Свидѣтельство о дополнительномъ испытаніи отъ _____ 19 _____ г. за № _____
 - 3/ Свидѣтельство объ успѣхахъ отъ 9 декабря 1909 г. за № 1767
 - Свидѣтельство о припискѣ къ призывному участку отъ _____ 19 _____ г. за № _____
 - 4/ Документъ о нижнѣ-инженерно-воинской пов. отъ 18 сентября 1906 г. за № 5730
 - 5/ Документъ о сословіи отъ 18 сентября 1906 г. за № 5729
 - 6/ Отношеніе о правильномъ имени и фамиліи его отъ 22 марта 1908 г. за N 1775.
 - 7/ Прощеніе студента Хара-Давана отъ 1 декабря 1909 года. всего „семь“ приложений.

И. об. Секретаря по студ. дѣламъ

В. М. Мисюгин

Основание: Национальный архив Юрьевского университета, ф. 1777, опись 19240, л. 4
Копия верна. Подпись: _____
Полномоченный _____

№ 733
5 января 1902. По Высочайшему повелению
Внутренних дел

На основании от 25 декабря 1901 года № 54
Канцлеру Университета императора Александра
Григорьевича (ныне Александровского), от Кавказского
Губернского Правления Савельева ~~в~~
его сведения студента № 4 (здесь) и
дипломата факultyта.

Ректора высш. школы

Въ полугодіи Весенняго 1910 г.

Студентъ Хафа-Даванъ Эрнунтисъ Даваловъ
(Фамилія, имя и отчество)
Факультета Медицинскаго
Семестра VIII

Входный билетъ за № 3069

Студента Кара-Даван

Факультета Медицинскаго
VIII сем.

Заявление.

Приходя у себя поименно об уплате денег, имю честь заявить, что на предстоящее весеннее полугодие 1914 года я записался на следующие курсы:

ФАМИЛИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ	ПРЕДМЕТЪ ЧТЕНІЙ	Число часов
д.п. Казань-Бек	Физиол. терап. Клиник	6
д.п. Терхен	" хирург. клин	6
д.п. Абабатов	Дарт. и т.п. мед. кур	3
д.п. Трудов	Акушерство и женск. бол.	3
д.п. Фрутинский	Бол. Женск. и Детск.	2
д.п. Буртегоров	Клиника Кожных и Венер	2
д.п. Кабанов	Судебная медицина	2
д.п. Добровольский	Судебно-мед. экса. и т.п.	1
д.п. Добровольский	Тифлоэкса	5
д.п. Бартоломей	Нервн. бол. и Электр.-тер.	1-2
д.п. Дикобразский	Хирург. кур. и т.п. и т.п.	5
		36-3
	Принятая сумма уплаты 20 рублей	

Иванов И. И.

1914

Косачев

Въ полугодіи осенни 1910 г.

Студентъ Хара-Даванъ, Зренджинъ Давидовъ
(Фамилия, имя и отчество)

Факультета медицинскаго

Семестра девятаго IX

Входный билетъ за № 2351 вз

Студента Хара-Даван

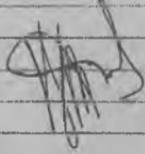
Факультета медицинск

Заявление.

Прилагаю у сего квитанцію въ уплатѣ денегъ, илию честь заявить, что на предстоящем весеннем полугодіи 1910 года я записался на слѣдующіе курсы:

Удѣленъ 20 м. апр. 1910 г.

Казанцев

ФАМИЛІЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ	ПРЕДМЕТЪ ЧТЕНІЙ	Число лекцій
О. н. Н. Засидиц	Топичн. терап. клин.	6
Прак. сист.	Хирургія клин.	6
Толзуевъ	Акушерств. Тенорск.	3
Обиновъ	Душевнобол.	2
Арабаевъ	Вдѣл. малолѣт. клин.	3
Андр.-Долгушко	Детскія бол.	1
Кесловскі	Судебная медицина	2
Теркент	Анатомія и т.	2
Александровъ	Клинич. клин.	1
Мельниковъ	Мат. и. акуш. вед.	3
	итого	28
	Студентъ меп. дух. Френгометъ Хара-Даванъ	1

Основана Национальный архив от.

Въ полугодіи весеннемъ 191/ г.

Студентъ Хара-Даванг-Андоменовъ Табаевичъ
Фамилія, имя и отчество)

Факультета медицинскаго

Семестра X

Входный билетъ за №

М. Н. Н.

СВИДѢТЕЛЬСТВО.

ИМПЕРАТОРСКІЙ
НАЗАНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТЪ
ПРОРЕКТОРЪ

18 июля 1917 г.

№ 1011

Назань.

Симъ свидѣтельствуется, что предъявитель сего Александръ Алексѣевичъ Сара Давидъ (Вавасъ), прослушавшій полный курсъ наукъ по медициналесу факультету, и имѣющій о зачетъ ему полного числа по сему факультету полугодій установленное выпускное свидѣтельство, за время своего образованія въ Университетѣ поведения была отличная.

Свидѣтельство это выдано Сара Давиду для представленія г. Предсѣдателю испытательной комиссии Испытательной Комиссии при прошеніи о допущеніи его къ правительственному испытанію въ этой Комиссии, и видомъ на жительство, равно какъ и другіимъ илѣямъ служить не можетъ.

И. Г. Савица
Проректоръ Университета

Секретарь по студ. дѣламъ

Письмо
доктора Э. Хара-Давана в Калмыцкое представительство
Овше Насунову¹

Москва, Калмыцкое представительство Овше Насунову

Получил от Вас письмо в ответ на мое письмо Амур-Санану 21/ VI с двумя выдержками. Очень благодарен и рад, что сделали столь важное облегчение для желающих возвратиться домой. Я немедленно извещу всех здешних и поеду на днях в Белград, где большинство на стройках.

Наших за границей сейчас 2000 нет. Осенью 1000 человек уехало. Осталось во всех странах не более 1000, из них: в Сербии – 200, в Болгарии – 16, в Чехии – 30 и 5 семей учителей (С. Баянов, Б. Уланов), в Константинополе, в Турции – 600 человек.

Я сегодня же напишу полковнику Абуше Алексееву в Константинополь (он представитель сальских калмыков) с приложением ваших 2-х копий, что из них попадут почти все домой. Дело в следующем: из 600 человек в Константинополе 400 служат у англичан, которые в течение 6 недель после подписания Лозаннского мирного договора должны оставить Константинополь, значит, рассчитаются полностью. Слышал, что они собираются в Сербию и Болгарию, но, узнав из вашего письма об облегчении, полагаю, что они поедут домой, что считаю единственно правильным решением для наших калмыков.

Было бы, конечно, лучше, если кто-либо из нас всех объехал лично, собрал бы в Варну, съездил бы в Константинополь, но столь значительных денег не имеем мы, поэтому приходится писать.

Во всяком случае, постараюсь, чтобы этой льготой воспользовалось наибольшее число наших. Сегодня же напишу в Константинополь Бата Хундаеву об этом, для того чтобы известил там наших калмыков.

После поездки в Белград извещу Вас о результатах, хотя это выяснится со временем, пока спишутся между колониями. Лично объехать же не в состоянии (в смысле материальном).

С искренним приветом д-р Эренжен Хара-Даван.
Сербия Банат, I Куштил.

Добавление: Недавно уехал старик Хеечи Цуглинов и застрял в Варне, парохода будто бы теперь нет.

¹ Опубликовано в Теегин герл. 1995. № 8. С. 86 - 87.

Письмо
С. Б. Балыкова – С. Б. Хара-Даван

Дорогая Сарра Бембиновна,

Я очень боюсь в этом письме перейти грани обыкновения, ибо так сильно во мне сейчас клокочут волны бурного восторга от вашего краткого, как будто наспех набросанного письма.

Жестокий вы человек, как и все хорошенькие женщины. Я до сего времени был уверен, что вы, в лучшем случае, равнодушны к моему национальному трепету, к моему горению, ибо вы ни устно, когда были, и никаким иным образом не давали мне понять о вашем сочувствии, что приходится думать так: «Сарра – интеллигентная женщина, не может быть совершенно равнодушной к нашему новому движению, она должна была выразить сочувствие или открытое порицание, но раз ни того, ни другого нет, значит она просто не хочет нас огорчать своим осуждением».

Но, (ох, как приятно) оказывается, вы сочувствовали нам и одобряли нашу скромную, честную работу, работу, которая вызвана никакими иными соображениями, кроме как только искренней верой и убеждением, что так нужно во имя интересов нашего несчастного народа.

Я говорю всегда и всюду, что идея национальной свободы так притягательна и хороша, что если хоть из тысячи шансов есть один за осуществление нашего стремления, то за этот один шанс стоит жертвовать жизнью. А у нас в данных условиях международной обстановки, в данном положении России шансов на воплощение нашей идеи в жизнь больше, чем один.

Много приходится встречаться на путях работы со всякими неприятностями, подчас даже мириться и с тем, с чем в обыкновенных делах не примирился бы, но сознание, что все это нужно, чтобы достичь конечную цель, дает силу и крепость. Многие не одобряют нашу работу, и каждый случай осуждения, особенно, от своих старых братьев и друзей, нас сильно огорчает, но зато бывает немало моментов внутреннего удовлетворения, когда от других получаешь пару добрых слов.

Смелее смотришь тогда вперед, ровнее и увереннее дышишь. Недавно я, совершенно неожиданно, получил доказательство сочувствия нам Абуши Апелевича, который у нас считался безнадежным в этом смысле. Меня сильно это обрадовало, и я написал ему очень теплое письмо. Я везде, в каждом ишу поддержки и помощи; взялся за Санжу (Алексеева) не смотря на всеобщее неважное отношение к нему здешних, и думаю, что из него выйдет хороший мне товарищ. По существу, он парень способный.

Но, ей-богу, не комплимент, никогда до сего времени, ни от кого я не получал такую награду за свою работу, как от вас, в виде вашего маленького письма. Из вашего письма выходит, что я даже осушил слезы на ваших прекрасных глазах... (Стой, как бы тут не перейти в объяснение иного порядка, ведь я старый ваш поклонник, поэтому и нужно мне с вами осторожно).

Одним словом, большое вам спасибо. Я настолько обрадован вашим с нами политическим единомыслием, что не огорчаюсь, что наши не вполне поняли и оценили мою пьесу. Ничего. Все будет в свое время. Придет время, поймут. Я еще много буду писать – и хуже, и лучше.

Я совершенно не удивляюсь, что не поняли и должным образом не приняли драму, так как я помню время, когда я впервые выступал со своими рассказами, многие возражали и указывали на ту или иную неточность... т. е. не понимали, что значит рассказ, что значит статья, беллетристика или публицистика. А потом, слава богу, привыкли и теперь очень хорошо читают.

Я часто себя спрашивал, почему Сарра никогда ничего не пробует, и ни от кого не мог добиться ответов. Нельзя смотреть, что наши не поймут и не одобряют. Ведь куда дальше идти? Осудили, да еще группой, выход книги Эренжена. Что с таких требовать! Если на них смотреть, так совершенно ничего нельзя делать...

На этом я кончаю и даю бумагу моей Доржме, которая тоже Вам хочет что-то написать. Целую ручку, не только на словах.

Ув. Вас Санжа Балыков

Э. Хара-Даван. Фото 1900- годов

Калмыцкая колония – пансионат в Чехословакии.

Стоят слева направо: Балинов Шамба Ньюделич, Уланов Наран, Баянов Санджи Баянович, Уланов Бадма Наранович, Хара-Даван Эренжен Даваевич, Ремилев Дорджа Иванович, Шурганов Алексей.

Сидят слева направо: Джама, жена Балинова Ш. Н., Ремилева Самсона Санджиевна, жена Ремилева Д. И., мать Бадмы Н. Уланова Намча Дертынова Уланова (ур. Асанова) с внуком Хонгором, Данара Баянова (ур. Уланова) с дочерью Намджал, Сарра Бембиновна Хара-Даван (ур. Алексева) с сыном Чингисом, Делгир, жена Бадмы Н. Уланова с дочерью Герел, ученица гимназии Сима, родственница Улановых.

Внизу сидят слева направо: Баир Уланов, сын Б. Уланова, Манжигов, пасынок однофамильца Б. Уланова, Петр Сусинов, Александр Уланов, сын Б. Уланова, Бакуль Зольванов, Петр Джирнов (а может Джевзинов?), Эрдне Уланов, сын. Б. Н. Уланова. Конец 1920-х годов.

В 1-м ряду, в центре Кучинов Санчир, за ним Цуцуков Эрдни, двое первых не определены.

Во втором ряду, сидят слева направо: Кульдинов Санджи (возможно, Баянов Санджи?), Цуцукова Халюк, Ремилева Самсона, Алексеев Абуша (Овше), рядом с А. Алексеевым, возможно, Булгун (Кони) Урусова, на коленях Чингис Хара-Даван, сын Э. Хара-Давана.

В 3-м ряду, стоят слева направо: Алексеев Бадма, брат Абуши Алексеева, Цуцуков Санджи, Ремилев Дорджа Иванович, Далантинов Содном, за ним, неизвестно имя, Санджи Андреев, Эренжен Хара-Даван?, Сарра Хара-Даван. Снимок сделан в Серб.-Хорват. Республике, г. Белграде (предположительно), конец 1920-х годов.

Эренжен Хара-Даван с семьей на отдыхе. Конец 1920-х годов

Эренжен Хара-Даван с женой и сыном. Начало 1930-х годов

Эренжен Хара-Даван с женой и сыном. Сербия. 1930-е годы

В 1-м ряду сидят: Сарра Бембиновна Хара-Даван (1897 – 1980), ур. Алексеева, Шевельда Манжигов.
Во 2-м ряду, слева направо Чингис Хара Даван (1922 – 1972), Коти Борманджинова, её сын Араш Борманджинов. Сербия, г. Белград, снимок сделан после 1942 г.

Чингис Хара-Даван.
1960 -е годы

Сарра Хара-Даван.
1940-е годы

У КККР в Праге (за городом) имелся летний лагерь, куда вывозили гимназистов, члены КККР выезжали на лето с семьями

Участники драмкружка в Праге. Постановка пьесы «Чингис-хан».
На троне Петр Джизвинов в роли Чингис-хана

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
I. Евразиец Эренжен Хара-Даван	7
Чингис-хан как полководец и его наследие	8
Бурчинова Л. С. Послесловие	9
Гумилев Л. Н., Ермолаев В. Ю. Чингис-хан - неожиданный ракурс	21
Кузьмин Ю. В. Книга из прошлого	30
Антонова Е. А., Мухамедьяров Ш. Ф. Евразийство с точки зрения калмыка	33
Фумики Йонэсигэ. Евразийство на Дальнем Востоке	37
Арай Юкиясу. К истории японского перевода книги Э. Хара-Давана	41
Др. Тома Миленкович. О докторе Эренжене Хара-Даване	43
Тараторин Д. Великий миротворец	54
Дугин А. Г. Чингис-хан и монголосфера	57
Лазарев Е. С. Харизматическое бремя полярного мифа	76
Лавров С. Б. Кто такой Хара-Даван?	92
Очиров У. Б. Политическая деятельность Э. Хара-Давана в период Гражданской войны	100
Алексеева П. Э. Эренжен Хара-Даван и его книга о Чингис-хане	112
Мальшева С. Евразиец Хара-Даван: казанская страничка	118
Вахитов Р. Эренжен Хара-Даван и его взгляды по национальному вопросу	123
Ням-Осор Н. О знаменитой книге Эренжена Хара-Давана и предпочтении доклада Хану Вселенной Чингису	139
II. Эренжен Хара-Даван о культурном возрождении народа	143
Изучение способов и путей для культурного возрождения калмыцкого народа	144
К вопросу о национальном объединении	148
Евразийство с точки зрения монгола	153
Предисловие	161

Чингис-хан или Россия?	
(ответ на письмо калмыков-казаков)	163
К полемике генерала Богаевского и Ш. Балинова	166
Калмыки в Югославии	168
О наших национальных задачах	169
Пути решения национальной проблемы	177
Религия в быте народов Запада и Востока	181
Тупики и исходы русской революции	198
О кочевом быте	218
Калмыцкие студенты – пионеры	222
Национальный вопрос в разрешении русских политических партий	229
Заря Востока	240
Обращение к молодежи	262
Денационализация и ассимиляция наций.....	265
Список публикаций Эренжена Хара-Давана	273
III. ПРИМЕЧАНИЯ	275
IV. ПРИЛОЖЕНИЯ	297

Научное издание

**ЭРЕНЖЕН ХАРА-ДАВАН
И ЕГО НАСЛЕДИЕ**

Составитель Прасковья Эрдниевна Алексеева

Главный редактор Д. Б. Доржиева

Редактор А. В. Задорожная

Техническое редактирование Л. Е. Гермашевой

Верстка Т. И. Мухариновой

Обложка Г. О. Ермошкаевой

Подписано в печать 28. 08. 2012. Формат 60x84^{1/16}. Бумага офсетная.

Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная.

Уч.-изд. л. 15,84. Усл.-печ. л. 19,53. Тираж 350 экз. Заказ № 1625-12.

АУ РК «Издательский дом «Герел»

358000, Республика Калмыкия,

г. Элиста, ул. Ленина, 243.

ЗАОр «НПП «Джангар»

358000, Республика Калмыкия,

г. Элиста, ул. Ленина, 245.